

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный университет»

Студенческое научное общество историко-политологического факультета

РОССИЯ И МИР
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

III

Материалы Третьей всероссийской научной конференции
молодых ученых, аспирантов и студентов

*(Пермь, Пермский государственный университет,
4 – 8 февраля 2010 г.)*

Пермь
2010

УДК 94(47) “18” “19”: 94(100)
ББК 63.3(2)5:63.3(0)
Р 76

Россия и мир в конце XIX – начале XX века: материалы Третьей всерос. Р 76 науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Пермь, Перм. гос. ун-т, 4 – 8 февраля 2010 г.) / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2010. – 152 с.

ISBN 978-5-7944-1397-7

Настоящее издание представляет собой сборник материалов Третьей всероссийской конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной проблемам всеобщей и отечественной истории на рубеже XIX и XX веков. Наряду с материалами проблемного характера, отражающими интеллектуальные поиски подходов к пониманию сущности глобальных процессов, происходивших в рассматриваемый период и определивших тенденции мирового развития в XX веке, в сборнике представлены работы конкретно-исторического плана, освещающие локальные, но значимые сюжеты зарубежной и российской истории.

Издание адресовано специалистам-историкам, аспирантам и студентам, всем тем, кто интересуется проблемами истории.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного университета

Редакционная коллегия:

Д. В. Бубнов, И. К. Кирьянов (отв. редактор), С. И. Корниенко,
М. В. Ромашова, Д. М. Софьин (зам. отв. редактора)

УДК 94(47) “18” “19”: 94(100)
ББК 63.3(2)5:63.3(0)

ISBN 978-5-7944-1397-7

© Пермский государственный университет, 2010
© Коллектив авторов, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алипов П. А. (Москва). Дискуссия 1900 г. о характере социально-экономического развития древнего мира: отзыв М.И. Ростовцева на диссертацию И.М. Гревса</i>	6
<i>Ананьева Е. С. (Санкт-Петербург). Создание советской милиции на территории Союза Коммун Северной области, апрель 1918 г. – начало 1919 г.</i>	9
<i>Антипин Н. А. (Челябинск). Образы русско-японской войны: трансформация памяти, 1904 – начало 1920-х гг.</i>	12
<i>Баженова К. Е. (Нижний Тагил). Структура организаций Всероссийского Земского Союза в Пермской губернии в годы Первой мировой войны</i>	15
<i>Базарьева Л. П. (Пермь). Кооперация и голод в Оханском уезде Пермской губернии по данным газеты «Пермский кооператор»</i>	19
<i>Байкалова О. С. (Москва). Консервативная мысль на рубеже XIX и XX вв.: эволюция от философской теории к политической доктрине</i>	21
<i>Баранова А. Р. (Пермь). Домашняя прислуга и революция: постановка проблемы</i>	24
<i>Бринцева А. А. (Москва). Влияние выставки произведений художников семьи Верне в 1898 г. в Париже на изучение творческого наследия художников</i>	28
<i>Вершинина Д. Б. (Пермь). Мужчины-суфражисты в Англии начала XX в.: проблемы рекрутирования и методов борьбы</i>	31
<i>Власова О. В. (Пермь). Национальная политика на Среднем Урале (рубеж XIX и XX вв.): возможности компьютеризированного исследования</i>	35
<i>Габушин К. Н. (Екатеринбург). Агентурная деятельность уральских чрезвычайных комиссий в 1919–1921 гг.</i>	39
<i>Гавриков А. А. (Иркутск). Дискуссия в отечественной прессе 1890-х гг. о перспективах развития православной проповеди в Японии</i>	40
<i>Горина О. С. (Пермь). Задачи профессионального художественного образования в Прикамье в 20-е гг. XX в.</i>	44
<i>Григорьева С. Е. (Тольятти). Государственная политика в отношении ярмарочной торговли во второй половине XIX – начале XX в.</i>	47
<i>Дегтярев Д. С. (Барнаул). Экономические функции пригородных зон городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.</i>	51

<i>Дерюшева М. А. (Пермь). К вопросу о месте заводских и сельских детских учреждений в истории благотворительности Пермской губернии (1892–1917 гг.)</i>	53
<i>Дмитриева М. В. (Пермь). Художественный мир журнала «Аполлон»</i>	56
<i>Долгова А. В. (Пермь). Распространение бандитизма в период военного коммунизма</i>	59
<i>Домовитова П. Я. (Пермь). Режим Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака глазами представителей группы «Народ»</i>	63
<i>Ермолаев М. С. (Новосибирск). Города как элемент региональной торговой сети: к историографии вопроса</i>	64
<i>Зайцев В. А. (Казань). Отношение духовенства Казанской епархии к русско-японской войне в 1904–1905 гг.</i>	68
<i>Замоздра Г. Н. (Челябинск). Использование опыта дипломатики частных актов А.С. Лаппо-Данилевского в проекте по исследованию грамот московских князей при помощи технологии XML</i>	72
<i>Зулькарнаева Е. З. (Уфа). Эволюция британской партийно-политической системы в середине 1880-х – начале 1890-х гг.: создание юнионистского альянса</i>	74
<i>Ипатов А. М. (Воронеж). Был ли О. фон Бисмарк пангерманистом?</i>	78
<i>Каменских М. С. (Пермь). Герой Гражданской войны на Урале Жен Фучен: красный командир и настоящий китаец</i>	81
<i>Кравченко А. А. (Рязань). «Место под солнцем»: формирование внешнеполитической доктрины итальянского фашизма</i>	85
<i>Кружалина А. А. (Иркутск). Политическая роль К. П. Победоносцева и его влияние на внутреннюю политику Александра III</i>	88
<i>Кузнецова Е. А. (Пермь). Рекламные объявления в «Пермских губернских ведомостях»: методы сохранения и анализа</i>	91
<i>Матвеев С. Р. (Пермь). От «Русской школы» до марксизма: к вопросу развития историографических направлений</i>	94
<i>Мещеряков А. В. (Оренбург). Система управления Оренбургского казачьего войска пореформенного периода в оценке отечественной исторической науки</i>	98
<i>Миняшев В. С. (Самара). Вопрос о расширении финансово-бюджетных полномочий законодательной власти в I и II созывах Государственной думы Российской империи (1906–1907)</i>	101
<i>Михайлов Д. С. (Оренбург). Формирование внешнеполитической доктрины России в конце XIX в. (по дневникам В. Н. Ламздорфа)</i>	105

<i>Мухаметнурова О. У. (Челябинск). Историческая память современного российского общества о событиях Октябрьской революции 1917 г.</i>	108
<i>Мухин Д. А. (Вологда). Служба в форме оклада в вологодской деревне в конце XIX в.</i>	111
<i>Набокина Т. А. (Челябинск). Нелегкое начало Оренбургской ученой архивной комиссии</i>	115
<i>Назаров А. М. (Тольятти). Иностраный капитал в Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в.</i>	117
<i>Попова А. Н. (Екатеринбург). Организационная структура историко- филологического отделения Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (последняя треть XIX – начало XX в.)</i>	120
<i>Пьянков С. А. (Екатеринбург). Зерновое производство крестьянских хозяйств Пермской губернии конца XIX – начала XX в.</i>	123
<i>Синельникова Е. Ф. (Самара). Ф. Т. Яковлев и его вклад в археологическое изучение Самарского края</i>	127
<i>Софьин Д. М. (Пермь). Ольга Константиновна – греческая королева или русская Великая княгиня?</i>	131
<i>Ставский К. О. (Екатеринбург). Манипулятивное воздействие на сознание германской молодежи НСДАП в период ее формирования как «партии власти»</i>	134
<i>Чащин А. В. (Екатеринбург). Демографическая характеристика Екатеринбурга (Свердловска) в 1897–1926 гг.</i>	138
<i>Шарапов И. Р. (Москва). Основные модели оптимизации территориально- политического устройства России, конец XIX – начало XX в.</i>	142
<i>Юровецкая А. В., Бринцева А. А. (Москва). Технологические эксперименты П. П. Кончаловского с живописными материалами на примере произведений, проходивших реставрацию в ГосНИИРе</i>	145
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	149

**ДИСКУССИЯ 1900 Г. О ХАРАКТЕРЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕГО МИРА:
ОТЗЫВ М. И. РОСТОВЦЕВА НА ДИССЕРТАЦИЮ И. М. ГРЕВСА**

Рубеж XIX и XX вв. оказался чрезвычайно плодотворным временем в истории русского антиковедения. В 1899 г. в Петербургском университете были успешно защищены сразу две магистерские диссертации по сходной проблематике¹. При этом их авторы изначально исходили из различных теоретических предпосылок, а с течением времени эти ученые и вовсе заняли диаметрально противоположные позиции по концептуальным вопросам. Создался совершенно необыкновенный прецедент, когда конкретный научный спор о характере социально-экономического развития древнего мира, зародившийся в Западной Европе², к 1900 г. оказался целиком перенесен на русскую почву, а вместо немецких ученых Э. Мейера и К. Бюхера на сцену вышли соответственно молодые русские историки – М. И. Ростовцев и И. М. Гревс. В инспирированную ими широкую дискуссию постепенно включились лучшие отечественные специалисты, и при том не только антиковеды³. Формально обсуждение проходило на страницах рецензий, которые между тем превратились в изложение всеми заинтересованными лицами своих собственных взглядов на то, как происходила экономическая эволюция античности. Поскольку рамки настоящей работы ограничены, мы рассмотрим лишь мнение самого М. И. Ростовцева о труде своего коллеги – И. М. Гревса⁴, что послужит важным вкладом в составление интеллектуальной биографии крупнейшего отечественного историка-антиковеда, ведь именно в горниле этих острейших научных споров позиция М. И. Ростовцева превратилась в стройную научную теорию.

Сразу заметим, что монография коллеги им оценивается в принципе положительно, из уст ученого даже звучат весьма обнадеживающие для автора сочинения слова: «Книга Гревса есть несомненно одно из выдающихся произведений нашей исторической литературы»⁵. Однако М. И. Ростовцева не устраивает метод автора – разъяснение путем примеров (он уверен в большей целесообразности систематического исследования материала), ведь избранные там ключевые персонажи, Гораций и Аттик, дают не так много данных, из-за чего И. М. Гревсу постоянно приходится сбиваться на общие аналогии⁶. Несмотря на это, рецензент хвалит его за введение в научный оборот новых источников по экономической истории древности (это римские поэты первых веков империи)⁷ и вообще за то, что он сумел уйти от господствовавшего в то время антиквариантства, поднявшись до необходимого уровня обобщений⁸. Однако основа этих обобщений как раз и вызывает у М. И. Ростовцева резкое неприятие.

Напомним, что теоретическим основанием построений И. М. Гревса служит теория Родбертуса–Бюхера. Как отмечает рецензент, автор монографии низвел свою задачу к историческому обоснованию теоретических построений

К. Бюхера⁹. Между тем сам М. И. Ростовцев эту теорию совершенно не разделяет, считая ее недопустимо односторонней, такими же односторонними ему видятся и аргументы в ее защиту, предлагаемые И. М. Гревсом. Главная ошибка, которая коренится в самом фундаменте подобных построений, ему видится в нежелании ученых стать на всемирно-историческую, а в данном случае на всеантичную точку зрения. М. И. Ростовцев резко критикует их за то, что они «разбирают с экономической точки зрения только последнюю эпоху в жизни древнего мира – Римскую империю, не обращая должного внимания на предшествовавшие эпохи, на экономическую жизнь Востока, эллинизма, эллинизма, Карфагена и Римской республики»¹⁰. В противовес такой позиции он прямо указывает на пример Эдуарда Мейера, которого называет даже «апостолом» всеантичной идеи¹¹. Его система взглядов кажется М. И. Ростовцеву гораздо более убедительной.

Рецензент указывает автору монографии на некоторое недоразумение, образовавшееся в процессе понимания тем самой сути дискуссии, зародившейся в недрах германской исторической науки. Он отмечает, что И. М. Гревс полагает для себя достаточным выявить правоту К. Бюхера по вопросу об экономическом развитии именно эпохи Римской империи, которая якобы явилась пиком экономического развития древности в целом. Но, как гласит латинская пословица, *post hoc non est propter hoc*, то есть нельзя, убежден М. И. Ростовцев, утверждать, что, если в основе экономической жизни этой эпохи лежит домовое хозяйство, то оно характерно и для всей древности¹². На ряде примеров он показывает, что и в культурном, и в государственном, и, конечно же, в экономическом отношении древность выработала свои наиболее развитые формы в эпоху эллинизма, что, в свою очередь, стало возможным, благодаря длительному развитию собственно греческих государств и их колоний. Именно на этом этапе своей истории античный мир узнал наиболее совершенную форму хозяйствования, а именно хозяйство народное (с развитым обменом, процветающей торговлей, с активным использованием меновых знаков – денег), что совершенно отрицали К. Бюхер и его сторонники¹³. А вот как раз эпоха римской всемирной гегемонии, согласно М. И. Ростовцеву, явилась временем не прогресса, но, наоборот, регресса античной цивилизации. Римская республика, в его видении, стремясь сохранить уже к тому времени явно устаревший государственный строй, губила более совершенные формы государственности, сформировавшиеся на эллинистическом Востоке, одновременно уничтожая политическую самостоятельность любых территориальных образований в этом регионе. С экономической точки зрения Рим беззастенчиво эксплуатировал культурный Восток, подрывая его материальное благосостояние. То есть вместо того, чтобы перенимать что-либо полезное оттуда, Рим наносит эллинизму, культуре удар за ударом, не давая ничего взамен, поэтому и сам продолжает оставаться на ступени примитивного домового хозяйства¹⁴. М. И. Ростовцев отмечает, что с появлением нового режима – принципата – и с последовавшим вслед за этим новым отношением к провинциям, ситуация на непродолжительное время переменялась в лучшую сторону: наступила фаза мирового хозяйства с активной международной торговлей. Но поскольку это возрождение опять-таки было

обязано своим существованием культурному Востоку, а тот уже был к тому времени слишком истощен, лишен политической свободы и свободной государственной конкуренции, то изменить уже было ничего нельзя. В этой борьбе, по мнению рецензента, Запад победил Восток, а ойкосный (домовый) строй победил народное хозяйство¹⁵. Тем самым будущий коллапс античной цивилизации оказался предрешен.

Высказав, таким образом, свое понимание хода экономического развития древнего мира и переходя к подведению итогов своего обзора, М. И. Ростовцев констатирует, что И. М. Гревс, сам блестяще подметивший и ярко очертивший кратковременное возрождение экономической жизни в эпоху принципата, все же, находясь в интеллектуальном плену у концепции К. Бюхера, не сумел по достоинству оценить значение эллинизма и степень его влияния на античную экономику. При этом он, справедливости ради, признает заслугу рецензируемого автора «в выяснении той ойкосной подкладки, которая просвечивает сквозь внешний блеск Римской империи»¹⁶. Но важно другое: М. И. Ростовцев видит ошибки и у противников теории Родбертуса–Бюхера. Главные из них заключаются в том, что, во-первых, и они недооценили эллинизм, относя экономический пик развития античности к периоду существования эллинской политики, а во-вторых, они, со своей стороны, не до конца осознали роль Рима в экономической истории древности¹⁷. Соответственно, М. И. Ростовцев в данной работе дистанцируется и от К. Бюхера, и от Э. Мейера, принципиально занимая свою особую позицию в развернувшейся между ними и их сторонниками дискуссии.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что именно в ходе дискуссии 1900 г. вокруг концепции К. Бюхера М. И. Ростовцев сформулировал систему своих взглядов на экономическое развитие древности. Неудивительно поэтому, что этот молодой и перспективный ученый, который уже в начале своего творческого пути уловил основную научную тенденцию в области социально-экономической истории античности, зародившуюся в начале XX в., постепенно в силу достаточно объективных причин превратился из рядовых сторонников в одного из ее мировых лидеров.

¹ *Ростовцев М.* История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1899. (ЗИФФИСБУ. Ч. LI.); *Гревс И. М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Т. I. СПб., 1899.

² *Немировский А. И.* Историография античности конца XIX – начала XX в. (1890–1917). Начало кризиса буржуазной исторической мысли // *Историография античной истории* / Под ред. В. И. Кузицина. М., 1980. С. 144–145.

³ [Без автора]. Рец.: И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Том I. СПб., 1899 // *Русское богатство*. 1900. № 7. С. 33–38; *Зелинский Ф. Ф.* Рец.: И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Том I. СПб., 1899 // *Журнал министерства народного просвещения*. 1900. Июль. С. 156–173; *он же.* Из экономической жизни древнего Рима // *Вестник Европы*. 1900. Август. С. 586–624; *Ростовцев М. И.* Рец.: И. М. Гревс. Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во время империи). Том I. СПб., 1899 // *Мир Божий*. 1900. № 4. С. 95–99; *Кареев Н. И.* Книга г. Гревса о римском землевладении // *Русское богатство*. 1900. № 11, с. 1–27; № 12, с. 1–20. См. также: *Ростовцев М. И.* Капитализм и народное хозяйство в древнем мире // *Русская мысль*. 1900. Кн. III. С. 195–217.

⁴ *Ростовцев М. И.* Рец.: И. М. Гревс. Очерки... С. 95–99.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ Там же. С. 96–98.

⁷ Там же. С. 98.

⁸ Там же. С. 95.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 98–99.

¹³ Там же. С. 99.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Ананьева Елена Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СОЮЗА КОММУН СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ, АПРЕЛЬ 1918 Г. – НАЧАЛО 1919 Г.

Датой создания Союза Коммун Северной области (СКСО) можно считать 26–29 апреля 1918 г. – время работы I Съезда Советов Северной области. На нем был избран руководящий орган (ЦИК), который образовал областной Совет комиссаров. Первоначально в состав СКСО вошли шесть губерний (Архангельская, Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Петроградская, Псковская), с июня 1918 г. – еще две губернии (Северо-Двинская и Череповецкая). Все руководящие органы Союза Коммун находились в Петрограде, в т. ч. и Комиссариат по внутренним делам (КВД)¹.

6 июня 1918 г. открылся I Съезд представителей от губернских исполкомов северных губерний при КВД. Съезд положил начало связи центра (Петрограда) с совдепами Северной области².

КВД СКСО подразделялся на четыре отдела: отдел наружной охраны, отдел советского управления, экономическо-хозяйственный отдел и отдел общих дел. Каждый из отделов подразделялся на подотделы.

В ведении отдела наружной охраны находились вопросы, связанные с охраной Северной области. Он разрабатывал однотипные проекты охраны правопорядка для всех северных губерний. Все комиссариаты должны были ввести одинаковую систему охраны на территории Союза Коммун. Штаты дружинников набирались совдепами только после предоставления рекомендаций от общественных, политических и советских организаций. Все должности по охране порядка являлись оплачиваемыми. Советы представляли смету расходов на содержание охраны в КВД. Он должен был отпускать необходимые денежные средства и контролировать деятельность комитетов охраны³.

В июле 1918 г. Отдел наружной охраны при КВД разослал по всем губерниям запросы, в которых требовал сообщить, как обстоит дело с организацией наружной охраны на местах, а также предлагал прислать штаты и сметы, необходимые для содержания милиции в данной губернии⁴.

Согласно полученным данным, в 303 волостях Союза Коммун общественный порядок обеспечивала милиция, в 35 – Красная армия, в 114 – добровольные дружины, а в 67 волостях охрана не была организована⁵.

Таким образом, перед Петроградом стояла сложная задача унифицировать структуру правоохранительных органов на всей территории СКСО и наладить работу местных отделов охраны. Решение данной задача встретило большие затруднения, причиной которых являлось несвоевременное финансирование местных отделов, тяжелое материальное положение милиционеров, недостаток оружия, обмундирования, снаряжения, и т. д.

Организация местных управлений милиции в Петроградской, Псковской, Новгородской губерниях началась с конца июня 1918 г. К организации местных управлений Олонецкой, Череповецкой, Вологодской губерний приступили в конце июля, а Северо-Двинской и Архангельской – с 1 августа 1918 г.⁶

Несмотря на указанные трудности, численность дружинников наружной охраны Союза Коммун в декабре 1918 г. составила в Петрограде 12 401 человек, а на территории восьми северных губерний охраняли порядок 5 248 гвардейцев (в Архангельской губернии – 25, Вологодской – 339, Новгородской – 697, Олонецкой – 400, Петроградской – 2 000, Псковской – 960, Северо-Двинской – 400 и Череповецкой – 427)⁷.

Таким образом, почти 70 % (12 401) от общей численности милиционеров приходилось на Петроград и только 30 % (5 248) на губернии. Такое положение являлось ненормальным и требовало пристального внимания властей к данной проблеме.

На Съезде заведующих наружной охраной города Петрограда, губерний и городов на территории СКСО (Съезд проходил в Петрограде с 5 по 9 сентября 1918 г.) был поднят вопрос об организации конной милиции в губерниях Северной области. Съезд постановил, что нужное количество лошадей КВД приобретет через Комиссариат по военным делам⁸.

Также Съезд утвердил единую форму для дружинников революционной охраны на территории СКСО⁹. Данное обмундирование было разработано отдельно для пешей и конной милиции. Для конной милиции приборный цвет сукна был зеленый, а для пешей – красный. Конная милиция носила сапоги с привязанными шпорами, а пешая – ботинки с гетрами или обмотками. Однако эта форма не успела получить широкого применения, т. к. в ноябре 1918 г. Коллегия НКВД РСФСР утвердила новую форму советской милиции на территории всей Республики¹⁰.

Одной из важных проблем при организации милиции в губерниях была проблема обеспечения огнестрельным и холодным оружием. Например, для вооружения дружинников Новгородской губернии требовалось 147 винтовок кавалерийского образца и 7 350 патронов к ним¹¹. Вологодской губернии – 122 шашки, 168 винтовок и 5 450 патронов¹². Олонецкой губернии – 30 револьверов

с патронами и 30 шашек. Северо-Двинскому подотделу наружной охраны было необходимо получить 100 винтовок, 5 000 патронов, 150 револьверов и 150 шашек¹³. Архангельский губернский отдел просил прислать 100 револьверов, 100 винтовок, 100 шашек и патроны¹⁴.

Проблему с нехваткой оружия в милиции обострил Декрет СНК от 24 октября 1918 г., в котором говорилось о замене трехлинейных винтовок, винтовками других образцов (японского, австрийского, бердана и т. д.)¹⁵. Эта мера была направлена на снабжение красной армии необходимым для нее оружием. Ситуация с перевооружением милиции осложнялась тем, что процесс изъятия трехлинейных винтовок опережал процесс их замены. Поэтому во многих губерниях милиция оказалась фактически обезоруженной.

Данное объединение просуществовало меньше года. Вопрос о его ликвидации обсуждался на партийной конференции Новгорода и Пскова. Делегаты заявили, что Северное областное объединение является лишним. Его деятельность вносит хаос в работу губерний. Поэтому необходимо упразднить СКСО. III Съезд Советов Северной области, проходивший в феврале 1919 г., упразднил это объединение¹⁶.

К марту 1919 г. в Петрограде почти 7 000 милиционеров, в Архангельской губернии – 111, Вологодской – 424, Новгородской – 489, Олонецкой – 470, Петроградской – 2 024, Псковской – 1 008, Северо-Двинской – 472, Череповецкой – 448¹⁷. Следовательно, был ликвидирован перекосяк количества гвардейцев охраны в центре и на местах. Кроме того, увеличился численный состав милиции в губерниях СКСО. Однако проблема снабжения милиции обмундированием, продовольствием, вооружением так и не была решена.

Таким образом, с лета 1918 г. начался процесс создания советской милиции, как в городах, так и в уездах на территории СКСО. Была предпринята попытка разработать штатное расписание милиции каждой губернии, входившей в Союз Коммуны, создать единую нормативно-правовую базу, определить потребности милиции в оружии и наладить его доставку, обеспечить ее конским составом и фуражом. Но срок существования СКСО оказался очень невелик. Ситуацию усугубило тяжелое экономическое положение и опасность военного нападения. Кроме того, часть территорий некоторых губерний (Псковской, Архангельской) оказалась отторгнута от Северной области. Но, несмотря на короткий период своего существования, СКСО заложил основы для дальнейшего формирования милиции в каждой губернии отдельно.

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / Гл. ред. С. С. Хромов. М., 1987. С. 533.

² Доклад о деятельности Комиссариата по Внутренним делам Союза Коммуны Северной области // Вестник Областного Комиссариата Внутренних дел. 1918. № 1. С. 33.

³ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-635. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 142. Оп. 8. Д. 168. Л. 8.

⁵ Доклад о деятельности Комиссариата по Внутренним делам Союза Коммуны Северной области. С. 36.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 8. Л. 111об.

⁷ Там же. Л. 109.

⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 238. Л. 3об.

⁹ Там же. Д. 238. Л. 14.

¹⁰ Токарь Л. Н. История российского форменного костюма. Советская милиция, 1918–1991 гг. СПб., 1995. С. 9.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 8. Д. 237. Л. 45.

¹² Там же. Л. 47.

¹³ Там же. Л. 55–56.

¹⁴ Там же. Л. 66.

¹⁵ Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С.449–450.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп.1.

¹⁷ Там же. Оп. 8. Д. 298. Л. 38–45.

Антипин Николай Александрович
Челябинский государственный университет

ОБРАЗЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАМЯТИ, 1904 – НАЧАЛО 1920-Х ГГ.

«Образ войны» – понятие многосложное. Оно включает в себя и собственный образ, и образ врага; также в образную конструкцию входят представления о характере войны, ее масштабах, соотношении сил и перспективах. Кроме того, образ войны – динамичная конструкция. Е. С. Сенявская выделяет три его типа: прогностический, синхронный и ретроспективный¹. Это согласуется и с теорией памяти, согласно которой культурная, коллективная или коммуникативная «памяти» трансформируются во времени. Для настоящей темы конструктивно использование концепции «коллективной памяти», разработанной М. Хальбваксом. Он подчеркивал, что память индивида зависит от контекста коллективной памяти, хотя отдельный человек может и не ощущать социального давления. Зависимость памяти от социального контекста объясняет изменчивость прошлого: к примеру, со сменой или вытеснением старой элиты образы прошлого могут быть заменены новыми образами².

В годы русско-японской войны в сознании российской общественности сформировалось несколько образов дальневосточной кампании, куда вошли общие представления о войне, противнике, восприятие собственной страны и русской армии. Изучая источники личного происхождения, художественную литературу, публицистику, визуальные источники, фольклор, я выделил несколько синхронных образов войны: «либеральный» или «пацифистский», «традиционалистский» или «агрессивный», «военный», «разночинский», «революционный»³.

«Традиционалисты» воспринимали войну с Японией как священное действие, в котором отстаивается честь России, а потому она имеет общенациональную важность. В связи с этим, русская армия представлялась героическим воинством, Россия – центром мировой цивилизации, спасающей Европу от нового нашествия «монгол». Враги воспринимались «второсортными» людьми,

варварами. В ранг неприятеля записывались и союзники Японии – Великобритания и США, а также «внутренний враг» – интеллигенция.

«Внутренний враг» «традиционалистов» являлся носителем «либерального» образа войны, которая воспринималась как противоестественное явление, безумие, своеобразный атавизм. Соответственно, для «либералов» неважна национальная и культурная принадлежность воюющего человека: противостоящие на полях сражений люди теряли для них свое человеческое лицо.

В пограничье между «либералами» и «революционерами» стояли «народники», чей образ войны включал в себя элементы первых, но с выраженной социальной окраской и идеями необходимости радикальных изменений внутри страны под давлением внешних факторов. В «революционном» образе война представлялась преступлением царского правительства против собственного народа. Русская армия (крестьяне и рабочие) – это жертва политики самодержавия. Поэтому образ врага приобрел позитивную окраску, ибо японская победа – это поражение самодержавия.

Естественно, что комбатантам, знакомым с войной лично, в отличие от прочего населения России, свойственно своеобразное восприятие событий. Однако и в этой среде не обнаруживается монолитности: выделение групп офицеров и нижних чинов. Для военных-профессионалов война – это не метафизическое событие, а повседневность, ремесло. Армия имеет строгую иерархию и призвана решать поставленные задачи. Тем не менее, бой остается местом проявления героизма и жертвенности. Русская армия не идеализируется: военные понимали ее недостатки, но изъяны отмечались и у врага. В ходе войны профессионалы отстраняются от уничижительного прогностического образа врага, признавая его высокие боевые качества.

Крестьянское восприятие войны находится в пограничном состоянии между «военным» и «традиционалистским» образами: крестьяне составляли основу русской армии, а потому некоторая часть крестьян воспринимала войну, опираясь на боевой личный опыт. Крестьяне, не участвовавшие в кампании, т. е. большая часть населения империи, находились под сильным влиянием традиционализма, но сохраняли специфические деревенские элементы восприятия войны (например, большое значение имела тема разлуки).

«Разночинский» образ войны отличается от всех названных своей умеренностью. Этот образ объединил в себе многие элементы других образных конструкций. Война имела вынужденный характер, что не исключало выделения героических черт русской армии и возможности самопожертвования в кровавом конфликте; это соседствует с трагической окраской войны. Отмечается присутствие врага, но его образ размыт и не наблюдается пренебрежительного отношения к противнику. «Разночинский» образ занимает пограничное положение между «традиционалистским», «военным» и «либеральным».

Тогда, в годы войны и после подписания Портсмутского мирного договора, «революционный» образ занимал маргинальные позиции и не получил широкого распространения. Однако после революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны произошла смена элит, погибли или эмигрировали за пределы России интеллигенция, военные, чиновники, по-разному воспринимавшие

войну 1904–1905 гг. Изменился социальный контекст, начался процесс конструирования нового прошлого, в ретроспективном восприятии русско-японской войны в качестве основы утверждается «революционный» образ кампании.

Популяризации и распространению «революционного» образа русско-японской войны в 1920-е гг. способствовали работы историка и советского деятеля М. Н. Покровского⁴, который до определенной степени следовал за идеями В. И. Ленина⁵. В первом издании «Русской истории в самом сжатом очерке» (1923) историк представил войну естественным продолжением внешней политики Романовых, отмечая, что царское правительство готовилось к конфликту более десяти лет. Он воспроизвел концепцию С. Ю. Витте о возникновении войны в ходе борьбы в российском правительстве двух лагерей: во главе первого С. Ю. Витте (против войны), второго – Николай II (за завладение Маньчжурией и Кореей). Историк симпатизировал японцам. Он отрицал «коварство» противника, который неожиданно напал на русский флот в Порт-Артуре, говоря, что международное право не обязывает стороны предварительно объявлять друг другу войну, а после использовать вооруженные силы. Историк изображал русскую армию отсталой, старой (по возрасту солдат), которой противостоят малочисленные, но боеспособные японские войска. М. Н. Покровский вписал войну в контекст первой революции: упоминаемые в работах крупные сражения соотносились с революционными событиями внутри страны. Так, история русско-японской войны оказывается разбитой на несколько частей, которые помещены в качестве внешнеполитического фона для внутренних процессов.

Однако в дальнейших работах и в последующих редакциях «Русской истории в самом сжатом очерке» М. Н. Покровский продолжал перерабатывать свою концепцию истории войны с Японией 1904–1905 гг. Он отказался характеризовать войну как империалистическую: «...ближайшее изучение архивных документов заставило автора окончательно отказаться от взгляда на Русско-японскую войну 1904–1905 гг., как на войну империалистическую, и признать в этой войне заключительное звено колониальной политики Романовых, начиная еще с Петра I»⁶. Отрицание империализма в России в начале XX в. послужило одним из поводов для критики исторической концепции оппонентами, ибо подобное «вольноедумство» ученого входило в противоречие с ленинским идейным наследием, а последнее являлось эталоном.

Итак, восприятие русско-японской войны претерпело в первые двадцать лет после ее окончания существенные трансформации. В ходе войны сформировалось несколько образов. Мировая и Гражданская войны, революция вытеснили события 1904–1905 гг. на периферию культурной памяти. В начале 1920-х гг. началось конструирование нового образа русско-японской войны, основанного на «революционном» ее восприятии. Однако вскоре, в 1930-е гг., произойдет новый поворот к традиционным ценностям, что вызовет изменения образов прошлого, транслируемых властью.

¹ *Сенявская Е. С.* «Образ войны» в массовом сознании и исторической памяти: вопросы теории и методологии // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 318–329.

² *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007.

³ См.: *Антипин Н. А.* «Война образов»: русско-японский конфликт 1904–1905 гг. в восприятии современников // Студенческая наука: поиски и открытия: материалы межвузовской студенческой конференции. Челябинск, 2008. С. 160–162; *он же.* Историография Русско-японской войны (1920–1950-е гг.) // Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧелГУ. Челябинск, 2009. Вып. 4. С. 75–76; *он же.* Поэтический образ Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Там же. С. 45–47; *он же.* Фотоальбом боевой жизни: придуманная война // Материалы XLVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: история. Новосибирск, 2009. С. 122–124.

⁴ См.: *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1923. Ч. III. Вып. I; *он же.* Русская история в самом сжатом очерке. Изд. 2-е. М.; Л., 1926. Ч. III. Вып. I; *он же.* Русская история в самом сжатом очерке. Изд. 5-е. М.; Л., 1931. Ч. III. Вып. I; *он же.* 1905 год. М., 1930; *он же.* Очерки по истории революционного движения в России XIX–XX вв.: лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП(б) зимой 1923–1924 гг. М., 1924.

⁵ См.: *Ленин В. И.* К русскому пролетариату // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1967. С. 170–174; *он же.* Самодержавие и пролетариат // Там же. Т. 9. М., 1972. С. 126–136; *он же.* Падение Порт-Артура // Там же. С. 151–159; *он же.* Царский мир // Там же. С. 230; *он же.* Разгром // Там же. Т. 10. М., 1976. С. 251–255.

⁶ *Покровский М. Н.* Русская история в самом сжатом очерке. Изд. 2-е. Ч. III. Вып. I. С. 3.

Баженова Кристина Евгеньевна
Нишнетагильская государственная социально-педагогическая академия

СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИЙ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вступление России в Первую мировую войну открыло перед земским самоуправлением новые сферы деятельности. Война потребовала от него огромного напряжения сил, мобилизации материальных, финансовых и трудовых ресурсов страны для защиты государства от врага. Для этого Земскому Союзу было необходимо сменить формы работы в условиях перестройки экономики для нужд войны.

Земства, воспользовавшись военной обстановкой, в первые дни войны поставили вопрос о создании общероссийской организации. В Москве 30 июля 1914 г. на съезде представителей земств был образован Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам. В его состав вошла 41 губерния (за исключением Курского губернского земства и области Войска Донского). Основными элементами административной организации Союза являлись центральные органы объединенных земств (Совещание и Комитет), губернские и уездные комитеты.

Центральным распорядительным органом служило собрание представителей земств по два от каждой губернии: один уполномоченный избирался губернским земским собранием из среды губернских гласных, второй – губернской управой по выбору управской коллегии.

Функции Центрального Комитета заключались в разработке организационных вопросов, входивших в круг его деятельности (эвакуация и перевозка раненых во внутренние губернии; организация госпиталей, центральных складов; подготовка персонала по лечению и уходу за ранеными и т. п.).

Для обеспечения систематической административной работы центральное управление Союза было разбито на отделы: эвакуационный, заготовительный, санитарный, контрольный.

Местными органами Союза являлись губернские и уездные комитеты. Губернский земский комитет состоял из избираемых губернским земским собранием 10 гласных. В его состав также входили губернская земская управа и представители уездных комитетов, по одному от каждого, один член санитарного бюро губернского земства и представитель губернского санитарного совета¹.

В обязанности губернских комитетов входили: поставка теплых вещей для армии; организация специальной врачебной и медицинской помощи увечным воинам; участие в деле борьбы с заразными болезнями; закупка медикаментов; оказание помощи военнопленным, беженцам (медико-санитарные мероприятия, трудовая помощь, помощь детям-беженцам); снабжение российской армии. Мероприятия по снабжению армии включали: распределение заказов на предметы снабжения действующей армии; меры по интенсификации производства чугуна и обеспечению населения достаточным количеством металла; руководство деятельностью инженерно-строительных дружин Главного по снабжению армии Комитета Земского Союза; обеспечение производительного использования промышленных предприятий для работы на оборону².

Уездные комитеты состояли из гласных, избираемых уездными земскими собраниями и управами. Они учреждались по мере необходимости и выполняли свою работу с учетом местных условий³.

Средства Земского Союза составлялись из сумм, ассигнуемых Союзу земскими собраниями, из пожертвований и частных сборов, ассигнований казны и доходов от имуществ Союза⁴.

Такова общая схема органов управления и структуры Всероссийского Земского Союза, предложенная московским земством и взятая за основу при его организации.

Одновременно с оформлением центральных структур шла организация местных отделений Всероссийского Земского Союза. В августе 1914 г. в Пермской губернии был образован Пермский Губернский Комитет Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам⁵. В состав Губернского Комитета входили председатель и два представителя из числа гласных, основным условием назначения которых являлось проживание на территории нахождения земской управы. С первых дней существования Комитета обязанности председателя исполнял А. И. Мухлынин, обязанности уполномоченных из числа гласных – А. И. Гаврилов и И. Н. Темников⁶. Членами Комитета были Е. Д. Калугин, И. В. Воробьев, И. Н. Темников, врачи: А. Н. Попов, А. И. Губович, В. И. Реймерс, И. К. Курдов, А. П. Шипицин, Н. М. Назаровский, В. М. Здравомыслов и Д. А. Соловьев, провизор Н. А. Корепанов⁷.

В состав Пермского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам вошли двенадцать уездных комитетов: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский, Чердынский и Шадринский⁸. В уездные комитеты губернское собрание также избирало по одному представителю от губернского земского собрания.

Состав Пермского Губернского Комитета отличался от образца, предложенным московским земством. При нем существовали вспомогательные организации. При каждом лазарете в Пермской губернии были организованы Попечительские комитеты, входившие в состав Пермского Губернского Комитета⁹. В Перми и Мотовилихинском заводе работали Попечительские комитеты, которые снабжали раненых табаком, бумагой, конвертами, газетами, книгами, продуктами питания, теплой одеждой, бельем, незначительными денежными суммами на путевые расходы при выписке, устраивали для них развлечения. Деятельность Попечительских комитетов существовала за счет пожертвований местным населением деньгами, вещами, продовольственными запасами. Некоторые Попечительские комитеты вели хозяйство, наблюдали за чистотой в лазаретах. В конце декабря 1914 г. для объединения деятельности этих комитетов была создана новая общественная организация – Центральный Попечительский Комитет пермских и мотовилихинских лазаретов. В обязанности этого Комитета входило общее руководство работой Попечительских комитетов г. Перми и Мотовилихинского района¹⁰.

Региональная специфика внесла свои коррективы в структуру комитетов Земского Союза в Пермской губернии. Основная сфера деятельности Пермского Губернского Комитета Всероссийского Земского Союза на протяжении Первой мировой войны заключалась в организации и содержании лазаретов, оказании медицинской помощи больным и раненым воинам. Большой объем работы потребовал огромного усилия не только от органов земского самоуправления, но и от местного населения. В связи с этим при Губернском Комитете были созданы вспомогательные общественные организации для данного рода деятельности.

Согласно правилам о порядке составления, рассмотрения и утверждения смет губернских и уездных комитетов Всероссийского Земского Союза, каждое учреждение Союза должно было вести сметы на свои расходы по формам, утвержденным Главным Комитетом, на предстоящий трехмесячный период. Общий свод расходов направлялся в Контрольный Отдел Центрального Комитета¹¹.

Процесс получения денег на нужды губернских и уездных комитетов включал в себя несколько этапов, для каждого из которых было характерно строгое соблюдение правил, свод которых был утвержден Главным Комитетом Союза. Данная система получения денежных средств не всегда позволяла Центральному Комитету своевременно оказывать материальную помощь губернским и уездным комитетам.

За соблюдением всех вышеперечисленных бюрократических формальностей, связанных с субсидированием комитетов Пермской губернии, перепиской местных лазаретов, составлением приемных карточек на каждого раненого

воина, прибывшего на лечение в госпитали, соблюдением постановлений Главного Комитета, замещением должностей при Пермском Губернском Комитете и т. п. следили Регистрационный и Контрольный Отделы Пермского Губернского Комитета. Главным Комитетом ни разу не были сделаны замечания в адрес Регистрационного и Контрольного Отделов Пермского Губернского Комитета в течение войны¹².

В целом, в земском самоуправлении сложилась довольно стройная структура, как в тылу, так и на фронте, которая позволяла решать ему многие вопросы мобилизации ресурсов для нужд войны, оказания помощи ее жертвам, участия в жизни государства.

Двойственное отношение правительства к организациям Всероссийского Земского Союза, требование соблюдать всевозможные бюрократические формальности отрицательно сказывалось на работе и взаимоотношениях местных Комитетов с Центральными органами управления.

Создание организаций Земского Союза было несомненным успехом российской либеральной общественности, которая добилась определенных уступок со стороны правительства. Это позволяло земским органам согласовывать свою деятельность, обмениваться мнениями в общегосударственном масштабе и добиваться конкретных результатов в практической работе.

По мере расширения функций Земского Союза усложнялась его организационная структура, росли численность и состав подразделений.

¹ Загряцков М. Д. Всероссийский Земский Союз (Общие принципы организации и юридическая природа). Пг., 1915. С. 13–15.

² ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.

³ Загряцков М. Д. Указ. соч. С. 16.

⁴ ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.

⁵ Там же. Д. 3. Л. 51.

⁶ ГАСО. Ф. 416. Оп. 1. Д. 1. Л. 98.

⁷ Пермская земская неделя. 1914. №40. С. 21.

⁸ ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 9. Л. 52–52об.

⁹ Там же. Д. 10. Л. 5–5об.

¹⁰ Всероссийский Земский Союз помощи больным и раненым воинам. Известия Главного Комитета. 1915. № 9. С. 40–41.

¹¹ ГАСО. Ф. 416. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–1об.

¹² Пермское Губернское Земство. Журналы Пермского Губернского Земского собрания 58-й чрезвычайной сессии и Доклады Управы сему собранию. Пермь, 1916. С. 3.

КООПЕРАЦИЯ И ГОЛОД В ОХАНСКОМ УЕЗДЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ ГАЗЕТЫ «ПЕРМСКИЙ КООПЕРАТОР»

Современная экономическая ситуация в селе такова, что личные подсобные хозяйства не могут непосредственно включаться в общественное целое. Причина – нарушение работы звена хозяйственной жизни крестьянина, которое связывает его с другими крестьянами и промышленностью, это сбытовые, снабженческие и кредитные операции. Кооперирование в области сбыта и снабжения не только не требовало от крестьянина отказа от его личного хозяйства, но и способствовало его развитию.

Кооперация стала крупной хозяйственной организацией, созданной широкими массами населения для удовлетворения своих повседневных нужд, и главным образом в сфере товарно-денежного оборота. Она втягивала крестьянство с выгодой для него в общую систему народного хозяйства, включала его в активный внутренний общероссийский рынок и даже выводила на рынок мировой. На последнем особенно преуспела российская льноводческая и маслодельная кооперация¹. Таковой была ситуация в целом по стране.

В дореволюционный период на территории Оханского уезда уже имелся опыт создания товариществ. К 1914 г. по уезду насчитывалось 53 товарищества. Особенно активно кооперативное движение охватило крестьян Оханского уезда во время аграрной реформы Столыпина. Но Первая мировая война, революция и гражданская война сильно обострили аграрный вопрос в стране.

В связи с продовольственным кризисом в мае 1918 г. начались повсеместные крестьянские волнения. Действия властей вызывали недовольство зажиточной части крестьян, которые и выступили против этих действий власти. Крестьянские волнения возникали повсеместно. Так, например, в селе Черновское недовольные разогнали исполком и несколько человек убили².

Право крестьян на землю оказалось призрачным, так как существенная часть этого права – право на продукт собственного труда было отнято в ходе продразверстки.

В стране наблюдался экономический и политический кризис. В результате долгих поисков и попыток реформирования был принят план новой экономической политики, который был сопряжен с кооперативным движением.

В Пермской губернии кооперативное движение имело широкий размах. Множество разбросанных по всей территории коопераций не имели постоянной связи друг с другом, возможности обсуждения общих проблем, обмена информацией и опытом. С целью восполнить этот недостаток Пермская кооперативная организация решает выпустить первый номер своего печатного органа «Бюллетень». Вскоре это издание стало интересовать многих. В августе 1922 г. вышел первый номер газеты «Пермский кооператор»³. Газета пользовалась

большим успехом, так как одной из ее отличительных черт являлась четко отлаженная обратная связь.

В 1921 г. тяжелый экономический кризис был усугублен неурожаем и голодом в ряде территорий страны. Голод затронул и Пермскую губернию – Оханский, Осинский, Сарапульский уезды. То и дело встречаются статьи, посвященные тяжелой ситуации в голодающих районах, и освещаются пути решения проблем.

Третьим уполномоченным съездом Губсоюза был принят ряд мер для помощи голодающим уездам. Было решено не ограничиваться содержанием детей в детских домах только до нового урожая, так как урожай нынешнего года не давал еще возможности возвратит детей на места. Каждому единому потребителскому обществу (ЕПО) следовало принять на свое иждивение не менее одного ребенка, обеспечивая его содержание путем наложения на продаваемые товары и сбором пожертвований.

Наряду с этими мерами было рекомендовано кооператорам на местах освещать на волостных и кооперативных общих собраниях положение в голодных районах. Следовало призывать население к пожертвованиям на восстановление сельского хозяйства в местностях, пострадавших от неурожая, и на воспитание детей-сирот из голодных районов. Пожертвования для детей направлялись в местные комитеты взаимопомощи или райкомиссии помголода, а получаемые расписки было необходимо присылать в Губсоюз через райотделения⁴.

Положение кооперативов всей губернии и отдельно каждого уезда было отражено в статистических данных. В них отражались объемы кредитования, посевов и уборки урожая, результаты агрономических проверок, сбор семенной ссуды и т. д.

В № 14 за 1922 г. в статье, посвященной сбору семенной ссуды, особо отмечено: «с голодающих районов сбор семенной ссуды отсрочен до 1924 года». По имевшимся в Губпродкоме данным подворного учета, обеспеченность крестьянских хозяйств продуктивным скотом на 1922 год следующая: 43 819 хозяйств не имеют скота – это 14,19 %. Но особенно высокий процент хозяйств без скота падает на голодающие уезды: Оханский – 21,39 %, Осинский – 15,98 %, Сарапульский – 9,28 %. Хозяйств, имевших более четырех голов скота, насчитывалось всего лишь 0,55 %. Большинство хозяйств имело до двух голов – всего их 225 000 – 72,85 %. Отмечено, что по сравнению с 1916 г. значительно снизилась площадь посева льна: 1916 г. – 23 457 дес., 1922 г. – 18 277 дес. Отмечено, что особенно сильный упадок произошел в Оханском уезде – 50 %.

По данным газеты известно, что Оханское отделение сельхозсоюза было образовано в январе 1922 г. и объединяло 17 южных волостей Оханского уезда. Всего в районе было 11 сельскохозяйственных кооперативов, из них две земельные артели, а остальные сельскохозяйственные товарищества, большинство из которых были новыми и частью преобразовавшимися из коллективных хозяйств. Штат служащих отдела составлял 6 человек⁵.

Оханский уезд тяжело переживал кризис, вызванный неурожаем. В нем было самое тяжелое положение из трех голодающих районов, но, несмотря на это, кооперативы по-прежнему вели работу. Таким образом, кооперация оказы-

вала большую помощь голодающим районам, активно освещая их проблемы на страницах своего печатного органа и координируя действия кооператоров на местах.

Газета «Пермский кооператор» предоставляет важные экономические и политические данные по губернии, стране и миру, а также подробные статистические данные по положению отдельных уездов по отраслям кооперации и положение уезда в общем. Сведения об Оханском уезде часто появляются на страницах газеты, благодаря чему уезд не остается наедине со своими проблемами и получает необходимую помощь.

¹ Кабанов В. В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 35.

² Воспоминания П. И. Соснина, 17.01.68 г. // Музей братьев Лещевых. Инв. № 39/1979.

³ Годовщина, заслуживающая внимания // Пермский кооператор. 1923. № 12(29). 5 апреля.

⁴ Кооперация и голод // Пермский кооператор. 1922. № 1. 29 августа.

⁵ Там же.

Байкалова Ольга Сергеевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВВ.: ЭВОЛЮЦИЯ ОТ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ

Консервативная мысль рубежа XIX и XX вв. и зарождавшаяся в тот период консервативная идеология, как принято называть ее сегодня, – явления, которые целесообразно различать и в чисто теоретическом плане, и в плане политическом, поскольку в ряде исследований не учитывается тонкая грань между научным и политическим дискурсами. Очевидно, что подобное отождествление скрывает подмену понятий и служит инструментом неявной индоктринации. Еще К. Д. Кавелин видел эту методологическую проблему, неоднократно отмечая в своих работах, что существует принципиальные различия между трактовками консерватизма, понимаемого как некий идеал, и консерватизма как принципа существования, не связанного непосредственно с каким-то идеалом, а обусловленного неимением лучшего варианта или невозможностью достижения желаемого результата. Кавелин не называл консерватизм ни политической доктриной, ни идеологией, однако осознавал, что это «великая сила». При этом он был убежден, что носителем консервативных начал в России является народ.

В конце XIX – начале XX в. консервативная мысль претерпела ряд существенных изменений, что связано с поиском новых социально значимых целей и идеалов на рубеже веков. Консерваторы, явно не склонные к идеализации различных проявлений «прогресса» и качественных изменений в жизни общества, характерных для этой эпохи и поражающих воображение современников,

были вынуждены, тем не менее, реагировать на вызовы времени. А консервативные установки (своеобразные константы, сохранявшиеся в теориях самых разных мыслителей консервативного толка), в соответствии с которыми научные идеи никогда не «подгонялись» под изменчивые вкусы обывателей (под ожидания массового сознания), вынужденно трансформировались в *комплекс знаний, доступный многим*.

Можно предположить, что эволюция консерватизма от научной теории к политической доктрине связана с тем этапом, когда возникло желание адаптировать и популяризировать консервативные идеи, представив их в качестве неизменных норм и идеалов, к которым следует стремиться, что с необходимостью потребовало упрощения философской теории, ее низведения до уровня, на котором существуют идеологии. Разумеется, эта тенденция была характерна не только для консервативно настроенных авторов, но она оказала наиболее заметное влияние именно на них, поскольку потребовала коррекции ряда фундаментальных принципов. Представляется, что такая эволюция воззрений и готовность ряда консерваторов взять на себя ответственность за «упрощение» своих теорий были продиктованы вполне оправданным страхом перед полным уничтожением консервативных ценностей.

К концу XIX в. российский консерватизм выработал ряд общественно-государственных констант, среди которых центральное место занимали *православие, общественная иерархия, монархизм*. Вся консервативная мысль периода смены веков работала над обоснованием необходимости следования этой консервативной триаде. Однако в начале XX в. при внешнем сохранении неизменных установок акцент уже явно смещается с идеализации монархической власти как естественной и безальтернативной в исторической перспективе формы правления, на абсолютизацию консервативной природы человека и всего общества в целом. Консерваторы, не поддававшиеся на сомнительные перспективы западноевропейского прогресса, отстаивали прерогативу постепенных реформ, а прогресс воспринимался как прямая угроза государственности. Идея объединения славян Н. Я. Данилевского, религиозный проект К. П. Победоносцева, монархическая государственность Л. А. Тихомирова и амбициозный проект К. Н. Леонтьева по «подморозке России» основной своей целью преследовали обоснование губительности радикальных перемен для государства в силу их противоестественности человеческой природе.

Базовым понятием консервативно ориентированной теории становится *государственность*. Российские консерваторы XIX в. делали упор в первую очередь на потенциал сильного государства, полагая, что необходимость сохранения его устойчивости для дальнейшего развития преобладала над сомнительными западноевропейскими ценностями свободы и благосостояния. Консерваторы признавали происходящие перемены, но признавали не как проявление закономерности, а как свершившийся факт. Это свидетельствует о том, что российский консерватизм в определенном смысле придерживался исторического подхода к изменениям. Консерваторы не отрицали динамику перемен, в том числе и перемен, которые трактовались как неизбежное зло, но главное внимание уделяли сохранению исторического опыта и идее «гармонии между дисци-

плиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой – той реальной свободой лица, которая предполагает выбор между соблюдением закона и наказанием за его нарушение». По словам К. Леонтьева, именно этой «неуловимой еще для социальной науки гармонией» держится государство, а не одной свободой, стеснениями и строгостью.

Следует отметить, что консерватизм, в отличие от социализма и либерализма, был далек от построения чисто идеальных конструкций. Однако попытка подменить теорию поиском идеалов социального развития, как уже отмечалось, породила противоречия. Это отразилось, в частности, на воззрениях одного из самых видных консерваторов эпохи Л. А. Тихомирова, попытавшегося систематизировать основные консервативные взгляды на российскую государственность. Он выделил основные формы монархии: *истинную* (самодержавную, составляющую верховенство народной веры и духа в лице монарха), *деспотическую* (самовластие, дающее монарху власть верховную, но без обязательного для него известного для народа религиозного содержания) и *абсолютную* (в которой монарх имеет только власть управления, но не верховную власть, остающуюся у народа). Тем самым Л. Тихомиров акцентировал внимание на том, что политическим устройством России может быть только монархия, но сам факт ее существования в сознании традиционного общества будет сомнителен в силу существования «неидеальных» форм монархии. Это доказывает, что «доктринизация» консерватизма приводит к неизбежным теоретическим парадоксам.

Многие исследователи не без основания полагают, что консервативные модели рубежа веков дали большевистской власти ту опору, без которой было бы невозможным построение новой государственной системы. Впрочем, эта версия имеет право на признание с учетом того факта, что советская политическая модель, если и строилась на консервативных принципах, то с оговоркой, что эти принципы были искусственно выделены из консервативного дискурса и поданы как идеологемы. Произошла незаметная подмена понятий, в результате чего отношение масс к монархии трансформировалось в массовом сознании в абсолютизацию роли «персонифицированного государства» (идея вождизма). Историческая жизнь наций была полностью подчинена осуществлению глобального проекта, доступного сознанию миллионов людей, принадлежащих к самым различным социальным, профессиональным и возрастным группам. Консерватизм признает, что сильная государственность зависит от степени осознания народом своего высшего *нравственного, религиозно-этического идеала*. Но в начале XX в. эта установка «наложилась» на распространение «новой веры» (одно из проявлений неоязычества) – веры в светлое будущее и торжество «коммунистического проекта».

Консервативные мыслители рубежа веков были убеждены, что консерватизм не должен вульгарно заигрывать с массами, как это было свойственно марксизму и либерализму. На рубеже XIX и XX вв. ослабла вера в истинные традиционные ценности, которые базируются на высоких человеческих чувствах, а не на требованиях политической конъюнктуры и преходящих потребностях. Либеральные и социальные идеологии направлены на масштабные соци-

альные эксперименты, в рамках которых государства и народы превращаются, по сути, в инструменты «социального конструирования». Следование консервативным началам предполагает долгий и сложный путь работы над собой. Консервативные мыслители отдавали себе отчет в том, что революционные массы обладают страшной разрушительной силой. Поэтому большая часть отечественных консервативных проектов развития общества акцентировали внимание на уникальности православной цивилизации, особом пути становления национальной культуры.

Сегодня консерватизму, превращенному в идеологию, свойственны характеристики, чуждые философии консерватизма. А сущность консерватизма, по меткому замечанию К. Манхейма, заключается в осознании значимости времени, создающего ценности.

Литература:

Кавелин К. Д. О нигилизме и мерах против него необходимых // Собрание сочинений. Т. 1–4. СПб., 1897–1900.

Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство: философская и политическая публицистика. М., 1996.

Манхейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М., 1991.

Минаков А. Ю. О консерватизме вообще и русском консерватизме в частности // Православный образовательный вестник. Вып. 1. Воронеж, 1999.

Осипов И. Д. Аксиология русского консерватизма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сборник статей. Вып. 1. СПб., 2004.

Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999.

Тихомиров Л. А. Борьба века. М., 1898.

Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 2006.

Баранова Алиса Ростиславовна
Пермский государственный университет

ДОМАШНЯЯ ПРИСЛУГА И РЕВОЛЮЦИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Революция 1917 г. коснулась всех слоев и групп Российской империи, но многие аспекты социальной истории той эпохи все еще остаются мало исследованными. В конце прошлого века историк В. Л. Кожевин справедливо подметил: «Отечественная историографическая традиция до сих пор преимущественно тяготеет к изучению крупных общностей – классов, наций, сословий, и других относительно многочисленных социальных групп»¹. Традиционно исследователи революционной эпохи пристальное внимание уделяют изучению основных слоев общества, таких как крестьянство, пролетариат, интеллигенция, дворянство. Лишь в последние десятилетия появились работы, посвященные менее крупным, более специфическим социальным общностям.

Одной из них является домашняя прислуга. В данной работе кажется уместным воспользоваться определением английского историка Т. Мелдрама, который относит к домашней прислуге лиц, которые, проживая в доме нанимателя, в течение всего рабочего дня выполняют работу по дому за определенную плату².

Точное количество лиц, входящих в Российской империи в начале XX в. в эту социально-профессиональную группу, установить довольно сложно. Согласно переписи 1897 г. на территории Российской империи проживало чуть более двух миллионов лиц, относившихся к «прислуге», из которых 63,3 % составляли женщины³. Однако критерии включения в группу не совсем ясны, поэтому вопрос о количестве остается дискуссионным.

Можно отметить, что особенно значительный процент населения прислуга составляла в крупных городах. Так, например, по данным переписи населения Санкт-Петербурга 1900 г., личная прислуга составляла 12,6 %, домовая прислуга – 2,8 % и прислуга в учреждениях 1,7 % от общего населения города⁴.

Прислуга в Российской империи была неоднородной по составу. Понятие «прислуга» включает три основные группы: прислуга в учреждениях (в учреждениях, на фабриках, заводах и усадьбах), домовая прислуга (швейцары, дворники, ночные сторожа) и домашняя прислуга (лакеи, горничные, повара, няни). Последняя была наиболее многочисленной (1 556 987 человек⁵) и в наибольшей степени сохраняла дореформенные черты. Это группа кажется чрезвычайно интересной из-за своей судьбы после 1917 г.: тогда как прислуга при учреждениях и домовая прислуга при советской власти достаточно плавно влились в новую, огосударственную экономическую систему, домашняя прислуга (домашние работницы) продолжали существовать в уникальной ситуации частного найма вплоть до своего исчезновения в 70-х гг.

Еще сложнее определить принадлежность прислуги к той или иной более крупной социальной общности. Если воспользоваться классовым подходом, на который опирались лидеры большевиков, домашняя прислуга была если и не совсем пролетариатом, но все же работала по найму и подвергалась эксплуатации со стороны работодателей – дворянства и буржуазии, а следовательно, была естественным союзником рабочего класса. Однако реальность была намного сложнее.

Как показывают исследования изменений социальной стратификации городского населения Центрального Черноземья на рубеже веков, категория домашней прислуги была чрезвычайно пестрой по уровню дохода, сословной принадлежности, отношению к собственности и другим признакам. Например, профессионально прислуга относилась к низшим слоям, но при этом многие «могли иметь мелкие хозяйства, различные побочные доходы и по этому признаку относиться к средним слоям»⁶. Что касается сословной принадлежности, то в услужении находились как бывшие крестьяне, так и выходцы из семей низших служащих, рабочих.

Отношения с прислугой, с одной стороны, носили капиталистический характер, так как многочисленные няни, поварихи и горничные получали определенное жалование за свою работу. С другой стороны, в этих отношениях было много архаичного, патриархального, восходящего к эпохе крепостного права.

Как отмечают исследователи, «прислуга не столько получала “рыночную” зарплату, сколько барские и казенные пожалования в виде произвольных небольших денежных сумм, хозяйского или учрежденческого столования, комнат или углов в господских домах или при учреждениях, иногда земельных участков в городах. К тому же она еще получала какое-то материальное подспорье от общинной земли и деревенской родни»⁷.

Такая пестрота в происхождении, имущественном и материальном положении не могла не породить различий в отношении к революционным событиям 1917 г. среди разных групп прислуги.

Первые профессиональные объединения домашней прислуги появились еще в годы первой русской революции. В частности, в 1905 г. в Петербурге был организован Союз домашней прислуги, а в 1906 г. возникло Московское общество взаимопомощи домашней прислуги. Представители этих и многих других организаций принимали активное участие в забастовочном движении. Их требования касались, прежде всего, улучшения условий труда. Весной 1917 г. многочисленные профессиональные сообщества были объединены в Профессиональный союз домашней прислуги.

Крайне интересным является вопрос о том, какие политические силы в наибольшей степени выражали интересы прислуги. Безусловно, большевики прилагали большие усилия для агитации среди этой группы населения. Так, по воспоминаниям советского писателя, очевидца революционных событий на Урале Юрия Лебединского, «работу среди домашней прислуги вел один из самых видных большевиков Челябинска Соломон Елькин, за что его буржуи называли “кухаркин бог”⁸. Активную работу с прислугой вели и меньшевики, которые стояли у истоков профсоюзных организаций во многих городах, например, в Твери⁹. Даже в планах партии кадетов была работа с *домашней прислугой* во время дачного сезона¹⁰. Это говорит лишь о том, что основные политические силы стремились привлечь прислугу на свою сторону в своих интересах. Насколько серьезно представители различных партий старались понять потребности этой категории населения, какие конкретные меры предлагались – это еще предстоит выяснить исследователям.

Особо стоит выделить ту часть домашней прислуги, которая не только не примкнула к революционному движению, а напротив, не приняла произошедшие в стране изменения и выбрала путь эмиграции вместе со своими нанимателями. В мемуарах белоэмигрантов часто встречается образы прислуги, которая в условиях эмиграции становилась частью семьи: «Няня моя, Наталья Степановна Муратова, не покинула нас, когда мама после расстрела отца приняла решение бежать из России. Она стала мне второй матерью, научившей меня честности, вере, справедливости»¹¹, – вспоминала эмигрантка А. Ю. Смирнова-Марли.

После прихода к власти большевиков социальный состав прислуги тоже изменился, эта группа пополнилась выходцами из бывших привилегированных слоев. С одной стороны, такая ситуация была созвучна идеям некоторых партийных лидеров. Например, петроградский военный комиссар Б. Позерн призывал для исполнения «всех черных работ... отныне пользоваться трудом пред-

ставителей буржуазных классов населения»¹². С другой стороны, институт домашней прислуги (позднее – «домашних работниц») стал одним из каналов легализации и интеграции «бывших» в советском обществе. В профессиональном союзе Нарпит, в который в 1920-е гг. входили домашние работницы, активно обсуждалась проблема «поступления в союз лиц, фиктивно числящихся домашними работницами»¹³.

Таким образом, можно выделить три основные исследовательские проблемы, связанные с историей домашней прислуги в революционных событиях 1917 г.: выявить требования, ожидания, социальную идентификацию и мировоззрение этой социальной группы; определить отношение к ней основных российских политических партий; проанализировать изменения, которые революция принесла этой группе населения нового российского государства.

¹ *Кожевин В. Л.* Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения // Вестник Омского университета. 1999. № 3. С. 78.

² *McBride Th.* Domestic Service and Gender, 1660–1750: Life and Work in the London Household & Domestique et servante. Des vies sous condition: Essai sur le travail domestique en Belgique au 19e siecle // Reviews. Journal of Social History, Fall, 2002 (http://muse.jhu.edu/journals/journal_of_social_history).

³ Первая перепись населения Российской империи, 1897 г. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1905. С. V.

⁴ *Валетов Т. Я.* Чем жили рабочие люди в городах Российской империи конца XIX – начала XX в. // Социальная история: ежегодник, 2007. М., 2008. С. 195.

⁵ Первая перепись населения Российской империи, 1897 г. С. VII.

⁶ *Зайцева О. М., Канищев В. В., Орлова В. Д., Стрекалова Н. В.* Изменения социальной стратификации городского населения Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сборник статей / Под ред. В. А. Скубневского. Барнаул, 2005. С. 32.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ *Лебединский Ю.* Современники. Москва, 1969. Цит. по: <http://www.cheltv.ru>.

⁹ См.: *Кулик В. Н.* Первые выборы после победы суфражизма в 1917 г.: избирательницы и политические партии (на примере Тверской губернии) // Гендерная реконструкция политических систем: [сборник] / Ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб., 2004.

¹⁰ *Патрикеева О. А.* Кадеты на выборах в I Государственную Думу Российской империи // Вестник ТГУ. 2007. № 1. С. 171–175.

¹¹ *Смирнова-Марли А. Ю.* Из воспоминаний А. Ю. Смирновой-Марли. М., 2004. Цит. по: http://www.peoples.ru/art/music/guitars/anna_smirnova-marli/history.html.

¹² Цит. по: *Лебина Н. Б.* Энциклопедия банальностей: советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006. С. 139.

¹³ Итоги пленума ЦК Нарпит // Труд. 1927. 25 июня. С. 2.

ВЛИЯНИЕ ВЫСТАВКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖНИКОВ СЕМЬИ ВЕРНЕ В 1898 Г. В ПАРИЖЕ НА ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ХУДОЖНИКОВ

Одним из центральных событий художественной жизни Франции 1898 г. стала организованная Ж. Л. Жеромом (1824–1904) выставка произведений трех французских художников семейства Верне, проходившая в Школе изящных искусств, при поддержке министров обороны (тогда он назвался министром войны), морских дел и народного образования, и признанная современниками «подлинным праздником искусства»¹.

Выставка объединила полотна трех поколений художников: Клод-Жозефа Верне (1714–1789), пейзажиста, изображавшего виды спокойного или бурного моря при различных эффектах освещения, сцены кораблекрушений, автора грандиозной серии картин «Порты Франции»; Антуан-Шарль-Ораса (Карла) Верне (1758–1835), сына предыдущего, иллюстратора наполеоновских войн, прославившегося изображением чистокровных лошадей, сцен скачек и охоты, а также карикатурами; Эмиль-Жан-Ораса (Ораса) Верне (1789–1863), сына Карла, внука Клод-Жозефа Верне, самого популярного из французских батальных живописцев новейшего времени, автора монументальных полотен на сюжеты военных побед Франции, украшающих залы Версаля. Вклад Клод-Жозефа и Ораса Верне в прославление флота и армии Франции объясняет присутствие на выставке морского и военного министров.

Семьи художников (отец – сын) не были редкостью, но династии художников (основателем династии был Антуан Верне (1689–1753), рисовальщик гербов в Авиньоне) – действительно исключительное явление. Идея организации тройной выставки была обусловлена тем, что живописцы семьи Верне имели больше общих черт друг с другом, нежели с окружающей живописной средой. Легкость, жизнелюбие, невероятная творческая активность и независимость творческого подхода поражали современников.

Открытие выставки вызвало неоднозначную реакцию прессы – от острой критики до необоснованного восторга. Все авторы уделяют внимание последнему и самому известному из династии художников, баталисту Орасу Верне, удостоив пейзажиста Клод-Жозефа и анималиста Карла лишь несколькими фразами. И это неудивительно: после поражения в франко-прусской войне, на фоне нестабильной экономической ситуации воспоминания о лучшей армии мира и о былом военном могуществе Франции были особенно актуальны, что подтверждается и организацией батальным художником Эдуардом Детаем музея армии в Париже в 1895 г.

Критик Робер де Монтескью (1855–1921) в статье «Три Верне»² зло и едко критикует произведения выставки, не находя в них ни одного положитель-

ного момента. Отказывая художникам в духовной наполненности творчества, он называет их троицей Верне, «которую не посетил Святой дух»³, единственный французский маринист XVIII столетия Клод-Жозеф Верне, по мнению автора, лишь бесталанное подобие великих пейзажистов, а Орас – вообще не имеет никакого отношения к искусству.

Романист, историк и хроникер французской жизни Жюль Кларети (1840–1923), дал обзор выставки в журнале «Парижская жизнь»⁴. Статья выражает восторг автора по поводу открытия выставки, переполнена уважением и восхищением последним Верне, которого Ж. Кларети вслед за Ж.-Л.-Э. Мессонье, называет историком армии с кистью⁵. Текст наполнен духом французского шовинизма, подчеркиваются национальные черты творчества художников. Автор подробно описывает несколько представленных на выставке полотен О. Верне, обращая особое внимание на картины «Наполеон на параде гвардии в Тюильри»⁶ и «Конный портрет Императора Николая I»⁷, присланные на выставку из С.-Петербурга.

Генеральный директор Департамента изящных искусств Густав Ларруме предоставляя самое объективное описание выставки⁸, отмечает, что художники мало знакомы зрителю и выставка предоставляет уникальную возможность увидеть картины трех живописцев династии и попытаться понять, в чем заключался их семейный гений. При различии тем (море, лошадь, солдат), Г. Ларруме считает, что общими были легкость живописи и умение создавать сложно организованные композиции. Живопись Клод-Жозефа отличается тонким колоритом, полотна Карла – точным рисунком, произведения Ораса уступают им и по колориту, и по рисунку, но его невероятная трудоспособность и изображение войны во «французском стиле», когда «чувство юмора затмевает ужасы»⁹ снижали ему популярность. Автор подводит итог, что с тех пор искусство ушло далеко, но произведения Верне отражают свое время и занимают определенное место в истории искусств.

С наблюдением критика нельзя не согласиться. Импрессионисты добились точной передачи эффектов освещения в морских пейзажах, Т. Жерико (1791–1824) точно и чувственно изображал лошадей разных мастей и пород, А. де Невилль (1835–1885) и Э. Детай (1848–1912) в батальных полотнах передавали всю серьезность и драматичность войны. Но эти успехи французской живописи в той или иной степени связаны с Верне: Клод-Жозеф первым изучал эффекты освещения, привязывая себя к мачте парусника в грозу, Карл был непосредственным учителем Т. Жерико, а Орас одним из первых стал отображать современные войны с документальной точностью.

Столь масштабная выставка стала причиной публикации монографий о художниках. Были переизданы в одной книге¹⁰ с предисловием Анри Жуана статьи Шарля Блана (1813–1882) о Клод-Жозефе, Карле и Орасе Верне¹¹. Издана инфолио с большим количеством гравюр книга историка искусства Армана Дайо (1851–1934) «Верне: Жозеф, Карл, Орас»¹². Автор высоко оценивает значение выставки, считает ее своеобразным мемориалом художникам и надеется, что его книга станет частью этого мемориала. А. Дайо соглашается с идеей организации тройной выставки и подтверждает мнение о том что, творчество Жо-

зефа, Карла и Ораса Верне необходимо рассматривать в совокупности, так как они представляют собой своеобразный символ единения разума и чувств. Автор определяет причины популярности художников – легкость и жизнелюбие, с которым они подходили к творческому процессу, независимость восприятия и природная оригинальность.

До сегодняшнего дня книга А. Дайо является наиболее полным трудом, посвященным творчеству художников семьи Верне, включает биографии, критический анализ картин, воспоминания современников о художниках, сохранившуюся переписку, и в дополнении приводятся записные книжки жены Ораса Верне с записями о продаже картин, с указанием точных дат и цен, что является ценным документальным источником для дальнейшего исследования творчества художника.

Хотя автор и не указывает этого, книга о трех Верне основывается на предшествующих публикациях, в первую очередь на статьях Шарля Блана¹³, который, проводя искусствоведческий анализ картин, сохраняет максимально возможный нейтралитет. Ш. Блан убежден в том, что следует отделять личность художника от его творчества, что исследования, основанные на переписке и воспоминаниях современников, как статья Оливье Мерсона «Орас Верне»¹⁴, лишают критика независимости. Но, тем не менее, у Ш. Блана личное мнение тоже играет большую роль, его малая симпатия к политическим взглядам Ораса отразилась на восприятии живописи на сюжеты современной истории.

Основой сочинения Дайо является книга Амаде Дюранда «Жозеф, Карл и Орас Верне: корреспонденция и биографии»¹⁵, написанная за десять лет до выставки. Труд французского историка искусств полностью соответствует своему названию, впервые полностью приведена переписка, которая ранее была издана частями, критический обзор картин и анекдоты, раскрывающие личность художников, перенесены в приложение. Во вступлении, чтобы его не обвинили в плагиате, А. Дюранд перечисляет источники, на которые опирался: это обзоры салонов разных лет, биографические статьи А. Делаборда, Э. Мирекура, Т. Готье¹⁶. Автор выделяет стиль семьи – легкость кисти, тонкий, четкий, вдохновенный мазок, преувеличенное внимание к деталям, обращает внимание на острую индивидуальность каждого, признает Карла реформатором батальной живописи, а Ораса Верне – одним из великих французских художников. Очевидная ценность книги А. Дюранда заключается в публикации корреспонденции и составление подробной биографии, основанной на мемуарах и исторических источниках.

Книга А. Дайо объединяет критические обзоры Ш. Блана, переписку, опубликованную Дюрандом, личностные характеристики из статей Э. Мирекура и О. Мерсона. Несомненная заслуга автора в том, что он собрал в целое произведение все ранее известные публикации о Верне, к сожалению, не дав на них ссылок.

На следующее столетие про художников практически полностью забыли, редкие статьи и биографические очерки в той или иной степени основаны на книгах А. Дайо и А. Дюранда.

Таким образом, выставка произведений трех Верне 1898 г. стала значимым событием в изучении творческого наследия Клод-Жозефа, Карла и Ораса Верне, спровоцировав издание серьезных монографий, которые до сегодняшнего дня остаются единственными фундаментальными трудами по творчеству художников.

¹ Dayot A. Les Vernet: Joseph, Carle, Horace. Paris, 1898. P. I.

² Montesquiou R. Les Trois Vernet // Gazette des Beaux-Arts. 1 juillet 1898. Paris, 1898. P. 77–85.

³ Ibid. P. 78.

⁴ Claretie J. La vie a Paris. Paris, 1898. P. 243–249.

⁵ Ibid. P. 244.

⁶ О. Верне. Инвалид, подающий прошение Наполеону на параде гвардии перед дворцом Тюильри в Париже. 1838. Холст, масло. 215×326 см. Государственный Эрмитаж.

⁷ О. Верне. Царскосельская карусель. 1843. Холст, масло. Царское Село.

⁸ Larrumé G. Trois Vernet // Larrumé G. Petits portraits et notes d'art. Paris, 1900. P. 67–76.

⁹ Ibid. P. 75.

¹⁰ Blanc Ch. Une famille d'artistes: Les Trois Vernet, Joseph, Carle, Horace. Paris, 1898.

¹¹ Blanc Ch. Histoire des peintres de toutes les écoles depuis la Renaissance jusqu'à nos jours. V. 7. Paris, 1875.

¹² Dayot A. Op. cit.

¹³ Blanc Ch. Op. cit.

¹⁴ Merson O. Horace Vernet // Revue contemporaine. 2me serie. 1863. XXXI. P. 552–589.

¹⁵ Durande A. Joseph, Carle et Horace Vernet: correspondances et biographies. Paris, 1888.

¹⁶ Delaborde A. Horace Vernet: Ses ouvres et sa maniere. Paris, 1865; Mirecourt E. Horace Vernet. Paris, 1855; Gautier T. Horace Vernet. Paris, 1857.

Вершинина Дарья Борисовна
Пермский государственный университет

МУЖЧИНЫ-СУФРАЖИСТЫ В АНГЛИИ НАЧАЛА XX В.: ПРОБЛЕМЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ И МЕТОДОВ БОРЬБЫ

В истории британского женского движения необходимость достижения конкретных политических целей неоднократно ставила перед феминистками вопрос о неизбежности и даже существенной важности поддержки мужчин, облеченных властными полномочиями.

Вполне логичным было обращение суфражисток на заре становления движения за право голоса для женщин к помощи мужчин, поскольку женщины, не участвуя в политической жизни, просто не имели возможности апеллировать напрямую к власти имущим. Начало суфражистского движения в Великобритании датируется 1866 г., когда именно мужчины – члены Палаты общин (Джон Стюарт Милль и Генри Фосетт) представили в нем петицию о наделении женщин правом голоса. Милль, более того, стал философом, на идеи которого, выраженные в классическом труде «Подчиненность женщин» (1869 г.), во многом

ориентировалось организованное движение за женские права в Англии второй половины XIX в.

Из восемнадцати известных в Британии мужчин, принявших активное участие в женском движении первой волны, ни один не посвятил всю свою жизнь исключительно женскому движению. Напротив, женский вопрос был всего лишь одной из интересовавших их проблем. Так, Милль был активным феминистом лишь в конце своей долгой жизни, а Генри Невинсон гораздо больше энергии отдавал своему основному занятию – журналистике¹.

В основном все мужчины, выступавшие за женскую эмансипацию, происходили из среднего класса, хотя, в отличие от самих феминисток, среди мужчин было несколько больше выходцев из рабочего класса (28 % по сравнению с 16 % у женщин). Мужчины, выступавшие в защиту женских требований, в массе своей были либералами. И хотя некоторые социалисты стали активными сторонниками феминистских идей (Кейр Гарди и Джордж Лансбери), однако в целом мужчины-социалисты в гораздо меньшей степени симпатизировали феминизму, нежели их коллеги-либералы. Именно либеральные принципы зачастую приводили многих мужчин в число сторонников суфражизма.

Все феминисты мужского пола были высокообразованными людьми (11 из 18 имели ученую степень), что во многом подталкивало их к осознанию несправедливостей, царивших в британском обществе. Что касается их профессиональной принадлежности, то большинство из сторонников феминизма первой волны были юристами, журналистами и политиками. Самыми известными юристами, разделявшими идеи женской эмансипации, были Ричард Панкхерст – муж основательницы Женского социально-политического союза Эммелин Панкхерст – и Фредерик Петик-Лоуренс, один из главных спонсоров деятельности того же Женского социально-политического союза. Особую роль в продвижении женского вопроса, без сомнения, играли журналисты, поскольку именно от них во многом зависело восприятие женского движения общественным мнением. Одним из главных адвокатов женского права голоса в начале XX в. был уже упоминавшийся радикальный журналист, член Социал-демократической федерации Генри Невинсон. Также среди мастеров пера, сочувствующих феминисткам, можно назвать Уильяма Фокса, способствовавшего феминистской ориентации радикального унитаристского журнала 1820–1830-х гг. “The Monthly Repository”.

Практически все мужчины-феминисты приходили к поддержке женского движения из-за родственных отношений с активистками суфражизма: Милль был женат на одной из первых феминисток Гарриет Тейлор и отмечал, что только благодаря своей жене сформулированный им абстрактный принцип равноправия полов стал жизненной позицией; а работа «Подчиненность женщин» была написана по настоянию и при непосредственном участии его падчерицы Хелен Тейлор.

Петик-Лоуренс обращал внимание, что он не был бы вовлечен в суфражизм, если бы не его жена Эммелин, из-за которой он стал одним из наиболее активных защитников женского избирательного права среди британских мужчин начала XX в. Жена журналиста Г. Невинсона Маргарет и сестра драматурга

Лоуренса Хаусмана Клеменс также были сторонницами Женского социально-политического союза. Кроме того, стоит упомянуть о сердечной привязанности лейбориста Кейра Гарди к Сильвии Панкхерст, что не могло не сказаться на его симпатиях к борьбе женщин за свои права. Еще один яркий пример – участник Мужского политического союза Виктор Дюваль, женившийся на активистке Женского социально-политического союза Уне Дагдейл. Таким образом, возможность романтических отношений вполне могла влиять на заинтересованность молодых британцев в сотрудничестве с Женским социально-политическим союзом².

С другой стороны, для многих британцев их работа в сотрудничестве с суфражистками объяснялась глубинными идейными установками. Так, известный драматург Бернард Шоу, будучи фабианцем, тесно связывал социализм и феминизм; в своих пьесах он критически анализировал капиталистическое общество и приходил к мысли о том, что именно феминизм должен стать той почвой, из которой прорастут социалистические корни. В этом плане принципиально важным для Шоу было отражение в своих произведениях образа новой женщины, не стесненной навязываемыми ей капиталистическим обществом искусственными нормами поведения. Для Джорджа Лансбери активность в женском вопросе была неотъемлемой частью христианского социализма³. Борьба драматурга, поэта и писателя Израиля Зангвилля за женские права была реализацией его службы иудаизму. Суфражетки, по его мнению, как и евреи, пытались вырваться из своего «гетто» – домашней сферы. А Лоуренс Хаусман воспринимал женское движение как необходимую ступень на пути к «новому гуманизму, культурному движению, которое пытается подтвердить первенство разума над иррационализмом»⁴. Идеалом Хаусмана был андрогинный мир, в котором женские и мужские качества присутствуют в равной степени в каждом человеке, но мужественность и женственность при этом не вырождаются.

Можно выделить несколько направлений активности мужчин в женском движении начала XX в. Во-первых, мужчины в силу наличия права голоса и членства в политических партиях оказывали непосредственное давление на общество, придавая весомость борьбе женщин за свои права, а те, в свою очередь, всячески приветствовали лоббирование женского вопроса со стороны известных мужчин-профессионалов. 4 октября 1909 г. 116 практикующих врачей подписали меморандум, отправленный премьер-министру, в котором выразили категорический протест против этой процедуры: «Мы представляем на Ваше рассмотрение тот факт, что метод питания, при котором пациент сопротивляется, сопряжен с серьезнейшим риском, что возможны непредвиденные травмы и что последующему здоровью человека может быть нанесен серьезный вред. По нашему мнению, эта акция неблагоразумна и нечеловечна. В связи с этим мы всерьез просим Вас вмешаться и не допустить продолжения этой практики»⁵. Другой образец – это деятельность радикальных юристов, защищавших суфражеток, прежде всего – Ф. Петик-Лоуренса.

Во-вторых, активистки женского движения использовали симпатизирующих им мужчин как помощников на суфражистских митингах. Мужчины

приглашались на них и как ораторы, и как распорядители, и как телохранители, отгонявшие привлекаемых женскими демонстрациями хулиганов.

Следующим направлением активности мужских суфражистов и «суфражеток в брюках»⁶ (название, данное сторонникам Женского социально-политического союза одним из них – писателем И. Зангвилем) было лоббирование женских интересов внутри партий.

Кроме того, мужчины активно исполняли роль посредников между различными суфражистскими организациями и между женскими обществами и политиками. Во многом именно благодаря мужчинам была возможна координация действий суфражистских обществ, несмотря на их многочисленные разногласия: к примеру, в 1911 г. Мужская лига организовала демонстрацию в честь приезда в Англию ведущей австралийской суфражистки Виды Голдштейн, когда на одной трибуне под председательством Л. Хаусмана встретились Милисент Гаррет Фосетт, Кристабель Панкхерст, Эммелин Петик-Лоуренс и Шарлотта Деспард, представлявшие и конституционное, и милитантское направления суфражизма⁷.

Самый известный факт посредничества мужчин между суфражетками и правительством – перемирие 1910–1911 гг. в связи с рассмотрением Билля примирения. Во главе межпартийного Согласительного комитета встали лорд Литтон, брат суфражетки леди Констанции Литтон, и Генри Брейлсфорд. Однако провал этой мужской инициативы и отклонение премьер-министром Г. Г. Асквитом Билля примирения лишь усугубило разногласия между женщинами и мужчинами в суфражистском движении.

Мужчины могли проявить свою активность в борьбе за женское право голоса и через широкое вовлечение в нее духовенства: в начале века действовали Церковная суфражистская лига, Католическое суфражистское общество, Лига свободной церкви за женское избирательное право и другие подобные организации.

Созданный в 1910 г. Мужской политический союз во главе с Генри Невинсоном начал копировать действия активисток Женского социально-политического союза: Виктор Дюваль и Джордж Якобс стали первыми мужчинами-суфражистами, добровольно отправившимися в тюрьму, а Хью Франклин в 1913 г. за 9 месяцев пребывания в тюрьме подвергся насильственному кормлению сто четырнадцать раз⁸.

Попытки мужчин-суфражистов отыскать собственную нишу в борьбе за женское избирательное право натолкнулись на негативные отклики со стороны суфражеток, и с 1912 г. началось постепенное дистанцирование Женского социально-политического союза от его мужских сторонников. Именно поэтому в начале второго десятилетия XX столетия мужской милитантский суфражизм переживал серьезнейший кризис, связанный с критикой и со стороны недовольного узурпацией исключительно женских методов борьбы руководства Женского социально-политического союза, и со стороны общества, воспринимавшего таких мужчин слабохарактерными, женоподобными, безвольными «чудаками»⁹, подпавшими под влияние женщин-суфражеток. Но во многом

благодаря мужчинам, защищавшим борьбу женщин за свои права, к 1914 г. многие аргументы антисуфражистов выглядели уже морально устаревшими.

¹ Школьников И. А. Мужской суфражизм в Великобритании: риторика и репрезентации // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 13. М., 2004. С. 87–88.

² Pugh M. The March of Women: A Revisionist Analysis of the Campaign for Women's Suffrage, 1866–1914. Oxford, 2004.

³ George Lansbury // <http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/PRlansbury.htm>

⁴ Strauss S. "Traitors to the Masculine Cause": The Men's Campaigns for Women's Rights. Westport, London, 1982. P. 221.

⁵ Memorial Signed by Medical Practitioners and Sent to the Prime Minister: 4 October 1909 // Votes for Women: The Virago Book of Suffragettes / Ed. by J. Marlow. London, 2000. P. 97.

⁶ John A. V. Men, manners and militancy // The Men's Share? Masculinities, Male Support and Women's Suffrage in Britain, 1890–1920. P. 88.

⁷ Holton S. S. Feminism and Democracy: Women's Suffrage and Reform Politics in Britain, 1900–1918. Cambridge, 1986. P. 118.

⁸ Шнырова О. В. «Мужчины в их жизни»: некоторые размышления о роли мужчин в суфражистском движении // www.icgs.ivanovo.ru

⁹ Wright A. The Unexpurgated Case Against Woman Suffrage. London, 1913. P. 2.

Власова Ольга Викторовна
Пермский государственный университет

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ (РУБЕЖ XIX И XX ВВ.): ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЬЮТЕРИЗИРОВАННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на некоторое оживление интереса к проблемам дореволюционной национальной политики, рубеж XIX и XX вв. остается достаточно сложной областью научной интерпретации.

Основная цель работы – комплексный анализ межнациональных отношений на Среднем Урале. Для достижения этой цели были сформулированы следующие задачи:

- 1) выявление состояния разработки темы;
- 2) обозначение общих направлений и различных тенденций, присущих этнополитике России на завершающем этапе самодержавия;
- 3) рассмотрение реального положения национальных меньшинств и их взаимоотношений с властью.

Постановка и решение таких задач позволит выяснить оправданность применения к царской России ленинского термина «тюрьма народов» с одной стороны, и всеобщего рая, где отсутствовала дискриминация нерусских народностей¹, с другой.

Решение данного комплекса вопросов даст возможность понять действительное состояние национальных отношений на Среднем Урале на рубеже веков, остроту национального вопроса в регионе. Для наиболее полного и глубо-

кого изучения источников становится необходимым привлечение новых компьютеризированных методов исследования – таких, как метод дескриптивной статистики, компьютерный контент-анализ (качественный и количественный), метод запросов к базам данных. Использование перечисленных методов позволяет максимально раскрыть потенциал рассматриваемых источников, который зачастую невозможно выявить в рамках традиционного подхода.

В настоящее время для выявления разработки темы создана база данных, позволяющая хранить и классифицировать информацию историографического характера. Данные структурированы таким образом, что становится возможным анализ информации методом запросов. На данном этапе исследования были использованы простые запросы, например, выборка количества работ, изданных в эмиграции. Разумеется, их итоговые данные относительны, так как количественные характеристики строятся на основании выборок, но, тем не менее, практически безошибочно становится возможным проследить общие направления и динамику интересующих нас процессов. Так, благодаря простейшему набору запросов, удалось проанализировать уровень разработки темы:

1) результаты запросов дают основание полагать, что проблема изучена недостаточно. Исследований, посвященных изучению национального вопроса на Урале в рассматриваемый период, обнаружить не удалось. В рамках работ, исследующих этнополитику России в целом, встречаются фрагменты исследования ситуации на Урале, однако и они носят эпизодический характер;

2) в тех редких работах, которые рассматривают данный вопрос, изучен далеко не весь массив источников. Так, например, исследователи еще ни разу не прибегали к изучению периодики Пермской губернии;

3) абсолютное большинство имеющихся исследований носят традиционный характер. Однако в ряде работ, затрагивающих национальные отношения, использованы и компьютеризированные методы, к примеру – «Этнокультурное развитие сельской местности Свердловской области в XX в.: статистический анализ по материалам баз данных»².

Анализ методом запросов также позволяет решать более конкретные задачи и представлять полученные данные в случае необходимости в виде диаграмм и таблиц:

1) выделение «пятерки» наиболее пишущих на эту тему авторов: В. М. Чернов, В. П. Булдаков, С. М. Исхаков, И. И. Потехин. Следует отметить, что большое значение национальному вопросу отводил в своих работах В. И. Ленин;

2) выявление периодов всплеска интереса к исследуемой теме. Так, историография исследуемого вопроса ведет отсчет с 1898 г. – работы В. Гессена «Народ и нация». В последующие годы в среднем издавались по 1–2 работы в год. Что показательно, в кризисные для всей страны моменты – революции 1905 и 1917 гг. – наблюдается резкий всплеск интереса к данному вопросу. Так, в период с 1905 по 1906 гг. было издано 6 работ, а в 1917 г. – уже порядка 15. В Советском государстве ежегодно издавалось по 3–4 исследования. Пик интереса к обсуждаемой теме приходится на период с 1989 по 1996 гг. За эти годы было издано 66 работ. Исходя из полученных количественных данных, становится

ясным, что наибольшее значение данному вопросу уделялось в период распада СССР, когда важной проблемой стало перераспределение чаши весов из центра в регионы и одновременно сохранение единства страны, ее управляемости, монолитности. Именно в это время возник вопрос о сохранении этнической самобытности этносов и их культуры и, в то же время, о преграждении пути леворадикальным выпадам сепаратистов и националистов;

3) выявление центров, где наиболее часто издавалась литература, исследующая данный вопрос. По изучаемой тематике большинство работ издавалось в Москве и Санкт-Петербурге – 79 и 38 соответственно. В 1980-е гг. оживляется интерес к национальным проблемам и в регионах: так, в Екатеринбурге, Уфе, Казани, Чебоксарах, Ижевске и других городах создаются истории своих народов. К примеру, Т. В. Комшилова в сборнике «Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма»³ рассказывает о положении ясачного финно-угорского населения, проживавшего в районе реки Тагил в XVII–XVIII вв. С ростом сепаратизма и распадом СССР предпринимаются попытки издания обличительных книг в российских автономиях. Особенно на этом поприще «прославилась» Татария, в которой с 1988 по 1990 гг. был издан ряд сборников под названием «Развитие культуры Татарии в дооктябрьский период»⁴. Литература о национальном вопросе в России издавалась и за рубежом, что связано с эмиграцией значительной части представителей научной интеллигенции после революции 1917 г. Так, например, только в Париже за 1920–1930 гг. было издано 9 работ.

Источниковая база по изучаемой проблеме представлена законодательными актами, статистическими данными и публикациями в периодических изданиях. Источники структурированы по типам в отдельной базе данных, откуда посредством гиперссылки возможен выход на искомый документ.

Часть законодательных актов («Свод законов Российской империи» под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского, 1912 г.; «Полное собрание законов Российской империи») уже существует в электронном виде в рамках программы «Консультант+», что открывает новые возможности их изучения. В первую очередь речь идет о компьютеризированном контент-анализе. Воспользовавшись этим методом, можно выявить, какую часть свода законов правящие круги России посвятили регулированию национальных отношений, характерное отношение к определенным этносам, в чем это проявлялось (дополнительный налог, черты оседлости, льготы) и чем могло объясняться.

Помимо вышесказанного, для полноты исследования необходимо привлечение статистических данных из документов губернских органов, земских журналов, переписей и календарей. В этой части работы выясняется национальный состав двух центров Уральского региона – Перми и Екатеринбурга – в исследуемый период, динамику населения с конца XIX в. по данным Всероссийской переписи 1897 г. до городских переписей 1912–1913 гг. Изучение этого аспекта позволяет увидеть, представители каких народов проживали в городских центрах Среднего Урала. Здесь наиболее интересны такие вопросы, как численность и процентное соотношение иноэтничного населения с доминирующей русской нацией, районы их расселения. Кроме того, необходимо обозначить степень участия представителей национальных меньшинств в хозяйст-

венной, общественно-культурной и религиозной жизни региона. Для этого анализируется уровень экономического благосостояния нерусского населения, национальный состав владельцев недвижимости, традиционные занятия представителей национальных диаспор, их отношения с властями. Особое внимание уделяется наиболее крупным фигурам делового мира (братья Агафуровы, Ф. Е. Ятес и др.), вокруг которых формировались этнические общины. Этноконфессиональные аспекты развития региона включают в себя изучение конфессионального состава, обстоятельств принятия православия (добровольное или насильственное), примеров религиозных преследований. Обработка найденных эмпирических данных, их систематизация, наглядное представление в форме графиков и таблиц, а также их количественное описание посредством основных статистических показателей становится возможным благодаря дескриптивной статистике.

Кроме того, не следует забывать, что для большинства провинциальных городов России в XIX и в начале XX в. едва ли не единственной площадкой публичной жизни являлась газета. Периодические издания являются еще одной важной группой источников: на их страницах, кроме всего прочего, хранится информация о национальных конфликтах и деятельности иноэтничных диаспор. В интересующий нас период широко известными и распространенными были две газеты: «Пермские губернские ведомости» и «Пермские епархиальные ведомости». В рамках Лаборатории исторической и политической информатики ПГУ за последние годы была проведена работа по созданию информационной системы «Пермские губернские ведомости», тогда как «Пермские епархиальные ведомости» на данный момент можно встретить только на традиционном носителе.

Научная новизна исследования проявляется, таким образом, в двух отношениях. Во-первых, в процессе работы собирается, научно систематизируется и вводится в исследовательский оборот новая информация исторического характера, значительная по объему и содержательной ценности. Во-вторых, благодаря применению компьютерных технологий расширена источниковая база и извлечена информация, которую до этого невозможно было получить в рамках традиционного подхода.

¹ *Сорокин П. А.* Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. М., 1990.

² *Мазур Л. Н.* Этнокультурное развитие сельской местности Свердловской области в XX в.: статистический анализ по материалам баз данных // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 20.

³ *Комшилова Т. В.* Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991.

⁴ *Амищев С. Х., Халитбаева Н. С.* Развитие культуры Татарии в дооктябрьский период. Казань, 1988.

АГЕНТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УРАЛЬСКИХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ КОМИССИЙ В 1919–1921 ГГ.

Для результативной работы любой спецслужбы, кроме прочего, необходима агентурная сеть для пресечения враждебной деятельности на ранних этапах и сбора данных о лояльности населения к существующей власти. ВЧК не являлась исключением. Так, для повышения эффективности работы вверенной ему организации Дзержинский в конце 1918 г. привлек к сотрудничеству бывшего жандармского генерала Джунковского, чья помощь оказалась весьма полезной. Так, широко известная операция «Трест» разрабатывалась при его участии, явившись своеобразной вершиной оперативной деятельности чекистов¹. Более подробно о становлении агентурной деятельности ВЧК в общероссийском масштабе с включением материалов по отдельным губерниям было опубликовано Давидом Голиновым в его книге «Тайные операции ВЧК»². На региональном уровне агентурная деятельность ЧК остается малоизученной, а относительно Урала публикации по данной теме отсутствуют. Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что и уральские чекисты имели свою сеть осведомителей и проводили операции с участием секретных агентов.

С изгнанием белых с территории Урала перед большевиками встала проблема отслеживания настроений населения на отвоеванной территории для как можно более скорого реагирования на враждебные действия контрреволюционных сил. Для этой цели уже с осени 1919 г. проводится активная работа по созданию осведомительной сети. Например, по заверениям екатеринбургских чекистов, благодаря созданию аппарата уполномоченных, ответственных за осведомительскую сеть, под «колпаком» у ЧК находилось 70 % территории губернии. Подобное было необходимо для сбора достоверной информации о положении дел в Центр («сводка А»). «...Начиная с этого периода работа Губчека от кустарной переходит к более планомерной, что дает возможность Губчека охватить если не в целом так 70 % всей губернии своими осведомителями и давать сведения по сводке «А» из своих источников»³. Аналогичные мероприятия имели место и в Пермской губернии⁴.

Вскоре сеть осведомителей стала приносить конкретную пользу. Так, в Нижнее-Тагильском районе в январе 1920 г., из-за проблем с продовольствием и «антисоветской агитации» «...среди рабочих Высокогорского вагоностроительного завода начались волнения, носившие характер забастовки...». Оперативно разобравшись в ситуации, чекисты быстро организовали доставку и выдачу муки рабочим, сумев нормализовать ситуацию без насилия и крови⁵. С 1920 г. стали регистрироваться успешные попытки внедрения чекистов в контрреволюционные организации. «По заданию № 165 работают “Инженер” и “Немец”, которым удалось проникнуть в подпольную организацию...»⁶.

С марта 1920 г. работа уральских ЧК была серьезно усложнена выходом 28 февраля 1920 г. Приказа Президиума ВЧК № 21 «Всем Губчека и РТЧК», направленного на ограждение специалистов из бывших врагов Советской власти от ненужных арестов⁷. Возможно, из-за этого в Перми в 1920 г. было сложно арестовать инженера или рабочего за антисоветскую агитацию. К примеру, на Мотовилихинском заводе в марте 1920 г., по сообщениям осведомителей, планировали арестовать более 30 рабочих за антисоветскую агитацию⁸. Однако массовых арестов на Мотовилихе не было – очевидно, ограничились дальнейшим наблюдением.

Большое значение сеть осведомителей имела и для предоставления Центру достоверной информации о ситуации на местах, особенно о лояльности населения к Советской власти и о причинах недовольства ее политикой. Так, общим было недовольство нехваткой продовольствия⁹.

Таким образом, уральские чекисты сумели наладить агентурную деятельность, выполняя распоряжения Центра, что весьма способствовало укреплению Советской власти на местах. Но при этом не ставилась цель «раскрутить маховик красного террора», а наоборот, ограничить число жертв, карая своих действительных противников, а не всех подряд.

¹ Макаревич Э. Профессиональная хватка ВЧК или история о том как бывший начальник отдельного корпуса жандармов генерал Джунковский помог чекистам организовать работу // Диалог. 1998. № 2. С. 87–92.

² Голинков Д. Л. Тайные операции ВЧК. М., 2008.

³ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 3. Сохранена пунктуация оригинала.

⁴ Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 557. Оп. 1. Д. 10. Л. 122об.

⁵ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 156. Л. 3об.

⁶ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 73. Л. 103об.

⁷ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 49. Л. 17.

⁸ Там же. Д. 52. Л. 55–56.

⁹ Там же. Л. 60; ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 156. Л. 5.

Гавриков Алексей Александрович
Иркутский государственный педагогический университет

ДИСКУССИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ 1890-Х ГГ. О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ В ЯПОНИИ

Во второй половине 1880-х гг. православная проповедь в Японии усилиями выдающегося Святителя Николая (И. Д. Касаткина, 1836–1912) достигла весьма впечатляющих размахов. По различным данным, встречающимся в исторической литературе и источниках, число православных христиан в Стране

восходящего солнца в 1890 г. превышало 18 000 человек (от 17 614 в 215-ти¹ до 18 635² и даже 18 925 в 216-ти церковных общинах³).

Однако «последовавший за ростом спад в 1890 г. является общей тенденцией как для православной, так для католической и протестантской миссий – только в ином количественном соотношении»⁴. В результате ряда политических, экономических и социальных преобразований, имевших место в Японии в эпоху правления императора Мэйдзи (1868–1912), синтоизм был возведен в ранг государственной религии и значительно укрепил свои позиции по сравнению с остальными религиозными конфессиями, в том числе буддизмом и, тем более, христианством. В связи с этим, в отечественной прессе и публицистике разгорелась дискуссия по поводу перспектив развития христианской (и, в частности, православной) проповеди на Японских островах.

Первым неуверенность, весьма близкую к пессимизму, относительно перспектив развития православной проповеди в Японии высказал молодой миссионер о. Сергей (И. Н. Страгородский, 1867–1944) в своем очерке «Христианская проповедь в Китае и Японии» в 1892 г.⁵ Обращаясь к причинам реакции, разразившейся в Японии в 1880-х гг., автор пишет: «Причина этих возмущений и охлаждения лежит в самом психическом складе восточного человека, который необходимо должен сторониться от христианства и не понимать его, хотя бы никаких других отрицательных обстоятельств на него и не действовало. Причина эта в двух основных чертах восточной души: ее крайней материализации, почти атрофии по отношению к духовным предметам и интересам, и потом в национальной самозаклученности восточных людей, решительно не позволяющей им сливаться с другими народами в нравственный союз, как не могут слиться масло и вода»⁶. Исходя из выше сказанного, миссионер рекомендует своим современникам не торопиться с выводами относительно успехов православной проповеди в Японии: «Не должно увлекаться и первоначально быстрыми успехами христианства в Японии. Быстрые успехи были следствием увлечения новизной, – теперь начинается реакция в пользу старины...»⁷. Подобная неуверенность в завтрашнем дне христианства в Японии была высказана и на страницах «Церковных ведомостей» в следующем, 1893 г. Опираясь на выдержки из журнала «*Algemeine Missions Zeitschrift*», еженедельник сообщил о начавшемся упадке христианской проповеди в Японии, которому способствовали, по словам журнала, «болезненное национальное самосознание японцев» и ряд политических причин, в частности пересмотр неравноправных договоров с западными державами⁸. Важным внешнеполитическим фактором, повлиявшим также в середине 1890-х гг. на замедление темпов развития христианской проповеди в Японии, стала японо-китайская война 1894 г., в которой западные державы, носители христианства, выступили на стороне Китая. В православной миссии, в частности, в указанный год «число крещеных немного сократилось – 811 человек»⁹.

В 1894 г., комментируя статью К. Хрисанфидеса «Русские в Японии», опубликованную французским журналом «*Revue bleue*», редакция «Исторического вестника» высказала свою точку зрения на происходящее, отметив успех распространения христианства именно в высших слоях японского общест-

ва: «Мы сомневаемся, однако, чтобы новое учение быстро проникло в высшее японское общество, отличающееся рационализмом и индифферентное к религиозным вопросам»¹⁰. Вскоре газета «Московские ведомости» в статье некоего «Японца» как бы подвела промежуточный итог, очертив круг участников дискуссии и изложив имеющиеся точки зрения: «В последнее время в духовной и светской печати являются статьи, которые высказывают пессимистический взгляд на успехи евангельской проповеди в «Стране восходящего солнца». По мнению пессимистов, «причина неутешительного состояния религиозных дел несомненно заключается в реакции, направленной к оживлению старых начал нравственности и мировоззрения. Подобное мнение не имеет никаких оснований. На самом деле, евангельская проповедь в Японии... за последние годы нисколько не падает сравнительно с прежним временем...»¹¹. При этом «Японец» отмечает сокращение протестантской проповеди: «Сравнительное достоинство православной проповеди пред другими миссиями может быть определено еще и тем фактом, что число крестившихся за последнее десятилетие (с 1884 года по 1893 год) колеблется между 1100 и 1400 в год (в 1893 году крещено 1163 души), тогда как в протестантской церкви число крещаемых год с годом уменьшается, как протестанты сами свидетельствуют»¹².

Не обойден вниманием вопрос о перспективах христианской проповеди в Японии и в фундаментальном труде иеромонаха Алексея Виноградова «История Библии на Востоке», оставшимся неоконченным: в свет вышел только первый том исследования. «Несмотря на религиозную свободу и дозволение Христианам Европы, Англии и Америки проповедовать и распространять Евангелие и устроить (так в тексте. – А. Г.) церковь сообразно с вероисповедными и национальными особенностями, – сообщает автор, – японцы с 1890–1893 г. начинают сознавать крайности своего увлечения западноевропейским влиянием и христианством; возникает реакция к языческим началам жизни по системам Синто и Конфуцзы, как и приниженного буддизма»¹³. Далее А. Виноградов приводит мнения нескольких японских консерваторов о том, что христианство в Японии не нужно – синтоизма вполне достаточно, чтобы удовлетворить все идеологические потребности японского общества. Однако, обращаясь к статистическим данным, исследователь приходит к выводу о том, что православная проповедь в Японии практически не сократила своих масштабов (в 1894 г. насчитывается 1135 вновь крещенных)¹⁴. В то же время А. Виноградов отмечает значительное ухудшение положения протестантских церквей в Японии: «Сравнительное количество доходов с христиан туземных в 1892 г. против 1891 г. уменьшилось на 11 000 енов, число бесплатных аптек на 4, богословских школ на 3, дневных школ на 7, учеников в них на 1246...»¹⁵.

В 1899 г. вышла в свет книга С. А. Архангелова «Наши заграничные миссии». Автор не остался в стороне и высказал свое мнение по обсуждаемому в прессе вопросу: «...говорят, и христианство теряет свое значение и привлекательность для японцев; нет уже, говорят, надежды на распространение и укрепление юной христианской церкви в Японии».

Все эти толки, однако, слишком преувеличены. Правда, для христианской проповеди в Японии есть препятствия, но они не столь велики»¹⁶.

Охлаждение японцев к христианству, широко обсуждаемое в русской прессе 1890-х гг., беспокоило и действовавших в то время в Японии православных миссионеров. Так, архимандрит Андроник (Никольский) вспоминал в путевых записках, опубликованных в 1905 г., о своем разговоре с катехизатором Томоми из Канда: «Ему немного рассказал о церкви Осаки, а потом говорил о том, что теперешнее охлаждение и христиан и язычников к вере есть переходное время под влиянием нахлынувших из Европы многочисленных новостей... Но это кончится...»¹⁷.

Отголоски дискуссии наблюдаются в прессе и публицистике начала XX в. В 1904 г., в начале русско-японской войны, газетой-журналом «Гражданин» была опубликована статья «Европеизация Японии», где отмечалось: «Христианство в модернизированной Японии успеха не имеет. Миссионеры, пользуясь полною свободой пропаганды, потратили много труда и денег для обращения ничтожного числа. Некоторые японцы принимают временно христианство..., а затем снова возвращаются к национальной религии»¹⁸.

Один из первых исследователей истории Японской православной миссии Ф. Прохоренко высказал в 1906 г. в своей работе «Русская духовная миссия в Японии» замечание о том, что успехи христианства в Японии значительно сократились и «ход христианства в Японии – начиная с 90-х годов – идет скорее вниз, чем вверх»¹⁹. Однако, по мнению автора, это был «факт лишь временный и преходящий»²⁰. После же русско-японской войны, по словам Ф. Прохоренко, в Японии сложилась весьма благоприятная для развития христианской проповеди обстановка²¹.

В значительной степени, благодаря усилиям (и прежде всего публицистической деятельности) Святителя Николая и его сподвижников, дело распространения православия в Японии стало во второй половине XIX в. делом всероссийского масштаба. Дискуссия, развернувшаяся в русской прессе и публицистике 1890-х гг., наглядно демонстрирует факт внимательного отношения общественной мысли того времени к проблемам развития православного (и христианского в целом) миссионерства в Стране восходящего солнца.

¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Полутом 82. СПб., 1904. С. 790.

² Иванова Г. Д. Архиепископ Николай и его японские ученики // Из истории общественной мысли Японии XVII–XIX вв. / Отв. ред. В. Н. Горегляд. М., 1990. С. 208.

³ Московские ведомости. 1891. 14 мая.

⁴ Мазурика Ю. В. «Церковный Вестник» и «Церковные Ведомости» как источники по истории Православия в Японии // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Вип. 9. Харків, 2006. С. 153.

⁵ С. [Сергий (Страгородский), архим.] Христианская проповедь в Китае и Японии // Русский вестник. 1892, № 12, с. 7–31; 1893, № 2, с. 11–33.

⁶ Там же. 1892. № 12. С. 9–10.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Церковные ведомости. 1893. № 48. С. 1742–1746.

⁹ Саблина Э. Б. 150 лет Православия в Японии: история Японской Православной Церкви и ее основатель Святитель Николай. М.; СПб., 2006. С. 97.

¹⁰ Русские миссионеры в Японии // Исторический вестник. 1894. № 2. С. 574.

¹¹ *Японец*. Христианская проповедь в Японии // Московские ведомости. 1894. 26 марта.

¹² Там же.

¹³ *Виноградов А., иером.* История Библии на Востоке: с обзором метода и условий благоприятных и неблагоприятных ее переводам и распространению с христианскою церковью у разных народов. Т. 1. СПб., 1889–1895. С. ССХIV.

¹⁴ Там же. С. ССХХVII.

¹⁵ Там же. С. ССХХVIII.

¹⁶ *Архангелов С. А.* Наши заграничные миссии: очерк о русских духовных миссиях. СПб., 1899. С. 69.

¹⁷ *Андроник (Никольский), архим.* Миссионерский год в Японии (из дневника японского миссионера) // Уфимские епархиальные ведомости. 1905. № 1. С. 24–25.

¹⁸ *Фелисьен Шалай.* Европеизация Японии // Гражданин. 1904. № 24. С. 12–13.

¹⁹ *Прохоренко Ф.* Русская духовная миссия в Японии // Вера и разум. 1906. № 17. С. 243.

²⁰ Там же. С. 244.

²¹ Там же. С. 257.

Горина Ольга Сергеевна
Пермский государственный университет

ЗАДАЧИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРИКАМЬЕ В 20-Е ГГ. XX В.

Учреждения культуры, а также учебные заведения, готовившие кадры художественной интеллигенции и работников культуры, всегда находились под пристальным вниманием советской власти. В начале 20-х гг. система художественного образования подвергалась постоянным перестройкам, пробовались новые методы обучения, применимые к социалистическому образу жизни. Эта работа сопровождалась борьбой мнений о тенденциях и путях развития художественного образования. Для того чтобы оценить действия советской власти в деле реформирования художественной школы, необходимо рассмотреть динамику смены ориентиров и задач художественного образования на протяжении 20-х гг.

Отдел изобразительных искусств, образованный в 1918 г. в составе Наркомпроса, ставил перед собой задачи разрушения старых форм преподавания в художественных школах и умножении новых, соответствующих произошедшим в стране переменам. В 1920 г. при Наркомпросе (Народном комиссариате просвещения) учрежден главный комитет по профессиональному образованию (Главпрофобр). В его компетенцию передавалось решение всех вопросов профессионального образования, в том числе художественного. В апреле 1918 г. декретом Совета народных комиссаров были упразднены Петроградские государственные свободные художественные мастерские. Другие художественные учебные заведения России – Строгановское училище технического рисования и Московское училище живописи, ваяния и зодчества – реорганизованы соответ-

ственно в I и II Государственные свободные художественные мастерские. В положении о них говорилось, что они имеют своей задачей подготовку высококвалифицированных художников-практикантов и научных деятелей по декоративно-прикладному искусству, призванных обслуживать народную промышленность; содействие развитию художественного вкуса у населения¹. Одной из целей мастерских было выявление и развитие талантов из среды трудящихся. Выработанная Наркомпросом инструкция обучения в мастерских устанавливала, что все учащиеся пользовались правом выбора себе руководителя; всем художественным течениям обеспечивалось место в мастерских; учащиеся разбивались на группы по тем течениям, которые им близки². Главное в реформе художественного образования сводилось к тому, что ведущие художники-реформаторы отказались от понимания образования как передачи определенных знаний и навыков. Стимулировалась инициатива учащегося, ориентация его на самостоятельный поиск и эксперимент. Реформа помогла проявиться и оформиться многим художественным системам, школам и методикам. В числе важнейших организационных факторов, предопределивших развитие художественного образования и приобщения широких слоев населения к изобразительному искусству, явился классовый подход при приеме в учебные заведения. В 1920 г. на первой Всероссийской конференции свободных мастерских, которая подвела итоги их деятельности, главное внимание в развитии художественного образования сосредотачивалось на создании таких заведений, которые должны были готовить высококвалифицированных мастеров по оформлению и обработке предметов быта. Художественная школа обращалась к производству. Реорганизационный процесс художественной школы был закреплен в 1922 г., когда I и II свободные мастерские объединены в единые Высшие художественные технические мастерские (ВХУТЕМАС). На ВХУТЕМАС возлагалась также задача методического обеспечения региональных художественных школ: разработка новых учебных планов, программ, методических рекомендаций.

В Перми в 1919 г. создаются Пермские государственные свободные художественные мастерские. Они осуществляли подготовку по различным областям художественного труда: высококвалифицированные маляры, живописцы вывесок, декораторы, художники-педагоги, скульпторы, архитекторы, резчики по металлу, дереву и камню, графики. Вместе с Пермскими высшими художественно-промышленными мастерскими подобные мастерские были организованы в Кудымкаре и Кунгуре.

В силу своей структуры, дающей простор для субъективного толкования методов обучения, свободные художественные мастерские не смогли стать школой в полном смысле этого слова. Возникла необходимость создания таких учебных заведений, которые смогли бы готовить высококвалифицированные художественные кадры³.

В 1922 г. Пермские художественные мастерские были преобразованы в Пермский художественный техникум. Возглавил новое учебное заведение В. А. Оболенский. После закрытия в 1924 г. Кунгурских и Кудымкарских художественно-промышленных мастерских, Пермский художественный техникум являлся единственным учреждением художественного профиля в Прикамье.

В середине 20-х гг. прошла еще одна реорганизация художественной школы. С 1925 г. художественные техникумы могли существовать в двух формах: художественно-педагогический и художественно-промышленный. Художественно-педагогические техникумы осуществляли подготовку преподавателей изобразительного искусства для школ, а также художественных руководителей изобразительных кружков, культпросветработников для клубов и культурных учреждений. Согласно своему статусу, художественно-педагогические техникумы могли иметь не более двух направлений по подготовке кадров: политико-просветительское и художественно-педагогическое. Художественно-промышленные техникумы имели своей задачей подготовку специалистов средней квалификации для художественного оформления предметов широкого потребления⁴. Соответственно на базе Пермского художественного техникума создан Пермский художественно-педагогический техникум. Устав нового среднего учебного заведения предусматривал подготовку работников по художественному воспитанию для единой трудовой школы 1 и 2 ступени, преподавателей по рисунку, черчению и живописи для профессиональных школ, распространение среди населения соответствующих теоретических и практических знаний⁵. Отсутствие постоянных учебных планов и программ нарушало стабильность учебного процесса. Учебные программы Главпрофобра поступали крайне не регулярно, и сами преподаватели техникума привлекались к их составлению. Преподавателями техникума были составлены программы по рисунку, живописи, истории искусств. Таким образом, у преподавателей оставалась возможность для корректировки общего курса. К концу 20-х гг. унификация программ обучения набирает силу. Главпрофобр организует конференции, в задачи которых входит проработка организационных вопросов, связанных с введением в учреждениях художественного образования типовых программ художественного цикла⁶.

Большое внимание уделялось производственной работе учебного заведения и методам производственного обучения. В Пермском художественном техникуме производственную работу тесно связывают с пропагандой искусства в широких массах, так как «распространение художественно выполненных работ – одно из наиболее действенных средств повышения художественного уровня масс. Важно, чтобы художественная работа являлась ответом на определенное требование извне»⁷. То есть считалось необходимым согласовать учебную работу учреждений художественного образования с требованиями общественных организаций. К концу 20-х гг. вопросы производственной практики выходят на первый план. Разрабатываются возможности введения непрерывной производственной практики во время обучения.

На конференции художественных техникумов, проходившей в 1928 г., обозначается еще одна цель учреждений художественного образования: «Каждый, оканчивающий художественно-профессиональное учебное заведение, должен быть подготовлен не только по своей узкой художественной специальности, но и широко образован в области общественной и научной. Только при этом условии он сможет стать активным участником в культурном строитель-

стве в СССР»⁸. Поэтому художественные техникумы должны были соотносить общественно-научный и специальный учебные циклы.

1928 год явился переломным для системы художественного образования: начинается активная борьба со старыми специалистами в художественных учебных заведениях. Неправильной была признана и общая целевая установка многих учебных заведений. Перед художественными заведениями ставилась задача готовить инструкторов, организаторов, руководителей клубов и кружков⁹. Такой поворот связан с внедрением установки на развитие самодеятельного искусства.

Таким образом, постоянная смена задач художественного образования, классовый подход при отборе абитуриентов, пересмотр состава преподавателей и вытеснение из художественных учебных заведений старых специалистов отрицательно сказывалась на качестве обучения. Постепенно оказались свернуты демократические принципы художественного образования: гласность и коллегиальность сменилась жестким администрированием и централизацией управления.

¹ *Максяшин А. С.* Генезис художественного образования в области изобразительного искусства Урала. Екатеринбург, 2006. С. 140.

² *Манин В. С.* Искусство в резервации: Художественная жизнь России, 1917–1941 гг. М., 1999. С. 40.

³ *Ярков С. П.* Художественная школа Урала: к столетию Екатеринбургского училища им. И.Д. Шадра. Екатеринбург, 2002. С. 106.

⁴ *Максяшин А. С.* Указ. соч. С. 151.

⁵ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-591. Оп. 1. Д. 13. Л. 75.

⁶ Там же. Д. 14. Л. 150.

⁷ Там же. Д. 4. Л. 43.

⁸ Там же. Д. 22. Л. 27.

⁹ *Левина Ж. Е.* Художественная интеллигенция Западной Сибири в системе советской культуры (конец 20-х – 30-е годы XX века). Омск, 2006. С. 68.

Григорьева Светлана Евгеньевна
Тольяттинский государственный университет

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЯРМАРОЧНОЙ ТОРГОВЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Ярмарка как форма торговли возникла в России в период развития феодализма и была основным видом обмена и реализации товара. Возникновение ярмарок было обусловлено, с одной стороны, низким уровнем экономического развития, преобладанием мелкокустарного производства, с другой – несформированностью торговой специализации: каждый участник ярмарочных торгов мог быть и продавцом, и покупателем. Свободные условия ярмарочных сделок освобождали мелких предпринимателей от унижительных и разорительных контактов со скупщиками. Ярмарки давали возможность крестьянам и мелким

предпринимателям самостоятельно сбывать без посредников свои изделия и закупать необходимые продукты, сырье.

Изначально государство стремилось пополнить казну за счет введения налога на торговлю. Однако ярмарки способствовали экономическому развитию России, расширению внутреннего рынка. В результате торговая деятельность на ярмарках становится беспошлинной для всех слоев населения.

В первой половине XIX в. ярмарки в России переживают период расцвета. Выполняя главную роль – развитие рыночных отношений, ярмарки способствовали изменению экономических условий. Но переход к новому социально-экономическому строю постепенно вносил изменения во все сферы жизни русского народа. Развитие средств связи, кредитно-финансовой системы способствовали возникновению правильной формы торговли – стационарной. С изменением условий рыночных отношений менялась и экономическая политика государства по организации внутренней торговли. Вследствие указанных обстоятельств правительство Российской империи пересмотрело и изменило налоговую политику в отношении периодической торговли. Данный процесс проходил медленно, так как перед правительством стояла задача не только обложить ярмарки пошлинами, но и учесть интересы всех слоев населения Российской империи.

Таким образом, государственная политика относительно ярмарочной торговли во второй половине XIX в. разделяется на два этапа:

I этап (1861–1883 гг.) – сохранение беспошлинной торговли на ярмарках.

II этап (1883–1898 гг.) – введение торговых билетов и свидетельств на ярмарочных торгах по временному и сословному принципу, но сохранение государственной покровительственной политики по отношению к крестьянам как к основным налогоплательщикам.

В период до 1883 г. периодическая торговля сохраняла свои позиции на внутреннем рынке и проводилась без обложения пошлинами. Данное положение ярмарок было двояким. С одной стороны, беспошлинная торговля на ярмарках позволяла укрепить зародившейся буржуазии, а с другой – искусственно поддерживала некоторые несостоятельные ярмарочные торги.

Строительство железных дорог, развитие почтового и телеграфного сообщения, открытия банков и кредитно-финансовых учреждений значительно изменили условия внутреннего быта России, которые благоприятствовали развитию и упрочнению правильной постоянной торговли. Данные обстоятельства способствовали утрате ярмарками первоначального значения, которое давало ей право на особое покровительство закона¹.

Изменения, произошедшие в конце XIX в. в экономической структуре государства, внутренней политике России и в развитии торговых отношений, способствовали пересмотру вопроса о налогообложении периодической торговли. Ярмарки во второй половине XIX в. в полной мере уже не могли конкурировать с другими видами постоянной торговли, но они все еще способствовали втягиванию в рыночные отношения и развитию крестьянских хозяйств, а также действовали как механизм выплаты последними пошлин. Государствен-

ными органами учитывались данные обстоятельства и создавались условия для естественного развития ярмарок².

Следовательно, можно выделить несколько причин пересмотра политики государства в отношении ярмарок: фискальная политика государства; соблюдение интересов земств и городов, которые получали определенный законом десятипроцентный доход от пошлин за ярмарочные торги в местную казну; конкурентная борьба ярмарочной и стационарной торговли, которая должна была способствовать развитию рыночных отношений; открытие в период ярмарочных торгов питейных и увеселительных заведений, которые не только приносили доход в казну, но и разлагали моральные устои, приводя к пьянству и дракам.

В связи с указанными обстоятельствами Министерство внутренних дел и Министерство финансов в 1876 г. приступили к разработке проекта по отмене беспошлинной торговли.

Чиновники, разрабатывая проект по обложению ярмарок, не могли не учесть и интересы крестьян как основных налогоплательщиков. Реализация собственной сельскохозяйственной и кустарной продукции на ярмарках и базарах являлась единственной возможностью для крестьян получения средств, которые распределялись на покупку промышленных товаров и выплату налогов.

Таким образом, торговля «хлебом, льном, пенькою и другими земными произрастаниями, а также скотом, рыбою, солью, шерстью, волосом, кожею и всякого рода лесными произведениями... Торг названными продуктами производился бы без платежа установленных пошлин, а, следовательно, и местных сборов»³.

За период с 1876 по 1883 гг. Министерству внутренних дел и министерству финансов поступило три проекта об обложении ярмарочной торговли пошлинами, два из которых (1876 и 1882 гг.) были отклонены правительством. Третий проект отвечал реальности развития и существования рынка. Высочайшим утверждением Государственного Совета от 26 апреля 1883 г. проект Министерства финансов об обложении пошлинами ярмарочной торговли был принят.

По проекту 1883 г. ярмарки разделялись по продолжительности торгового дня на V разрядов: I разряд – Нижегородская ярмарка; II разряд – продолжительность ярмарок более 21 дня; III разряд – от 15 до 21 дня; IV разряд – от 8 до 14 дней; V разряд – ярмарки не превышавшие семидневного срока.

К свободным торговым действиям на ярмарках, не подлежащих платежу пошлин в государственный доход, принадлежали: 1. сельские обыватели всякого звания; 2. торг хлебом во всяком виде, льном, пенькою и другими земными произрастаниями всякого рода: скотом, птицею, солью, лесом, жизненными припасами; 3. торговля различным товаром на ярмарках V разряда; 4. лица, занимающиеся постоянной торговлей в помещении, находившемся в пределах ярмарочного торгового дня и проводившим торговлю в том же помещении, что и до ярмарки; 5. лица, приобретшие свидетельства на торговлю в развоз или разнос мануфактурными и колониальными товарами⁴.

Производство торговли на ярмарках первых четырех разрядов, за исключением выше перечисленных случаев, разрешалось только по ярмарочным билетам, с уплатою с них в пользу казны установленных пошлин. Лица, испол-

нявшие на указанных ярмарках обязанности приказчиков, должны были быть снабжены приказчичьими свидетельствами на право ярмарочного торга.

Таблица 1⁵

Роспись цен на билеты и свидетельства для проведения ярмарочного торга

<i>Вид торгового документа</i>	<i>1 разряд</i>	<i>2 разряд</i>	<i>3 разряд</i>	<i>4 разряд</i>
Билет 1 гильдии	100	50	40	25
Билет 2 гильдии	25	12,50	10	6
Мелочный торг	6	3	2	1,50
Свидетельства приказчиков 1-го класса	6	3	2	1,50
Свидетельства приказчиков 2-го класса	2	1	0,75	0,50

Однако необходимо отметить, что закон 1883 г. о сборах на ярмарочный торг привел к значительному сокращению крупных и средних ярмарок в регионах, в том числе и в Среднем Поволжье, и к увеличению мелких (до семи дней) ярмарок, для торговли на которых не требовалось приобретение торговых билетов. Это было выгодно как местным жителям, так и крупным купцам, продолжавшим заниматься ярмарочным предпринимательством. Фактически число ярмарок V разряда увеличивалось не столько за счет новооткрываемых ярмарок, сколько в результате уменьшения срока существующих ярмарок, который осуществлялся по ходатайствам местного населения.

«Общество села Пестравки Николаевского уезда Самарской губернии ходатайствует о сокращении сроков Успенской и Николаевской ярмарок. Пестравское сельское общество объясняет прошение тем, что ярмарки по продолжительности сроков относятся первая к III, а вторая к IV разрядам по взиманию торговых пошлин. Так как ярмарки в действительности проходят не более семи дней, то выборка документов на такой короткий срок торгующими признается совершенно невозможным»⁶.

Однако ходатайства поступали и о закрытии ярмарок, так как последние существовали только на бумаге, а в реальности не действовали. «Общество крестьян села Криволуг-Ивановки Самарской губернии ходатайствует о закрытии трех однодневных ярмарок. В ходатайстве указано, в виду того, что означенные ярмарки до настоящего времени в действительности еще не осуществлялись, а между тем ярмарочные постройки пришли в ветхость и на поправку их у общества средств не имеется»⁷.

Таким образом, ярмарки в пореформенный период сыграли огромную роль в развитии рыночных отношений и становлении предпринимательства в России. Обладая правом беспошлинной торговли на ярмарках до начала 80-х гг. XIX в., купцы имели возможность накапливать первоначальный капитал.

С развитием стационарной торговли, кредитно-банковской системы и средств связи государственная политика в отношении ярмарок изменялась. После реформы 1883 г. об обложении ярмарок пошлинами, последние уравнивались с другими формами торговли. Однако, учитывая интересы крестьянства, государство, разделяя ярмарки на разряды, сохранило беспошлинную торговлю на ярмарках V разряда и привилегии торгующих крестьян на ярмарках I–IV

разрядов. Данные действия правительства были вызваны получением выгоды, как для казны, так и для городов и земств.

¹ Записка об обложении ярмарочной торговли торговыми и другими сборами. СПб., 1882. С. 27.

² РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 4742. Л. 23.

³ Записка об обложении ярмарочной торговли... С. 28.

⁴ Чичинадзе Д. В. Свод законов. Т. V. Устав о прямых налогах. Ст. 216, 217. СПб., 1897.

⁵ РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 3382. Л. 63.

⁶ ГАСО. Ф. 3. Оп. 205. Д. 109. Л. 11–11об.

⁷ Там же. Л. 8об.

Дегтярев Данил Сергеевич
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИГОРОДНЫХ ЗОН ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Историческая урбанистика является молодой научной дисциплиной. В рамках нее нами проводится исследование вопроса о пространственной организации городов Сибири, неотъемлемой частью которого является вопрос о пригородной зоне.

Пригородная зона или пригород, как нам удалось установить, является составной частью городского пространства. Пригород связан с городским поселением генетически и функционально. В числе городских функций, выполняемых пригородом, можно назвать экономическую, селитебную, транспортную, культурную, культовую, рекреационную. Особо нами рассмотрен вопрос о развитии пригородных зон городов Сибири в период капиталистического развития. Здесь мы предполагаем рассмотреть лишь экономическую функцию пригорода.

Эту функцию можно условно разделить на две: промышленную и аграрную. Тенденция к выносу промышленных предприятий за пределы городской черты возникла в Сибири еще в середине XIX в. В это время появляются первые промышленные предместья Тюмени – Кирпичные Сараи¹. После отмены крепостного права началось быстрое капиталистическое развитие, в том числе и в Сибири. В этот период промышленные предместья появляются и у других сибирских городов. Так, под Барнаулом возник поселок содового завода. К концу XIX в. уже значительная часть промышленных предприятий оказалась за городской чертой, а пригородные заводские поселки возникли даже рядом с такими небольшими городками, как Каинск и Туринск². Еще ярче эта тенденция проявилась в начале XX в. В 1913 г. в Барнауле более 50 % крупных и средних промышленных предприятий находилось в пригороде³. В пригороде проживало и более трети барнаульских рабочих (самым большим рабочим районом был поселок Бобровский затон)⁴.

Пригород как часть общегородской системы также имеет свою структуру. Элементами этой структуры являются поселения различных типов, отдельные объекты и местности. Так, промышленная функция выполняется такими элементами, как заводские поселки, купеческие промышленные заимки, отдельные предприятия. Интересен феномен создания «промышленных городков» в пригородах сибирских городов. Это были специально отведенные под строительство промышленных предприятий местности. Рядом с Барнаулом существовал особый «Промышленный городок» для крупных предприятий⁵, а также специальные местности для создания небольших мыловаренных заводов и для выделки кирпича⁶.

Аграрная функция выполнялась как самими городами, так и их пригородами. Рядом с каждым городом существовал так называемый выгон – специальная местность для пастбы скота. Особая местность выделялась под сенокосы. В некоторых городах (например, в Барнауле) существовали даже общественные сеновалы⁷. Наиболее интересны для нас населенные пункты, выполняющие аграрную функцию. Это сельскохозяйственные заимки с постоянным населением и сезонные, а также дачи и монастырские поселения. В Барнаульском пригороде в начале XX в. существовала Булыгинская заимка – населенный пункт, жители которого занимались пчеловодством и огородничеством⁸. Несколько десятков жилых заимок находилось в долине Оби⁹. Существовал также особый дачный район в нижнем течении Пивоварки¹⁰. Наконец, значительную хозяйственную деятельность осуществлял Богородице-Казанский женский монастырь, арендовавший большой земельный клин для хлебопашества и сенокосения¹¹.

Таким образом, пригородные зоны сибирских городов в рассматриваемый период выполняли как промышленную, так и аграрную функции, являясь важнейшей частью города как экономического объекта.

¹ См: *Кубочкин С. Н.* Тычковка, Сарай, Потаскуй: из истории тюменских окраин XIX – начала XX веков. Тюмень, 2000. С. 106.

² *Гончаров Ю. М., Скубневский В. А.* Города Западной Сибири во 2-й половине XIX – начале XX веков: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2007. С. 188.

³ История Алтая в документах и материалах (конец XVII – начало XX веков). Барнаул, 1991. С. 263.

⁴ *Гончаров Ю. М., Скубневский В. А.* Указ. соч. С. 209.

⁵ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 51. Оп. 1. Д. 4. Л. 294–295.

⁶ ЦХАФ АК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1. Л. 181–182.

⁷ Барнаул: научно-справочный атлас. Барнаул, 2006. С. 33.

⁸ Барнаул: энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 117.

⁹ ЦХАФ АК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 623. Л. 1–2.

¹⁰ Барнаул: научно-справочный атлас. С. 33.

¹¹ Документы по истории церквей и вероисповеданий в Алтайском крае. Барнаул, 1997. С. 94–95.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЗАВОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1892–1917 ГГ.)

В Российской империи проблема защиты детства всегда стояла остро. Изучение истории детских благотворительных учреждений Пермской губернии расширяет наши представления о моделях помощи и поддержки детям, оставшимся без родительского попечения.

Призрение детей в сельской местности и заводских поселках осуществлялось в рамках деятельности министерств и ведомств Российской империи. Высшее заведование делом общественного призрения осуществляло Министерство внутренних дел. Наиболее систематическую и целенаправленную работу в этом направлении вело Ведомство учреждений Императрицы Марии (далее – ВУИМ). В означенный период Пермское губернское попечительство ВУИМ руководило 12 сельскими и двумя заводскими детскими приютами. Входящими в состав ВУИМ Пермскими отделениями Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых и Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества под покровительством Императрицы Александры Федоровны были созданы соответственно Екатерининская колония слепых (Верхне-Муллинская волость Пермского уезда) и 198 временных летних яслей. Последние были организованы совместно с Пермским губернским земством во всех уездах Пермской губернии (кроме Шадринского уезда) летом 1916 г.¹ Кроме того, призрением детей на селе занималось Ведомство православного вероисповедания (девять приютов), а также Министерство земледелия и государственных имуществ (приют для детей рабочих Богословского горного округа, с. Туринское Верхотурского уезда).

В рамках МВД призрением детей в губернии занимались органы местного самоуправления и частные благотворительные учреждения (общества и заведения). Деятельность абсолютного большинства обществ, имеющих статус разнонаправленной в своей деятельности организации, заключалась как раз в создании, содержании заведений для призрения детей (например, Екатеринбургское благотворительное общество заведовало Убежищем для детей и дневным приютом «Ясли» для детей бедных жителей). Общества действовали на территории уездных городов и преимущественно заводских местностей. Количество обществ и принадлежащим им заведениям равнялось 12 и 13 соответственно. Собственно городских заведений призрения детей было девять.

Количество заведений, направленных на призрение детей, в уездных городах и сельской, заводской местностях было равным – по девять. Причем количество заводских и сельских заведений было практическим равным. К этой группе заведений также следует прибавить еще два общества.

Таким образом, в сфере призрения детей в количественном соотношении в небольшой степени преобладают городские и заводские общества и созданные ими заведения (всего – 25). Доля заводских и сельских заведений (и двух обществ) для детей по отношению к упомянутым обществами и их заведениям, а также городским заведениям для детей составляет 32,3 %.

По вышесказанному процентному количеству исследуемых заведений в России Пермская губерния к середине 1890-х гг. принадлежала к числу лидеров. Если в России, согласно сообщениям российских городских совещаний (подали только три из 44), приводимыми известным дореволюционным исследователем общественного призрения В. Дерюжинским, существовало всего шесть детских приютов в трех губерниях (Казанской, Тульской и Саратовской)², то в Пермской губернии на 1893 г. существовало одно Общество попечения о сиротах с принадлежащим ему детским убежищем, четыре приюта, один сиротско-воспитательный дом, одни ясли для крестьянских детей.

Призрение бедных как форма помощи уже в 1890-х гг., по мнению многих благотворителей³, признавалось паллиативом в решении экономических проблем общества. В Западной Европе и России наиболее потенциальными с точки зрения эффективности видами благотворительных учреждений считались сельскохозяйственные колонии и деревенские приюты. Организация деревенских приютов давала возможности воспитания «честных, грамотных тружеников, земледельцев и ремесленников», «не отрываясь от земли»⁴. Как отмечал председатель Юговского благотворительного общества И. Е. Новиков, такого типа приюты обладали рядом достоинств – «дешевизна призрения, простота воспитания без знакомства с развращающими прелестями городской жизни»⁵.

Наиболее эффективной формой с 1890-х гг. признавались также летние, временные приюты-ясли для детей⁶. Подобная идея была реализована в постоянно действующих яслях для крестьянских детей с. Коса Чердынского уезда (1892 г.). Необходимо отметить, что это первое в своем роде заведение в губернии создала О. М. Варфоломеева, которую позднее советский профессор В. И. Чувашев назовет организатором дошкольного воспитания на Урале⁷.

Исследуемые учреждения подразделялись на общества (18 %) и заведения (82 %). Из девяти заведений шесть представлено в виде приютов. Причем один из приютов имел статус земледельческого. Оставшиеся заведения – убежище, сиротско-воспитательный дом и ясли.

Исходя из имеющихся данных о времени возникновения восьми из 11 учреждений, следует сказать, что три (37,5 %) из них образовались в период с 1849 по 1858 гг. Общество попечения о сиротах с имеющимся при нем детским убежищем были организованы в 1882 и 1883 гг. соответственно. Остальные 37,5 % возникли под влиянием негативных последствий неурожаев 1891–1892 гг. – в 1892 и 1893 гг.

Инициаторами организации учреждений для призрения детей в заводской и сельской местностях выступали как заводовладельцы, так и частные лица. Размеры их доходов зависели от социальной активности и занимаемого ими положения как учредителей и членов. Учреждения, имевшие статус общества, обладали более разнообразными источниками финансирования. Заведения, учреж-

денные заводовладельцами, основную помощь получали от заводоуправления. Большинство же учреждений получали также помощь от местных обществ. Некоторым оказывали субсидии земские управы, а также другие благотворительные учреждения. Например, Уральский отдел для борьбы с детской смертностью в 1908 г. принял решение о выдаче Верх-Исетскому дому С. А. Петрова 500 руб.⁸ Значительные приходные суммы составляли ежегодные проценты с капитала, пожертвованного на основание благотворительного заведения. Кроме того, к источникам дохода относились пожертвования, членские взносы, народные гуляния, благотворительные концерты, спектакли, продажа работ воспитанников.

Из имеющихся данных о четырех заведениях в 1906 г. в двух из них призревалось в среднем 27 человек, в Авроринском детском приюте Нижне-Тагильского завода Верхотурского уезда 63 ребенка, в воспитательном доме С. А. Петрова, рассчитанном на 120 детей, 195 человек, что, бесспорно, свидетельствует о широком размахе его деятельности. Большинство заведений принимало детей обоего пола, однако преимущество при наборе отдавалось девочкам. Призрение получали сироты, брошенные и беспризорные дети, дети павших и увечных воинов, а также дети из семей, родители которых были заняты в дневное время.

Кроме яслей, в с. Коса Чердынского уезда и отчасти приюта для призрения детей павших и увечных воинов с. Тауше Осинского уезда и Верх-Исетского воспитательного дома С. А. Петрова, призреваемые дети принимались на постоянное проживание, питание и получали полное содержание.

Можно выделить следующие направления помощи благотворительных учреждений: призрение (присмотр, забота, попечение), нравственно-религиозное воспитание и образование детей. В приютах старались дать детям начальное образование, а также стремились обучить воспитанников какому-либо делу – шитью, рукоделию, скорняжному ремеслу. Развивали в них навыки ведения домашнего хозяйства. Кроме того, в некоторых заведениях формировали запасной капитал на приданое выпускницам.

Таким образом, сегмент сельской и заводской благотворительности в сфере призрения детей составлял примерно одну треть по сравнению со всеми благотворительными учреждениями, действовавшими в данном направлении в Пермской губернии. Моделью защиты и поддержки детям в заводской и сельской местностях являлись приюты и их разновидности (убежище, дом), в которых детям (преимущественно сиротам и беспризорным) обеспечивалось полное содержание, религиозное воспитание и образование. Такие прогрессивные формы помощи детям, как земледельческие приюты, ясли были представлены в единственном числе.

Создавая через организацию обучения и воспитания призреваемых детей условия для их дальнейшей адаптации, благотворители тем самым способствовали снижению в определенной степени социальной напряженности в обществе. Более того, благотворительные учреждения собственной деятельностью создавали условия для дальнейшего развития гражданской инициативы и творчества.

¹ Правительственный вестник. 1917. № 37. С. 4.

² Дерюжинский В. Общественное призрение у крестьян // Антология социальной работы: в 5 т. Т. 1. М., 1994. С. 52.

³ ГАПК. Дело о деятельности Юговского приюта для престарелых и детей-сирот (7 сентября 1892 г. – 23 февраля 1900 г.). Ф. 65. Оп. 2. Д. 199. Л. 128.

⁴ Там же. Л. 129.

⁵ Там же. Л. 132.

⁶ Дерюжинский В. Указ. соч. С. 53.

⁷ Варфоломеева О. М. Очерк по истории организации дошкольного воспитания на Урале. М., 1958. С. 3.

⁸ Дашкевич Л. А. Гражданские инициативы в становлении и развитии детских благотворительных учреждений Екатеринбурга конца XVIII – начала XX вв. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы IX Всерос. науч. конф., посв. 85-летию д.и.н., проф. А. В. Бакунина: в 2 т. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 173.

Дмитриева Мария Викторовна
Пермский государственный университет

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЖУРНАЛА «АПОЛЛОН»

Художественные поиски начала XX в. были объединены общим мировоззрением и нашли свое выражение в журналах определенного типа, специализировавшихся на различных вопросах искусства.

Журнал «Аполлон» являлся ярким феноменом журнальной культуры модерна: «Аполлон» придавал особый колорит жизни петербургской интеллигенции начала 1910-х гг. «Осень 1909 года началась шумно и занимательно, – писал Алексей Толстой. – Открылся “Аполлон” с выставками и вечерами поэзии»¹.

К сожалению, «Аполлон» остается еще недостаточно изученным. В работах А. В. Лаврова, И. В. Корецкой, Е. В. Ивановой, изданных в составе труда «Русская литература и журналистика начала XX века»² дается общая характеристика журнала «Аполлон». Можно выделить также работу И. А. Муравьевой «Век модерна»³, книгу Т. В. Лебедевой о жизни и творчестве С. К. Маковского⁴, основателя и редактора журнала «Аполлон», диссертационное исследование Е. А. Кавериной о журналах искусств⁵.

Художественный журнал – универсальная, активная форма презентации эстетической и художественной информации, которая фиксируется непосредственно в самой журнальной форме, в создании внешнего образа. Визуальный облик издания доминирует, привлекает читателя, дает ему первые впечатления, при этом он находится в постоянном диалоге с литературным текстом. Художественные журналы Серебряного века создавали новое эстетическое пространство, в которое вовлекалась публика. Они организовывали художественную жизнь: устройство выставок и конкурсов, открытие новых имен и направлений – все это становилось частью их деятельности⁶.

Все описанные черты характерны и для художественно-литературного журнала «Аполлон», поэтому для исследования специфики «Аполлона» важно

проанализировать художественный мир журнала, его эстетическое пространство. Под определением «художественный мир» мы понимаем оформление журнала, его внешний образ, а также выставочную деятельность, которой, как и их предшественники из «Мира искусства» и «Золотого руна», активно занимались творцы «Аполлона».

Модернистская эстетика возвела в культ Искусство и Красоту. Отныне художественный журнал становился не только проводником идей, но и красивой вещью. Целью дизайнерских замыслов создателей «Аполлона» было создание журнала как произведения искусства. Оформление «Аполлона» во многом повторяло «Мир искусства», тем более что им занимались все те же «мирискусники» – Л. Бакст, А. Бенуа, М. Добужинский, Д. Митрохин. Обложку к первому номеру журнала делает Л. Бакст: «...за сужающимися колоннами возникает залитый солнцем греческий ландшафт и светоносный Аполлон, изгоняющий диких, неистовых сатиров»⁷. Эта обложка – художественное воплощение эстетической концепции журнала, провозглашенной в редакционном вступлении к первому номеру «Аполлона»: «Аполлон – только символ, далекий зов из еще недостроенных храмов, возвещающий нам, что для искусства современности наступает эпоха устремлений... от расплывчатых эффектов – к стилю, к прекрасной форме и животворящей мечте»⁸.

Графическое авторство обложек следующих номеров «Аполлона» принадлежит М. Добужинскому. Его рамки для «Аполлона» – одна из удачнейших книжных работ художника.

В журнале особое внимание уделялось элементам декора. Орнаментальность, графическая легкость и грациозность линий – отличительные черты рисованных заголовочных шрифтов, виньеток, заставок. Художник своими работами ищет эмоционального созвучия и выражает его графическим языком (например, иллюстрации М. Добужинского к «Ночному принцу» С. Ауслендера, которые не только передают идею произведения, но и органично связаны со стилем оформления журнала).

«Аполлон» активно использует в своей издательской практике публикацию репродукций с картин и изображения шедевров архитектуры и декоративно-прикладного искусства. Наиболее ценные иллюстрации проложены тонкой бумагой, шуршание которой уже предвосхищает встречу с картиной, создает особую эстетическую ауру. Из таких эстетических жестов у читателей складывается образ журнала как художественного произведения⁹.

Свои художественные взгляды «Аполлон» пропагандировал не только в журнальных книжках. Организаторский талант С. Маковского проявился и в создании выставок, проходивших под эгидой журнала. Вообще в кругу мирискусников открытие выставки накануне выхода первого номера журнала уже стало традицией.

В январе 1909 г. в помещениях Меншиковского дворца открылась выставка живописи и графики, получившая название «Салон Маковского». На ней Маковский собрал представителей различных течений русской живописи последних лет: Бакста, Бенуа, Кандинского, Рериха, Серова, Петрова-Водкина, Чюрлениса, Богаевского, Врубеля и др. Салон имел широкий общественный ре-

зонанс. Н. Гумилев в своей статье «По поводу “салона” Маковского» так описывает свои впечатления от выставки: «Прекрасны Сомов и Бенуа: слегка жеманная грусть о прошлом и совершенный вкус чаруют... Отдельно от других стоит громадное полотно Бакста “Terror antiquus”. Античность понята не как розовая сказка золотого века, а как багряное зарево мировых пожаров»¹⁰.

С началом издания журнала в редакции (наб. Мойки, 24) регулярно устраивались камерные персональные и тематические выставки. «Такие маленькие выставки представляют необходимую поправку к торжественным парадом искусств, на которых тонет все интимное и тонкое...», – замечает М. Волошин¹¹.

Первой из них была выставка акварелей, рисунков и гуашей Г. Лукомского, открывшаяся 25 октября 1909 г. В рецензии М. Волошина на выставку, напечатанной в № 2 «Аполлона», дается оценка творчества художника: «Г. К. Лукомский видит пейзаж в потухших, немного пыльных, но глубоких тонах. Точно сквозь дым... Ему даны от природы талантливость и легкость...»¹².

14–22 ноября 1909 г. при редакции была устроена персональная выставка К. С. Петрова-Водкина «Париж – Пиренеи – Бретань – Африка», которая закрепила известность художника. С. Маковский писал о нем: «Петров-Водкин – еще совсем молодое имя в России. Мы узнали о нем впервые на выставке “Салон”. Узнали – и как-то сразу пленились им. Полюбили его горячие краски, вдумчивый рисунок, верный вкус и ту особенную, русскую “мятежность”, которой проникнуты его работы»¹³.

15 декабря 1909 г. открылась выставка сотрудников популярного журнала «Сатирикон». Были представлены работы карикатуристов Реми (Н. В. Ремизова), А. А. Радакова, А. Яковлева, А. Юнгера, Мисс. Как отмечал барон Н. Врангель, именно их «изысканно-тонкие, правдивые и, главное, красивые иллюстрации» придают особую прелесть журналу¹⁴. Участники «Сатирикона», «то забавные, весело смеющиеся, то ядовито-злые, соединили красивое со смешным, создали новый стиль насмешливого рисунка»¹⁵.

В январе 1910 г. в редакции журнала «Аполлон» была устроена небольшая выставка современных русских женских портретов, где демонстрировались замечательные работы Кустодиева, Серова, Сомова, Судейкина, Бакста и других художников. Вокруг выставки разгорелась резкая полемика в печати: критики заявляли, что она не дала типа настоящей русской женщины, который воплощает идею служения обществу. Маковский в своей рецензии отвечал на выпады: «Я верю, что может быть именно из мучениц долга состоит громадная масса русских женщин, но женщина Врубеля, Сомова, Серова, Бакста, женщина-мечта – все-таки та, которая *останется*»¹⁶.

В апреле 1910 г. в редакции «Аполлона» проходила выставка учеников Бакста и Добужинского. Работы учащихся, в соответствии с педагогическими принципами Бакста, не были подписаны. «Здесь нет имен, нет отдельных самолюбий... только ученики, ремесленники Аполлона»¹⁷. На вернисаж была разослана тысяча пригласительных билетов, но 20 апреля пришли единицы – в Петербурге уже закончился выставочный сезон, и публика разъехалась на лето¹⁸.

Еще несколько слов о самой организации выставок. Экспонаты и репродукции строго отбирались. В «Аполлоне» репродуцировались шедевры. «Апол-

лоновцы» поставили целью добиваться успеха своих выставок: чтобы о них говорили, не забывали, знакомились с художниками, покупали картины. Каждая выставка становилась праздником. В залах было многолюдно, люди приходили нарядно одетыми, в приподнятом настроении¹⁹. Художественные выставки в «Аполлоне» регулярно устраиваются в течение первых лет издания журнала, позже активность выставочной деятельности идет на спад.

Итак, открытие «Аполлона» явилось событием для литературного и художественного Петербурга. «В очень быстрый срок все авангардное русское искусство тех лет объединилось вокруг “Аполлона”, ставшего подлинным центром русской художественной жизни»²⁰.

¹ Цит. по: *Муравьева И. А.* Век модерна. СПб., 2001. С. 160.

² Русская литература и журналистика начала XX века, 1905–1917: буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984.

³ *Муравьева И. А.* Указ. соч.

⁴ *Лебедева Т. В.* Сергей Маковский: страницы жизни и творчества. Воронеж, 2004.

⁵ *Каверина Е. А.* Художественный журнал как эстетический феномен (Россия, конец XIX – начало XX веков): автореф. дисс. СПб., 2000.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ *Гольнец С. В.* Л. С. Бакст. Л., 1981. С. 41.

⁸ Аполлон. 1909. № 1. С. 3.

⁹ *Каверина Е. А.* Указ. соч. С. 19.

¹⁰ *Гумилев Н.* По поводу «салона» Маковского // <http://www.gumilev.ru/clauses/61/>

¹¹ *Волошин М. А.* Первая выставка в редакции «Аполлона» // Аполлон. 1909. № 2. Хроника. С. 13.

¹² Там же.

¹³ *Маковский С.* Выставка К. С. Петрова-Водкина в редакции «Аполлона» // Аполлон. 1909. № 3. С. 12.

¹⁴ *Врангель Н.* Выставка «Сатирикона» в редакции «Аполлона» // Аполлон. 1910. № 4. С. 56.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Маковский С. К.* Женские портреты современных русских художников // Аполлон. 1910. № 5. С. 9.

¹⁷ *Он же.* Выставка в редакции «Аполлона» // Аполлон. 1910. № 8. С. 44.

¹⁸ *Хмельницкая Л.* Сплетения судеб // <http://www.chagal-vitebsk.com/node/37>

¹⁹ *Лебедева Т. В.* Указ. соч. С. 125.

²⁰ *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. М., 1991. С. 130.

Долгова Анжела Валерьевна
Пермский государственный университет

РАСПРОСТРАНЕНИЕ БАНДИТИЗМА В ПЕРИОД ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

В разгар Гражданской войны Красная Армия имела большую численность, чем все белогвардейские войска. На 1 ноября 1920 г. в ней насчитывалось

5,5 млн. человек – в несколько раз больше, чем у белых. Превосходство было и по уровню старых военных специалистов, часть которых была принудительно мобилизована под угрозой расстрела или взятия в заложники членов семей¹.

Многочисленные фронты потребовали от советского тыла колоссального напряжения сил для того, чтобы снабдить Красную Армию оружием, обувью, обмундированием, продовольствием. Необходимо было поставить весь тыл на службу фронту. Советское правительство встало на путь военного коммунизма².

Реализация этой политики тяжело отразилась на хозяйстве крестьян. Последствиями регулярных призывов, сопровождавшихся реквизициями хлеба и лошадей, стала нехватка в деревне рабочих рук и голод, что вызвало волну недовольства в стране. Противоправные действия некоторых советских и партийных работников подрывали авторитет правящей партии и Красной Армии в целом, чем спешили воспользоваться противники большевиков – меньшевики и эсеры, чтобы склонить на свою сторону массы. В то же время активизировались дезертиры, вследствие чего возросло число совершаемых ими преступлений.

В. П. Портнов справедливо считал, что дезертирство представляло большую опасность для Советской власти. Оно становилось источником не только опасных преступлений, но и антисоветской деятельности. Вооруженные банды зеленых уничтожали советских работников, совершали диверсии, а иногда входили в прямой контакт с белогвардейцами³.

В. И. Ленин в «Отчете о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта 1921 года» отмечал: «Когда десятки и сотни тысяч демобилизованных не могут приложить своего труда, возвращаются обнищавшие и разоренные, привыкшие заниматься войной и чуть ли не смотрящие на нее как единственное ремесло, – мы оказываемся втянутыми в новую форму войны, новый вид ее, которые можно объединить словом: бандитизм»⁴.

В 1919–1921 гг. на территории страны действовали сотни группировок различной численности: от мелких – по 10–20 человек до крупных, состоящих из тысяч человек. Кроме главной социальной базы – кулачества в бандах участвовали служащие разбитых белогвардейских армий; дезертиры; различные деклассированные элементы. В крупных бандах принимали участие середняки, бедняки и рабочие, обманутые демагогическими лозунгами, выдвигавшимися главарями банд⁵.

Все чаще в сводках сообщалось о проявлениях бандитизма и разных результатах борьбы с ним. Так, например, на территории Вотской области была широко известна банда Потопаева. В докладе местного отделения по борьбе с дезертирством говорилось: «Масса людей привыкла жить, ничего не делая, к ним зачастую примыкают бежавшие дезертиры, после чего они живут грабежами и вооруженными налетами на мирных жителей»⁶.

В Славгороде, Павлодаре, Семипалатинске действовали банды разбежавшихся 4-го, 5-го, 11-го и 19-го партизанских полков, которые занимались пьянством, совершали нападения на мирных граждан и вели антисоветскую агитацию⁷.

В 1920 г. в Пермской губернии существовало несколько разрозненных бандитских групп, численность каждой из них составляла примерно 15–30 человек. Наибольшую известность получила банда Кетова. В архивных источни-

ках говорится о широком размахе его преступной деятельности. Но точное количество совершенных им убийств и грабежей неизвестно. Весной 1920 г. в сводках сообщалось о нападении банды на работников образования: «Учительство парализовано в работе выступлениями белогвардейца Кетова, который, кроме убийств советских работников, ходит по школам, насилует, грабит»⁸. В Осинском уезде в одном из донесений местных советских работников уездным властям говорилось: «Дезертир Кетов подбросил письмо, где пишет, что нападет на исполком. ...Видно, что он серьезно организует бывших колчаковцев, и вообще дезертиры начинают открыто появляться по деревням... Красноармейцев в настоящее время в волости нет»⁹.

О совершаемых преступлениях свидетельствовали крестьяне с. Елово Осинского уезда: «У нас очень много дезертиров в лесах, бывшего нашего квартиранта Ивана убили»¹⁰; Оханского уезда: «Нынче нельзя никуда ходить, так как кругом дезертиры, которые ловят проходящих, и даже убивают»¹¹; Чердынского уезда: «Замечается в некоторых местах антисоветская пропаганда, большей частью со стороны кулачества и вернувшихся от белых... В Закамском крае убили 4 лошадей, крестьянина, ранили милиционера и коммуниста»¹².

В сводках ГЧК за период с 15 по 31 августа 1920 г. в Пермской губернии отмечалось: «В Уральском уезде в лесах скрываются вооруженные дезертиры, которые нападают на продотрядников и милицию и занимаются грабежами»¹³.

В Сарапульском уезде бандиты поджигали леса, «портили» скот, нападали на мирное население: грабили, насильовали, убивали»¹⁴.

Анализ архивных источников позволяет сделать вывод о зависимости частоты вооруженных нападений от погодных условий. В некоторых уездах с наступлением холодов нападения на местных жителей сопровождались взятием заложников, в числе которых были и дети. В сводках сообщалось: «В Верх-Буевской волости Осинского уезда два мальчика ездили за сеном в лес. К ним вышли двое вооруженных солдат и потребовали от них хлеба. При них хлеба не оказалось, и один из мальчиков был отправлен обратно в деревню за хлебом. Привезя хлеб, отдал его вооруженным людям, которые в свою очередь убили мальчиков и сами скрылись»¹⁵.

В Осинском уезде народный судья докладывал в уездный исполком: «В Буевской волости убит учитель Аряжской школы первой ступени... В Басинской волости дезертиры не раз обстреливали милицию»¹⁶.

Из-за отсутствия сильной власти ситуация на местах ухудшалась. Бандиты наносили ущерб крестьянским хозяйствам во время полевых работ, срывали любые начинания советских организаций, особенно, если дело касалось выкачки хлеба. При этом действовали быстро и слаженно.

Иногда бандитам даже не требовалось применять оружие, чтобы получить хлеб. Достаточно было переодеться в форму военнослужащего и беспрепятственно проникнуть в деревню. В таких случаях в сводках сообщалось: «Дезертиры напали под видом красноармейцев».

В годы Гражданской войны переодетые дезертиры не были редкостью. В большинстве случаев, обмундирование, как и оружие, являлось краденым. Кроме того, все необходимое можно было добыть у раненых или убитых, или

даже приобрести на местном рынке. Таким образом, не существовало каких-либо отличительных признаков, по которым можно было определить преступника.

Развившийся бандитизм сильно тормозил восстановление хозяйства в деревне и препятствовал утверждению Советской власти. Сказывался и недостаток оружия у советских работников и в то же время наличие его у бандитов.

Совершались нападения на представителей властных структур: военных комиссаров, работников исполкомов, комиссий по борьбе с дезертирством, ЧК, а также «конкурентов» дезертиров по выкачке хлеба – продовольственных агентов. Наиболее распространенным явлением было склонение дезертирами крестьян к восстаниям против Советской власти.

Важно отметить, что в 1920–1921 гг. ожесточенная борьба советских работников с бандитами вынудила последних перейти от открытого противостояния к неявной подрывной деятельности, саботажу, разрушению структуры Советской власти изнутри.

Под видом советских работников бандитам удавалось не только уклониться от службы и наказания, но и войти в доверие к властям, чтобы затем сорвать любые мероприятия и при желании настроить против большевиков крестьян. Об этом сохранились свидетельства самих бандитов, полученных в ходе агентурной разведки. Один из них – бывший военнослужащий Белой Армии рассказал, как он под видом коммуниста «работал» в местной партячейке: «Если удастся, то я в скором времени буду в Сибири, и буду доволен, потому что избавлюсь от этой адской работы, из-за которой с ячейкой иногда бывают ссоры. Коммунисты везде суют свой нос, везде не по-ихнему... Я не могу примириться с тем, что сам народ идет навстречу смерти, всех решительно ожидает разруха, нищета и голод. Все, как бараны, стремятся к устройству новой жизни, а, между прочим, незаметно. Любви не существует, равенства нет, свобода слова в воздухе»¹⁷.

В послевоенное время на первый план выдвигается уже проблема общественного порядка. Потребовалось длительное время и консолидация всех властей – местного и центрального уровней, чтобы окончательно уничтожить все бандитские группировки.

Период с 1921 по 1922 гг. характеризовался упорным, но безнадежным сопротивлением бандитов Советской власти. Несмотря на то, что продолжались восстания, по-прежнему совершались преступления – бандиты были обречены.

¹ См.: *Плотников И. Ф.* А. В. Колчак. М., 2002. С. 199.

² См.: *Горовой Ф. С.* Пермская губерния в период военного коммунизма. Молотов, 1950. С. 4.

³ *Портнов В. П.* ВЧК, 1917–1922. М., 1987. С. 128.

⁴ *Ленин В. И.* Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта 1921 г. // ПСС. Т. 43. М., 1963. С. 10.

⁵ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1983. С. 53.

⁶ Центр документации новейшей истории Удмуртской республики (ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 23. Л. 117–117об.

⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 9. Л. 142.

⁸ Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 754. Оп. 2. Д. 59. Л. 18.

⁹ Там же. Л. 51.

¹⁰ Там же. Д. 51. Л. 25об.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 77об.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 3. Д. 414. Л. 81об.

¹⁴ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-416. Оп. 1. Д. 51. Л. 137.

¹⁵ ГАПК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 529. Л. 15.

¹⁶ Там же. Д. 528. Л. 326.

¹⁷ ПермГАНИ. Ф. 557. Оп. 1. Д. 51. Л. 20.

Домовитова Полина Ярославна
Пермский государственный университет

РЕЖИМ ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ РОССИИ АДМИРАЛА А. В. КОЛЧАКА ГЛАЗАМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГРУППЫ «НАРОД»

Первые попытки анализа режима Верховного правителя А. В. Колчака относятся еще к периоду гражданской войны. Они предпринимались, в первую очередь, умеренными социалистами, представителями «третьей силы», которые находились между двумя полюсами гражданской войны. После омского переворота 18 ноября 1918 г. умеренным социалистам пришлось делать политический выбор между двумя главными силами – большевиками и белыми, объединившимися под властью Верховного правителя России.

Официальная позиция партии эсеров как «третьей силы» была закреплена на IX съезде партии в июне 1919 г. Лидеры левого течения, объединившиеся позже в группу «Народ», выступили за сближение с большевиками против контрреволюционных сил и в знак протеста против решения IX съезда вышли из состава ЦК. Бывшие эсеры, рефлектируя по поводу неудач антибольшевистских демократических правительств Поволжья и Сибири, пытались проанализировать причины поражения демократической контрреволюции и успеха омского переворота.

Уже в 1919 – 1920-е гг. выходят первые работы членов группы «Народ», посвященные политическому режиму Верховного правителя. Их авторы констатируют, что белогвардейские правительства А. В. Колчака и А. И. Деникина поддерживают не только буржуазия, но и «темное крестьянство и несознательные рабочие»¹. Таким образом, представители группы «Народ» признают факт поддержки Верховного правителя значительными народными массами.

К. Буревой объясняет народную поддержку белых сил ненавистью народа к большевикам². Не вдаваясь в подробности причин подобной ненависти к потенциальным союзникам, автор и его единомышленники подробно раскрывают негативные аспекты политики своих противников, демонстрируя предвзятость по отношению к белогвардейским правительствам.

Вполне объяснимая предвзятость приводит к фактическим ошибкам. Так, К. Буревой отмечает, что партия кадетов, ставшая политическим ядром белых

сил, официально заявила о переходе к старой программе, то есть к конституционной монархии³. Идеи восстановления монархии вообще часто приписывались белым антибольшевистским правительствам, хотя ни один программный документ не может подтвердить этот тезис.

Критикуя режим Верховного правителя, авторы стараются подтверждать свою точку зрения первоисточниками. Н. И. Ракитников озвучивает основные задачи правительства А. В. Колчака словами самого Верховного правителя: формирование и снабжение армии, обеспечение в стране порядка и спокойствия и охрана свободного демократического строя⁴.

Члены группы «Народ» прекрасно представляли себе политическую программу своих противников и относились к ней неоднозначно. Например, Н. И. Ракитников смотрел с некоторым сочувствием, критикуя преимущественно ее декларативный характер, а не конкретные положения. К. Буревой критиковал буржуазные основы – такие, как незыблемость частной собственности.

Они сходились в одном – основой политического режима Верховного правителя считали военную диктатуру, построенную на власти так называемой «офицерщины» и подавившую демократические достижения революции. Исходя из своих политических взглядов, приверженцы социалистической демократии не могли принять диктатуру даже в качестве вынужденной меры в условиях гражданской войны.

Приняв сторону большевиков в гражданской войне, бывшие эсеры, отколовшиеся от партии и вошедшие в группу «Народ», вряд ли могли объективно смотреть на политический режим Верховного правителя России А. В. Колчака. Необъективность подобных работ приводила к фактическим ошибкам, которые неизбежны при предвзятом подходе. Так, колчаковскому режиму приписывалось влияние монархистов и черносотенцев. При этом, признавая крах демократической контрреволюции и легитимность власти Верховного правителя, бывшие представители «третьей силы» были заинтересованы в объективном изучении деятельности для понимания причин своего поражения.

¹ Буревой К. Колчаковщина. М., 1919. С. 5.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ракитников Н. И. Сибирская реакция и Колчак. М., 1920.

Ермолаев Михаил Сергеевич
Новосибирский государственный педагогический университет

ГОРОДА КАК ЭЛЕМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВОЙ СЕТИ: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Несмотря на постоянное увеличение количества работ по экономической истории, такие аспекты внутренней сущности рынка Западной Сибири, как его

структура, формы организации торговли, их эволюция и географическое расположение остаются еще слабо изученными, тогда как изучение именно этих вопросов может отобразить реальное функционирование регионального рынка.

Многие авторы, посветившие свои исследования всероссийскому или региональному рынку, уже обращались к изучению этих тем, однако рассматривали лишь их некоторые аспекты и не всегда выстраивали целостную картину явления. Принимая во внимание публикацию А. Р. Ивонина, заключившего, что «этап “количественного изучения” рынка, связанный с накоплением фактического материала и включением его в научный оборот, в основном завершен», а важнейшей задачей сегодняшнего дня становится теоретическое осмысление проблем функционирования регионального рынка¹, представляется возможным проделать историографическую работу по обобщению различных исследований о «торговой сети» регионального рынка Западной Сибири середины XIX – начала XX в.

Исходя из обобщенного понимания рынка как некоей системы экономических отношений по поводу купли-продажи товаров², можно заключить, что неким физическим воплощением функционирования данной системы, поддающемуся изучению, становится торговая сеть, определяемая как «совокупность торговых предприятий (организационных форм торговли), расположенных в пределах конкретной территории»³.

В современной историографии доминирует положение, что основной организационной формой торговли для России и Сибири, в частности в XIX в., являлись ярмарки и другие виды периодической торговли⁴. Однако, рассматривая историографию этого вопроса, возможно обратить внимание на положение о возрастающей с конца XIX – начала XX в. роли городов в функционировании торговой сети региона.

Общая историография городов Сибири является темой уже подвергавшейся достаточно детальному изучению, как в общих⁵, так и в специальных историографических очерках⁶. Не умаляя значимости данных историографических обзоров, приведенных в рамках исследовательской тематики авторов, в рамках данной статьи представляется интересным провести краткое историографическое обозрение развития представлений о роли городов в функционировании торговой сети регионального рынка Западной Сибири в середине XIX – начале XX в.

В послереволюционные годы организационные формы торговли не стали популярной темой для исторических исследований, однако их изучение четко прослеживается в работах, посвященных общим процессам развития рыночных отношений страны. Тем более что общей темой этих работ стало изучение генезиса капитализма в России, и одним из направлений данных исследований стало отнесение организационных форм торговли к той или иной общественной формации и определения их роли в становлении капитализма, однако эти исследования строились на материалах по истории европейской части страны⁷.

История городов Западной Сибири долго время не являлась предметом специального изучения, что, по мнению Н. М. Дмитриенко, обусловлено малой степенью изученности этой темы в дооктябрьскую эпоху⁸.

Первым специальным исследованием стала историко-географическая работа Р. М. Кабо, посвященная изучению сибирских «городов как звеньев общественно-географического разделения труда и в зависимости от исторически сменяющихся способов производства»⁹. Эта работа заложила и сформулировала ряд важных представлений о городской сети региона и зависимости ее строения от естественно-географических условий, а главное, было заложено представление о городе как самостоятельной торговой единице. Такой подход к рассмотрению сибирского города был продолжен А. П. Бородавкиным¹⁰, рассматривающим города как важный и самостоятельный элемент торговой сети, представляющей собой всю совокупность стационарных и даже периодических форм торговли, расположенных в нем.

С выходом в свет работы Б. Н. Миронова¹¹, также использующим этот подход и обосновавшим разграничение сфер деятельности организационных форм торговли (стационарная обслуживала, в основном, города, периодическая – сельскую местность), представление о городе как самостоятельной единице товарообмена стало общераспространенным в современной историографии.

Однако доминирование этого подхода, облегчающего рассмотрение торговой сети в масштабе региона, не исключает и иных направлений исследования. Так, учитывая, что с конца XIX в. стационарные формы торговли распространяются и на сельскую местность, представляется важным сравнительный анализ стационарных и периодических форм торговли определенной области, проведенный Т. К. Щегловой¹².

Рассмотрение города как самостоятельной единицы торговой сети повлияло на постановку вопроса об изучении «торговой инфраструктуры» города¹³. Под этим понятием подразумевается вся совокупность постоянно функционирующих фирм, торговых и складских заведений. Также возможно включать в «торговую инфраструктуру» и кредитные учреждения, значение которых в развитии торговли городов подтвердил А. К. Кириллов¹⁴. Немаловажную роль играет и торгово-административные функции города, именно здесь располагались государственные учреждения, необходимые для торговой деятельности¹⁵, и «офисы» купечества.

Изучая города не как организационную форму, а как их совокупность, выступающую в качестве самостоятельного элемента стационарной торговой сети, необходимо разграничивать рассмотрение существующих городских ярмарок, справедливо отнесенных Т. К. Щегловой именно к периодической форме торговли¹⁶, и стационарные формы торговли, расположенные в самом городе. Обращая на это внимание, В. А. Скубневский подчеркивал, что во многих городах, входящих в ярмарочную сеть, после проведения ярмарки «торговая жизнь могла затухать»¹⁷. Приведенные В. А. Скубневским, Ю. М. Гончаровым, Т. С. Пустогачевой¹⁸ и другими исследователями данные, в особенности показатели товарооборотов торговых заведений, однозначно позволяют отнести некоторые города региона к крупнейшим центрам торговой сети Западной Сибири.

В современной историографии накоплен значительный опыт изучения городов Западной Сибири, однако в большинстве публикаций соответствующие разделы, посвященные изучению роли города в товаропотоках региона,

сведены к нескольким абзацам или отсутствуют вовсе. Большинство публикаций посвящены демографии города, его социальному (сословному) составу и др., и лишь коротко приводят перечень числа лавок и магазинов, названия нескольких торговых фирм и данные об оборотах торговли на какой-либо год. Слабо изученными остаются города севера региона. Лишь немногие работы содержат развернутый анализ торговой функции городов¹⁹.

На основании изученных работ возможно сформулировать некоторые основные линии изучения городов как ключевых элементов торговой сети Западной Сибири середины XIX – начала XX в.

Наиболее важным направлением является изучение общих тенденций развития торговой функции города, накопление фактического материала, отражающего торговую деятельность города. В самостоятельное направление выделяется изучение «торговой инфраструктуры» города, заключающееся в анализе взаимосвязи и специфики функционирования торговых заведений, а не в их перечислении.

К «новому» направлению изучения городов можно отнести рассмотрение взаимодействия стационарных и периодических форм торговли, заключающееся не в сравнении их товарооборотов, а в анализе участия организационных форм в товаропотоках на территории региона. Именно эта тенденция взаимосвязанного рассмотрения форм торговли наблюдается в работе Т. С. Пустогачевой²⁰; особым вкладом автора стала попытка рассмотрения взаимодействия между существующей ярмарочной сетью и городом Бийском как центром сосредоточения организационных форм торговли. К сожалению, в современной историографии это направление не получило широкого развития, тогда как именно такие исследования позволяют оценить значение городов в региональной торговле, а главное рассмотреть торговую сеть Западной Сибири в ее функционировании.

¹ *Ивонин А. Р.* Структура регионального рынка дореформенной Западной Сибири (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 129.

² *Румянцева Е. Е.* Новая экономическая энциклопедия. М., 2006. С. 515.

³ *Егоров В. Ф.* Организация торговли. СПб., 2006. С. 27–28.

⁴ *Щеглова Т. К.* Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века: из истории формирования и развития Всероссийского рынка. Барнаул, 2001; *Пустогачева Т. С.* Развитие торговли в горном и предгорном Алтае во второй половине XIX – начале XX века. Томск, 2007; *Сидорчук О. Н.* Сибирские ярмарки во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.

⁵ *Рындзюнский П. Г.* Изучение социально-экономической истории России XIX в. в советской историографии // Советская историографическая наука от XX к XXII съезду КПСС: история СССР. М., 1962. С. 187–214; *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 75–90.

⁶ Историография городов Сибири конца XVI – начала XX века. Новосибирск, 1984; Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX века. Новосибирск, 1987.

⁷ *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. М., 1952; *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. М., 1958.

⁸ *Дмитриенко Н. М.* Дореволюционные авторы о городах западной Сибири эпохи капитализма // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 109.

⁹ *Кабо Р. М.* Города Западной Сибири: очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX вв.). Москва, 1949. С. 5.

¹⁰ *Бородавкин А. П.* Торговля и пути сообщения. Торгово-промышленная буржуазия // История Сибири. Т. 3. Ленинград, 1968. С. 57–71.

¹¹ *Миронов Б. Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981.

¹² *Щеглова Т. К.* Указ. соч.

¹³ *Скубневский В. А.* Торговая инфраструктура сибирского города в начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.): межвуз. сб. науч. ст. Барнаул, 1995. С. 122–138.

¹⁴ *Кириллов А. К.* Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2003.

¹⁵ *Рабцевич В. В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.

¹⁶ *Щеглова Т. К.* Городские ярмарки Западной Сибири во второй половине XIX в. // Города Сибири XVIII – начала XX в.: сб. науч. ст. Барнаул, 2001. С. 104–107.

¹⁷ *Скубневский В. А., Гончаров Ю. М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. I: Население. Экономика. Барнаул, 2003. С. 190.

¹⁸ *Скубневский В. А., Гончаров Ю. М.* Указ. соч.; *Пустогачева Т. С.* Указ. соч.

¹⁹ *Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляева Л. Н.* Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1978.

²⁰ *Пустогачева Т. С.* Указ. соч.

Зайцев Виталий Александрович

Национальный музей Республики Татарстан (г. Казань)

ОТНОШЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ К РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ В 1904–1905 ГГ.

В начале XX в. православная церковь являлась частью государственного аппарата¹. Православное духовенство как социальная группа с началом войны оказалось в сложном и двусмысленном положении, поскольку ему циркулярно предписывалось оценивать войну строго определенным образом, а также распространять среди прихожан церковную точку зрения на войну – проповедью и личным примером.

С началом войны все духовенство епархии было охвачено патриотическим подъемом. 29 января 1904 г. была отправлена всеподданнейшая телеграмма от имени Казанской епархии, духовенства и духовно-учебных заведений. Отчисления в пользу флота, Красного Креста и семей убитых воинов обязались делать профессора и служащие практически всех духовных учебных заведений епархии. В первые месяцы войны преподаватели и студенты Казанской духовной академии и духовной семинарии провели ряд благотворительных «патриотических» концертов². Однако по мере нарастания военных поражений к

1905 г., семинаристы стали одной из главных оппозиционных сил в Казани; как социальная группа они оказались ближе к студенчеству, нежели к духовенству.

Одной из особенностей отношения духовенства Казанской губернии к войне стало восприятие японцев (и корейцев) просто как еще одного языческого народа, нуждающегося в христианском просвещении. Именно в христианстве виделось средство предотвращения в будущем войн между белой и желтой расой³. Основателем миссии в Корее был воспитанник Казанской духовной академии иеромонах Хрисанф, ставший в 1904 г. епископом Чебоксарским. Провал миссии в Корее был слишком очевиден. В этой связи любопытна полемика в прессе, в которой проглядывает стремление одного миссионера оправдаться в провале миссии, переложив ответственность на происки «коварных» японцев (Хрисанф), и стремление другого представить последнего в неблагоприятном свете (Н. А. Бобровников, директор Казанской русско-инородческой учительской семинарии).

Церковь полагала, что без понимания смысла и цели войны победы не будет. Для преодоления народного невежества и инертности предполагалось организовать регулярные беседы священников и сельских учителей. В этом видится стремление церкви конкурировать с интеллигенцией, которая не соглашалась с официальной государственно-церковной концепцией или даже распространяла в народе антивоенные идеи⁴.

Церковь использовала концепцию войны, сконструированную еще в январе 1904 г. в виде набора религиозно-расовых штампов. Хотя нельзя говорить о полном совпадении позиций церкви как социального института и духовенства как социальной группы.

Перед лицом внешней опасности церковь призывала общество объединиться на основе ценностей православия и самодержавия. Война с точки зрения церкви имела и положительное измерение, поскольку в патриотическом порыве должна была исчезнуть классовая, сословная и национальная рознь. Но к осени 1904 г., когда патриотический подъем угас, становилось очевидным, что подлинного объединения на почве войны так и не произошло, более того, в обществе нарастают противоречия⁵.

Смысл войны для церкви укладывался в традиционную формулу: «за веру, царя и отечество». Но война шла на «чужой земле», поэтому формула была дополнена: «за честь, интересы и права России на Дальнем Востоке». Попранная «честь» здесь – это нападение на флот в Порт-Артуре, «интересы и права» – эвфемизм, затушевывающий сам факт того, что война ведется не в России, а в Корее и Китае. Колониальная война превращалась в оборонительную только из-за того, что японцы вероломно напали первыми. Подчеркивались отрицательные черты национального характера японцев – коварство, кичливость и т. п. Все эти качества приписывались им как язычникам. Церковь представила русско-японскую войну как борьбу христианства с язычеством, имеющую всемирно-историческое значение. В церковных периодике и проповедях нашла отражение теория «желтой опасности» и «панмонголизма»: война шла не столько между Россией и Японией, сколько между Европой и Азией, христианством и язычеством, цивилизацией и варварством, белой и желтой расой⁶.

Паства призывалась уповать, главным образом, не на силу оружия, а на помощь Господа и святых. Поэтому похищение Казанской иконы Божьей Матери 29 июня 1904 г. вызвало культурный шок⁷ и было воспринято как дурное предзнаменование. Пока не был пойман настоящий грабитель в народе ходили слухи, что похитителями были японцы. Циничное похищение и уничтожение иконы неким В. Стояном вновь актуализировало миф об этой иконе и было воспринято в тесной связи с идеей о «новом нашествии монголов»⁸.

Еще более опасными, нежели враги внешние, в глазах церкви были враги внутренние, в число которых церковь включала революционеров. Мысль о необходимости борьбы с ними, в начале войны оформленная лишь пунктирно, получает развитие в церковной периодике с середины 1904 г., а с начала 1905 г. акцент часто смещается от необходимости борьбы с японцами на необходимость противодействия революции. Высказывалась мысль о финансовой поддержке японцами революционного движения или о совпадении их интересов. По мере нарастания поражений война начинает связываться с грехами русского общества, и, прежде всего, с антиправительственными выступлениями.

В Казанской епархии высшие иерархи были весьма консервативны и шли в фарватере решений Синода. Под влиянием военных поражений церковь начинала воспринимать либеральный тезис о необходимости «самодеятельности» народа и стала поддерживать намерение правительства учредить законосовещательный орган⁹. Портсмутский мир, т. е. «мир внешний», стал очередным поводом призвать паству к «миру внутреннему». Общество призывалось учесть печальные уроки войны и включиться в инициированные правительством реформы, в частности, поддержать правительство работой в Государственной Думе. Для самой же церкви наиболее важной реформой виделась реформа церковная, отложенная ввиду войны и вновь вставшая на очередь вместе с заключением мира¹⁰.

Кроме пропаганды официального взгляда на войну, на духовенство легли и другие обязанности. Так, Синод пригласил к пожертвованиям на санитарные нужды армии церкви, приходское духовенство и монастыри. Затрагивая этот сюжет, невозможно пройти мимо полемики между церковью и либеральными органами прессы. Суть ее сводится к вопросу, достаточно ли монастыри жертвуют на военные нужды. Церковь неуклюже защищалась, настаивая, что недостаточность пожертвований характерна для всего русского общества, а не для одного только духовенства, и утверждала, что «инородцы» (евреи, главным образом) жертвуют непропорционально мало¹¹.

Определение Синода предписывало клиру приложить особое усердие к сбору пожертвований в церквах за богослужениями. Но ближе к концу войны церковь стала отказываться производить дополнительные сборы на военные нужды на своей территории в пользу, например, семей запасных.

В ноябре 1904 г., в преддверии частной мобилизации, у приходского духовенства появилась еще одна обязанность – в проповедях и беседах утверждать в народе сознание долга помощи в хозяйстве семей тех односельчан, которые призваны в армию¹². Важная роль отводилась правительством духовенству в комитетах по призрению семейств нижних чинов.

Тем не менее, низкая эффективность организационных и, особенно, пропагандистских инициатив церкви не позволила представить войну колониальную в качестве войны отечественной. Если бы общество глубоко прониклось официально-церковными настроениями, ход войны был бы другой. В народном сознании война не оказалась бы бессмысленной, странной, глупой, чудной, далекой. Большая часть населения воспринимала войну на обыденном, не идеологическом уровне. Иными словами, простой народ так и не смог поверить в «священную войну», а тем более возненавидеть японцев как носителей чужой культуры и представителей иной расы. Интеллигенция же относилась к церковному видению войны либо равнодушно, либо враждебно. Говоря шире, русско-японская война продемонстрировала падение в глазах российского общества авторитета церкви и авторитета того государственного устройства, которое поддерживалось, освящалось церковью. В результате, в исторической памяти российского общества от церковной репрезентации войны не осталось практически ничего.

¹ Степанов К. С. Русская православная церковь в политической жизни Казанской губернии в первые десятилетия XX в.: дисс. ... к. и. н. Казань, 2000. С. 37.

² Итак... несмотря на миролюбивое настроение Царя // Православный собеседник. Ч. 1. С. 162.

³ Степанов А. К вопросу о панмонголизме // Православный собеседник. 1905. Ч. 1. Апрель. С. 685.

⁴ Васильев М. Одна из пастырских обязанностей во время войны // Известия по Казанской епархии. № 11. 1905. 15 марта. С. 321–328.

⁵ Упадок духа // Казанский телеграф. № 3543. 1904. 21 октября; Васюков С., священник. Мысли по поводу злодеяний // Деятель. № 12. 1904. Ноябрь. С. 431.

⁶ См. подробнее: Ермаченко О. И. 1904–1905 гг.: «Новое нашествие монголов» (к истории русского ориентализма) // Историческое знание: теоретическое основание и коммуникативные практики: материалы научной конференции 5–7 октября 2006 г. М., 2006. С. 178–182.

⁷ Рождествен А. Казанское горе // Казанский телеграф. № 3451. 1904. 2 июля; Бернер В. Отголоски. (Уличные впечатления) // Казанский телеграф. № 3458. 1904. 11 июля.

⁸ «Поселянин» в своей статье «Мистические справки по поводу войны»... // Казанский телеграф. № 3454. 1904. 6 июля.

⁹ Z. Вопрос о народном представительстве // Православный собеседник. 1905. Ч. 1. Июнь. С. 344–350.

¹⁰ Л. П. Этим ожиданиям широкой идейной работы... // Православный собеседник. 1905. Ч. 2. Сентябрь. С. 157–162.

¹¹ Несчастливая русско-японская война, уже истребившая целые сотни миллионов рублей... // Православный собеседник. 1905. Ч. 1. Март. С. 508–511.

¹² О помощи семействам воинов // Известия по Казанской епархии. № 1. 1905. 1 января. С. 3–4.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА ДИПЛОМАТИКИ ЧАСТНЫХ АКТОВ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ПРОЕКТЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ГРАМОТ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ ПРИ ПОМОЩИ ТЕХНОЛОГИИ XML

Отечественная историческая наука фигуру А. С. Лаппо-Данилевского прочно связывает с ролью одного из лидеров петербургской школы историков (восстановление «права источника и факта»), которую в конце XIX – начале XX в. А. Е. Пресняков и П. Н. Милюков противопоставили московской исторической школе (подбор фактов подчинен теории). В то же время, во многом в силу личностных особенностей, Лаппо-Данилевский стоял особняком по отношению к научному сообществу рубежа веков в целом.

В 20-е гг. XX в. ученик Александра Сергеевича С. Н. Валк одним из первых отметил, что во многом трудами Лаппо-Данилевского и его школы были заложены теоретические основы дипломатики частного акта. Своего рода итог многолетним дискуссиям о роли ученого в отечественной историографии подвели в своей книге А. В. Малинов и С. Н. Погодин, сформулировав тезис о том, что «в труде Лаппо-Данилевского русская дипломатика приобретала свое лицо, превратившись в новое направление»¹.

Во взаимодействии педагогической и научной деятельности Лаппо-Данилевского сложился курс лекций, названный им «Очерк русской дипломатики частных актов». В 1918–1919 гг. в связи с подготовкой его текста ученый писал, что «русская дипломатика частных актов возникла сравнительно недавно и не отличается богатством своей литературы»². Дипломатика в его рассуждениях маркируется как особая дисциплина со своими принципами и методами, которые позволяют исследовать акты как письменную форму фиксации правоотношений данной эпохи. Исходя из принципов своих научно-теоретических воззрений, сформулированных в «Методологии истории», Лаппо-Данилевский выделил в дипломатике «документальное источниковедение» (интерпретация и критика акта) и «документальное построение актов», целью которого было выяснение их развития как явления народного правосознания в зависимости от состояния и периода культуры (анализ и синтез акта).

В данном случае больший интерес представляет дипломатический анализ, устанавливающий «типический формуляр» данной группы актов – эта процедура была выработана Лаппо-Данилевским в процессе многолетних исследований «частных» актов различного свойства (исследования о служилых кабалах и т. д.). Дипломатический анализ группы актов включает в себя: а) расчленение каждого из них на его составные части – клаузулы (мысли, выраженные в акте отдельно от других); б) определение общих или частных клаузул для данной группы; в) выяснение типического соотношения в существовании или в преемстве клаузул данной группы актов³. При этом на стадии членения текста на клаузулы «не стоит подвергать его искусственному дроблению или более тон-

кому разграничению»⁴. Выявление типических клаузул производится при помощи графически-статистических таблиц и имеет смысл, если подборка группы актов репрезентативна. Этот метод используется Лаппо-Данилевским, чтобы наглядно обнаружить «соотношение клаузул данного вида»⁵. Горизонтальный ряд таблицы составляют клаузулы конкретного акта, вертикальный – соответствует числу актов. Ряды могут быть непрерывны, а могут и прерываться, что выявляет большую или меньшую устойчивость изучаемого типа формуляра. В результате выстраивается эволюция формуляра актов в зависимости от места и от времени их составления.

На сегодняшний день наиболее полным, актуальным и доступным изданием княжеских актов является издание под редакцией Л. В. Черепнина 1950 г. В ходе подготовки публикации им впервые были собраны воедино все выявленные завещания и договоры князей. Черепнин исходил из представления об этих грамотах как составных частях «единого комплекса Московского великокняжеского архива»⁶. То есть, использование в исследовании всего комплекса грамот будет отвечать требованиям репрезентативности источников.

Поскольку обработать всю совокупность грамот без использования компьютерных технологий представляется достаточно трудоемкой задачей, возник проект создания полнотекстовой базы данных комплекса княжеских грамот с системой запросных форм. При этом не лишним окажется визуальное отображение результатов труда – электронная публикация источников.

Представление текста грамот в электронном виде (разметка, кодирование, создание «скелета» базы, отображение в браузере) не должно нарушать внутренний строй источника эпохи Средневековья (о чем говорил Лаппо-Данилевский в начале XX в.). Помимо самого текста в разметку следует включить также всю совокупность метаданных о документе (место хранения, более ранние публикации, данные палеографии и т. д.). В результате получается база данных, которую можно охарактеризовать как «слабоструктурированная», «источнико-ориентированная»⁷.

Разметке текста грамот должно предшествовать его членение на отдельные смысловые единицы (у А. С. Лаппо-Данилевского это клаузулы, у С. М. Каштанова – более дробная структура из статей, описаний, формул и реаллий; начальный, основной и конечный протокол). Технически этот процесс реализуется при помощи XML-редактора. XML (Extensible Markup Language) – «расширяемый язык разметки», который фактически представляет собой свод общих синтаксических правил, позволяющих хранить структурированные данные в текстовом формате. Важны такие свойства XML, как иерархическая структура размечаемого документа («дерево», состоящее из системы вложенных друг в друга тегов), возможность создания пользовательских элементов и языков разметки, возможность преобразования XML-документа в доступный пользователю вид (например, отображение в web-браузере).

В результате разметки каждая грамота может быть представлена в виде формализованной древовидной структуры из вложенных друг в друга тегов. Совокупность разметки грамот всего комплекса позволит экспериментировать с размещением в табличных ячейках структур различного уровня (частей инди-

видуального протокола грамот; отдельных «клаузул», как у Лаппо-Данилевского). Таков может быть механизм выявления устойчивой внутренней структуры акта (формуляра) и эволюции этой структуры во времени.

С другой стороны, для решения исследовательских задач, связанных с контентом грамот, существует потребность извлечения нужных сведений путем создания запроса (запросов). В данном случае реализация задачи видится в построении базы данных на основе таблиц, учитывающих структуру княжеских грамот (наличие протокола). Результаты, которые будут выдаваться запросными формами, в дальнейшем смогут быть обработаны возможностями реляционных СУБД.

Факт актуальности работ А. С. Лаппо-Данилевского в различных областях исторического знания говорит не только об их системности и фундаментальности, но и о том, что его наследие является органичной частью отечественной исторической науки. Знакомство с опытом работы ученого в области источниковедения оставляет свой отпечаток на выработке собственной исследовательской тактики; устраняет лакуны, «белые пятна» в теоретических аспектах.

¹ Малинов А. В., Погодин С. Н. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 142–150.

² Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 84.

³ См.: Там же. С. 143.

⁴ Там же. С. 146.

⁵ Там же. С. 157.

⁶ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 3–8; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

⁷ См.: Иванов А. С., Варфоломеев А. Г. Технология XML как инструмент компьютерного источниковедения (на примере формулярного анализа документов приказного делопроизводства) // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. М.; Барнаул, 2005. С. 254–255.

Зулькарнаева Елена Зульфаровна

Уфимский государственный нефтяной технический университет

ЭВОЛЮЦИЯ БРИТАНСКОЙ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СЕРЕДИНЕ 1880-Х – НАЧАЛЕ 1890-Х ГГ.: СОЗДАНИЕ ЮНИОНИСТСКОГО АЛЬЯНСА

Образование альянса консерваторов с либерал-юнионистами, получившим название «юнионистский», заслуживает рассмотрения по крайней мере по двум причинам. Во-первых, это продолжило эволюцию британской партийно-политической системы. Во-вторых, как в российской, так и британской историографии превалирует точка зрения о доминирующем влиянии на деятельность консерваторов в 1886–1892 гг. (второй кабинет Солсбери) либерал-юнионистов. На наш взгляд, это мнение ошибочно. Трудно оценить характер

создания и сущности альянса без краткого обзора политической ситуации середины 1880-х гг.

Ирландские националисты потребовали радикально изменить отношения между двумя островами и предоставить Ирландии гомруль. Этот вопрос оказался в центре внимания в Вестминстере, отодвинув другие на второй план. Вскоре после победы на парламентских выборах (ноябрь – декабрь 1885 г.) лидер либералов Гладстон обозначил, что его партия готова идти на уступки, и правительство в ближайшее время обнародует билль о гомруле. Солсбери же выступил с категорическим неприятием гомруля.

По сути Гладстон самолично способствовал процессу раскола либеральной партии. Видные либералы – Хартингтон, Брайт, Гошен – отказались войти в правительство Гладстона, мотивируя это своим принципиальным неприятием гомруля. К тому же, вигская группировка во главе с Хартингтоном, объявив себя «независимой», начала организационное отмежевание. Кроме того, как только Гладстон представил 16 марта билль о гомруле членам своего кабинета, министры Чемберлен (возглавлял радикальную группировку в партии) и Тревельян подали в отставку¹.

8 апреля Гладстон изложил свой проект гомруля. Согласно биллю, Ирландии следовало предоставить собственный парламент из двух палат. Прекрасно понимая, что для умиротворения Ирландии необходимы и экономические мероприятия, 16 апреля Гладстон представил билль о наделении ирландских крестьян землей².

В ходе второго чтения билля о гомруле (началось 1 июня) в авангарде противников Гладстона стояли члены его партии – Чемберлен и Хартингтон. Бурные выступления либерал-юнионистов фактически делали излишними действия консерваторов. Борьба главным образом проходила между либерал-юнионистами и оставшимися верными Гладстону либералами³.

Политический кризис достиг своего пика вечером 8 июня, когда состоялось голосование по второму чтению билля о гомруле. Законопроект был провален: «против» – 343 (250 консерваторов и 93 либерал-юниониста, из них 47 – сторонники Хартингтона, 46 – Чемберлена), «за» – 313 (227 либерал-гладстонианцев и 86 ирландских националистов), «воздержалось» – 10 либералов. Чуть позже земельный билль также не получил поддержки⁴.

Лидер либералов, для которого гомруль стал вопросом личного морального порядка, решил распустить парламент и апеллировать к стране. 25 июня было объявлено о роспуске парламента и проведении выборов в июле. Заметим, Солсбери предпринял весьма необычный ход: он пообещал Хартингтону и Чемберлену, что его партия будет содействовать либерал-юнионистским кандидатам. Уже с конца июня Солсбери потребовал от местных консервативных организаций не выдвигать своих кандидатов в тех округах, где таковые будут от либерал-юнионистов⁵.

Итоги парламентских выборов зафиксировали блестящую победу консерваторов и их союзников. В палату общин прошли 317 консерваторов, 77 либерал-юнионистов, 191 либерал-гладстонианцев, 85 ирландских националистов.

Таким образом, для абсолютного большинства консерваторам не хватило 19 мест⁶.

Любопытно, что консервативная и либерал-юнионистская фракции выступили одинаково против создания коалиционного кабинета, правда, по разным причинам. Один из видных членов либерал-юнионистской фракции граф Дерби выразил общее мнение своей фракции сказав, что сильно сомневается в бескорыстии Солсбери и, соответственно, создание коалиции может стать роковой ошибкой⁷.

Консерваторы руководствовались другими мотивами: альянс с либерал-юнионистами был вынужденным шагом в обстоятельствах «большого ирландского кризиса», а создание коалиционного правительства станет осложняющим фактором, и поэтому резонно ли создавать себе трудности, которых и так можно избежать? В стенах Карлтон-клуба (консервативный клуб, где традиционно собирались ведущие политики) говорили, что коалиция вообще не присуща британской конституционно-политической системе⁸.

У Солсбери на сей счет были иные соображения. Он опасался, что в случае воссоединения либералов, позиции чисто консервативного правительства могут быть сильно ослаблены. По его мнению, и поддержка либерал-юнионистов на выборах, и введение их в состав правительства способствуют дальнейшему расколу противников. 20 июля Солсбери рекомендовал на пост премьер-министра кандидатуру Хартингтона (сам же был готов довольствоваться постом министра иностранных дел). Однако Хартингтон отказался⁹.

Контролируя ситуацию, королева продолжала настаивать на создании коалиционного кабинета. 24 июля Солсбери вновь обратился к Хартингтону с тем же предложением, но вновь получил отказ. В качестве причины Хартингтон назвал то, что за ним идет лишь часть либерал-юнионистов, и в худшем случае другая часть могла вернуться к Гладстону. Под «другой» имелась ввиду группировка Чемберлена, которого недолюбливал Солсбери. Поэтому вхождение Чемберлена в правительство даже не обсуждалось (правда, с начала 1890-х гг. антипатия Солсбери сошла на нет). Вместе с тем Хартингтон еще раз подтвердил решение либерал-юнионистов оказывать «независимую, но дружественную поддержку» консервативному правительству¹⁰.

В декабре 1886 г. ввиду ухода из кабинета Черчилля и кадровых перестановок Солсбери вновь обратился к либералам-юнионистам с предложением войти в состав правительства. Более того, 26 декабря маркиз еще раз предложил Хартингтону пост премьера (сам был готов переместиться в Форин офис). Хартингтон согласился рассмотреть вопрос, но при условии, что торийские министры первоначально подтвердят свое желание работать в коалиционном правительстве общей отставкой. Он предвидел, что министры не пойдут на это. В любом случае очередной отказ Хартингтона не вызвал разочарования Солсбери. Вероятно, маркизу импонировала перспектива руководить администрацией, которая была готова подчиняться ему практически полностью¹¹.

Исключая свое участие, Хартингтон предложил Солсбери рассмотреть кандидатуру Гошена на место министра финансов. Это важно в том плане, что наконец-то либерал-юнионисты начали на деле подтверждать обещанную под-

держку. Согласие Гошена вызвало бурную реакцию почти всегда хладнокровного Солсбери: «Мы выудили нашу рыбу!»¹².

Принципиально важно отметить, что альянс являлся относительным: либерал-юнионисты сохраняли свою фракционную обособленность на протяжении всего рассматриваемого периода (1886–1892 гг.), продолжая сидеть на скамьях рядом со сторонниками Гладстона, и практически по всем вопросам оставались верными либеральной идеологии. Главное, что связывало союзников, это бескомпромиссное сопротивление гомрулю.

Вызывает интерес вопрос, какой характер имел этот союз – преимущественно консервативный или либерал-юнионистский? На наш взгляд, – консервативный. Исходя из вышеизложенного, нетрудно заметить, что инициатива формирования альянса принадлежала консервативному руководству. Кроме обладания этой инициативой, тори удалось сразу утвердить свое лидерство в нем. Уход из торийского правительства одного из самых активных участников создания альянса министра финансов Р. Черчилля не уменьшил, а скорее, наоборот, увеличил господствующие позиции Солсбери и консервативной партии в этом союзе. Еще более четкие контуры альянс приобрел после того, как в декабре 1886 г. Хартингтон отказался от поста премьер-министра коалиционного кабинета. Его отказ окончательно заменил идеологически аморфный характер альянса консервативным. Кроме того, лишь после вхождения либерал-юниониста Гошена в консервативную администрацию можно говорить, что альянс стал функционировать де-факто.

Таким образом, можно резюмировать следующее. Во-первых, юнионистский альянс изменил традиционную работу двухпартийного механизма вплоть до начала XX в. Альянс нельзя назвать абсолютным – главным связующим звеном был антигомруль. Лидерство в альянсе принадлежало консерваторам.

Во-вторых, изучение научного материала позволяет нам опровергнуть тезис, получивший распространение в отечественной дореволюционной публицистике, английских учебных пособиях, работах ряда английских историков, что законодательные инициативы правительства Солсбери в 1886–1892 гг. вырабатывались исключительно в ответ на давление со стороны либерал-юнионистов, главным образом Чемберлена. На наш взгляд, это односторонний подход.

Конечно, торийскому кабинету приходилось предпринимать в своей деятельности определенные действия, идущие дальше запланированного из-за необходимости сохранять поддержку либерал-юнионистов в палате общин. Не могли консервативные министры и проигнорировать настойчивые предложения Чемберлена хотя бы потому, что он весьма часто и активно защищал кабинет Солсбери от нападков своих бывших товарищей. Несмотря на это, у тори было твердое убеждение в своем лидерстве.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что численность консерваторов в палате общин была гораздо больше, чем либерал-юнионистов. Если проанализировать поступившие в указанный период законодательные инициативы, то нетрудно заметить, что основной их поток исходил от членов консервативной партии.

- ¹ The Times. 1886. Mar. 17.
- ² Hansard's Parliamentary Debates. 3-rd ser. Vol. 304. С. 1037.
- ³ Ibid. Vol. 306. С. 631.
- ⁴ Ibid. С. 1171–1183.
- ⁵ The Annual Register for 1886. L., 1887. P. 231–239.
- ⁶ British General Elections Results, 1885–1918. L., 1974. P. 580.
- ⁷ *Cooke A. B., Vincent J. R.* The Governing Passion: Cabinet Government and Party Politics in Britain, 1885–1886. N. Y., 1974. P. 439.
- ⁸ *Curtis L. P.* Coercion and Conciliate in Ireland, 1880–1892: A Study in Conservative Unionism. Princeton, 1963. P. 112.
- ⁹ *Taylor R.* Lord Salisbury. L., 1975. P. 107.
- ¹⁰ *Торопова С. Ю.* Британские либералы в конце 1880-х – начале 1900-х годов: кризис и путь к возрождению партии. Ярославль, 2002. С. 22.
- ¹¹ *Balfour, Lady Frances.* Ne Obliviscaris. Vol. 2. L., 1930. P. 76.
- ¹² Цит. по: *Науменков О. А.* Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах. СПб., 2004. С. 201.

Ипатов Алексей Михайлович
Воронежский государственный педагогический университет

БЫЛ ЛИ О. ФОН БИСМАРК ПАНГЕРМАНИСТОМ?

В результате франко-прусской войны 1870–1871 гг. в центре Европы возникло новое мощное государственное образование – Германская империя. Ее характерной особенностью было слаборазвитое национальное сознание граждан, так как еще за пару лет до объединения страны «железом и кровью» под эгидой Гогенцоллернов каждый немец воспринимал себя как пруссак, баварец, саксонец, гессенец и т. д. Естественно, перед руководством новой державы встала задача – объединить разношерстный конгломерат германских народов в единую нацию, что было крайне необходимо для нормального функционирования государства. Это отмечает и профессор Берлинского свободного университета Х. Шульце: «Внутренняя консолидация рейха, т. е. национальное примирение между различными группами, представляла собой важнейшую внутривнутриполитическую проблему Германской империи. Механизм господства Бисмарка был направлен на решение этой проблемы с помощью сегрегации и объявления “врагами империи” значительных групп населения, не поддававшихся интеграции в соответствии с установками монархического авторитарного государства»¹.

Очевидно, что одними силовыми методами проблему национальной консолидации было не решить, поэтому нет ничего удивительного в том, что в новой империи начинается мощный подъем национального движения «снизу», активно поддерживаемый властями. В итоге это приводит уже к концу 70-х – началу 80-х гг. XIX в. к мощному всплеску национализма. Одновременно аналогичный процесс происходил и в Австрии, где в этот период времени появляется реакционная, крайне шовинистическая политическая доктрина – пангерманизм. Оторванные от остального немецкого мира государственными грани-

цами, австрийские немцы, недовольные своим положением в дуалистической монархии и мечтавшие о воссоединении со своими кровными братьями из Германской империи, развернули активную идеологическую кампанию по консолидации всех немецкоязычных сил и по созданию в центре Европейского континента Срединного государства. Само собой, это доктрина не могла оставить равнодушными и немцев Рейха Гогенцоллернов. И в этой связи крайне любопытно исследовать отношение имперского канцлера Отто фон Бисмарка к феномену пангерманизма.

«Железный канцлер», добившись объединения Германии «сверху», прекрасно понимал, что великие державы не позволят немцам осуществить новые территориальные приобретения. Более того, он всю оставшуюся жизнь опасался того, что не удастся удержать достигнутое шаткое единство. Поэтому логично предположить, что он должен был приветствовать пангерманское движение. В действительности все было гораздо сложнее. Рассмотрим для начала отношение Бисмарка к австрийскому пангерманизму.

Советская исследовательница Н. Д. Ратнер раскрывает сущность этой политической доктрины: «С помощью силы, объединив Германию и создав свое “великое немецкое” государство, подавить освободительное движение угнетенных народов, прежде всего славянских, утвердить гегемонию объединенного немецкого государства в центре Европы, увеличивать его территорию, присоединяя уже другие ненемецкие области»².

Главным вдохновителем пангерманских идей в Австрии принято считать Георга фон Шенерера, для которого «железный канцлер» являлся образцовым государственным деятелем; однако известно, что австрийские пангерманисты не находили ответной любви у своего идола Бисмарка, политику которого они прославляли, но не совсем правильно понимали, так как он существование Дунайской монархии считал необходимым условием для безопасности Германии и для немецкого влияния в Юго-Восточной и Центральной Европе³. Таким образом, можно заметить, что для главы правительства Германской империи пангерманское движение в соседней Австрии представлялось крайне нежелательным, так как его лидеры мечтали об объединении с Рейхом Гогенцоллернов, чего вовсе не желал сам Бисмарк, для которого было крайне важно сохранить гегемонию Пруссии внутри страны. Поэтому он всячески избегал встречи с австрийскими пангерманистами и воздерживался от упоминаний о них в печати. Институционально пангерманское движение оформилось во Всеобщий немецкий (с 1894 г. – Пангерманский) союз в 1891 г., уже после отставки Бисмарка. Из работы современного немецкого ученого О. Данна «Нации и национализм в Германии, 1770–1990» нам известно, что уже в 70-х гг. XIX в. начинают появляться различные националистические объединения в Германской империи, основными лозунгами которых являлись антисемитизм, стремление к образованию государства, которое объединило бы все немецкие народы, а также призывы к активной внешней политике. Размышляя о Пангерманском союзе, исследователь подчеркивает, что «этот союз претендовал на статус нового “национального общественного объединения”», но в своей деятельности ориентиро-

вался не только на нацию рейха, но включал в ее сферу всю «совокупность немецкого народа», понимая ее как «расовую и культурную общность»⁴.

Некоторую информацию мы можем почерпнуть из воспоминаний Б. Бюлова⁵, рейхсканцлера Германии в 1900–1909 гг. Он утверждает, что проводил политику, которая во многом являлась продолжением политических традиций Отто фон Бисмарка. Следовательно, пангерманское движение, вызывавшее определенные симпатии Бюлова, должно было вызывать симпатию и у Бисмарка. Однако учтем, что в мемуарах Бюлов нередко критикует «железного канцлера» за то, что после 1871 г. политика Германской империи состояла «лишь» в удержании достигнутого единства, хотя национальные интересы требовали расширения территории страны. Таким образом, у нас нет веских оснований доверять воспоминаниям Бюлова.

В историографии не сложилось единой точки зрения на проблему взаимоотношения Бисмарка и пангерманистов. В частности, О. Данн утверждает, что почитатели политического гения «железного канцлера» «как правило, не замечают, какая большая доля ответственности за распространение национализма в Германии лежит на совести стареющего Бисмарка»⁶. Тем не менее, не будем забывать, что одним из важнейших лозунгов пангерманистов был антисемитизм, в котором первого канцлера Германской империи нельзя обвинять никак, потому что он всячески способствовал тому, чтобы привлечь талантливых евреев к управлению государством, к тому же он свои финансовые дела доверил вести еврею Г. Блейхредеру.

Как известно, пангерманисты мечтали о расширении территории Германской империи и ратовали за активную внешнюю политику, включая и присоединение новых колоний. В начале XX в. мысль о создании мощного немецкого государства в Европе была изложена в работе одного из лидеров пангерманского движения Ф. Наумана под названием «Срединная Европа». Но нам известно, что «железный канцлер» был очень недоволен тем, что Мольтке, уходя в отставку, своим преемником на посту начальника генерального штаба назначил Вальдерзее, известного своей симпатией к Вильгельму II и агрессивными милитаристскими планами. Вальдерзее принадлежал к тому лагерю, который был недоволен Бисмарком, считая, что его внешняя политика носит недостаточно агрессивный характер⁶. Действительно, после объединения Германии ее первый канцлер предпочитал не ввязываться ни в какие конфликты, более того испытывал перед ними панический страх, особенно его пугала перспектива войны на два фронта. В то же время в генштабе Рейха уже со времен Мольтке разрабатывались планы ведения борьбы против Франции и России одновременно, что особенно отчетливо проявилось при Вильгельме II с его идеями «мировой политики».

Многие сторонники точки зрения о безусловной поддержке Бисмарком пангерманской идеологии указывают на факт дружбы «железного канцлера» со знаменитым историком, членом национал-либеральной партии Генрихом фон Трейчке, который был известен как сторонник пангерманских идей. Однако, на мой взгляд, их больше сближали консервативные убеждения и то, что Трейчке был одним из самых активных проповедников «малогерманского» пути объединения страны, которое «железный канцлер осуществил на практике. Следо-

вательно, здесь правомерно говорить о симпатиях Бисмарка к Трейчке, прежде всего, как к прусскому консерватору и стороннику гегемонии Пруссии в немецком Мире.

Наконец, после создания Пангерманского союза его руководители (Карл Петерс, Альфред Гугенберг, Эрнст Хассэ и др.), прославляя войну, требовали милитаризации страны, строительства мощного военно-морского флота, значительного увеличения сухопутных войск. Мы же прекрасно знаем, что «железный канцлер», требуя увеличения численности немецкой армии, думал, прежде всего, о том, чтобы хватило сил сдерживать оборону в случае ведения войны на два фронта. Как пишет А. С. Ерусалимский, «Максимилиан Гарден, известный и влиятельный публицист, опубликовал интервью с Бисмарком, который высказался против линейного флота, против чрезмерного увлечения колониальной политикой и вообще против “фантастических планов”»⁸.

Резюмируя вышесказанное, я смею предположить, что «железный канцлер», который бесспорно являлся прусским националистом, тем не менее, старался сдерживать развитие пангерманских идей, так как они грозили существованию Германской империи в том виде, в каком она была создана Бисмарком. И, признавая факт его дружбы с некоторыми членами Пангерманского союза, я рискну все же предположить, что она объяснялась по большей части совпадением взглядов на проблему объединения Германии и ее государственное устройство.

¹ Шульце Х. Краткая история Германии. М., 2004. С. 115.

² Ратнер Н. Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX века. М., 1970. С.17.

³ Там же. С. 57.

⁴ Данн О. Нации и национализм в Германии, 1770–1990. СПб., 2003. С. 196.

⁵ Бюлов Б. Воспоминания. М.; Л., 1935.

⁶ Данн О. Указ. соч. С. 199.

⁷ Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951. С. 68.

⁸ Там же. С. 132.

Каменских Михаил Сергеевич
*Пермский филиал Института истории и археологии
Уральского отделения Российской Академии наук*

ГЕРОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА УРАЛЕ ЖЕН ФУЧЕН: КРАСНЫЙ КОМАНДИР И НАСТОЯЩИЙ КИТАЕЦ¹

В 1988 г., в период расцвета советско-китайской дружбы, в СССР были приглашены китайцы Жен Дунлян и его сын Жен Гунвэй. После торжественного приема в Москве делегаты направились в Свердловскую область, на станцию Выя. Здесь был похоронен отец Жен Дунляна и дед Жен Дунвэя – герой Граж-

данской войны, бывший сотрудник Харбинского консульства Жен Фучен. В советской историографии погибший в бою за советскую власть Жен Фучен стоит в ряду наиболее видных руководителей интернациональных бригад в составе Красной Армии. Родственников великого героя, да еще и китайца, в 1988 г. встречали и провожали с почестями². Мало кто помнил, что в период Первой мировой войны Жен Фучен следил за порядком в среде рабочих китайцев, трудившихся на заводах Урала, а в 1916 г. даже помог властям Пермской губернии подавить крупный бунт китайских рабочих на Алапаевском заводе.

Жен Фучен был неординарной личностью и его жизненный путь заслуживает отдельного исследования. Что известно о Жен Фучене? Исследователь В. А. Данилов в своей монографии пишет, что Жен Фучен пользовался у соотечественников большим авторитетом и еще до Октябрьской революции установил связи в Алапаевске с большевиком местной организации РСДРП(б) – С. А. Павловым. В начале 1918 г. он вступил в ряды большевиков. «Он ведет большую пропагандистскую работу среди китайских рабочих и переводит на китайский язык революционную литературу», – пишет В. А. Данилов. По его сведениям, весной 1918 г. в отряде Жен Фучена было уже до 800 человек³. Д. Поляков сообщает о Жен Фучене следующее: «Он принадлежал к привилегированным слоям общества, имел прекрасное образование. Владел английским, японским, корейским языками. По-русски писал и говорил в совершенстве»⁴. Исследователь утверждает, что китаец в годы Первой мировой «сочувствовал» большевикам и ждал революции.

О личности Жен Фучена упоминает в своем рассказе А. Селенгин. В своих воспоминаниях он повествует о том, что Жен Фучен еще до революции был представителем китайских рабочих на Алапаевском заводе: «Главным над нами, уполномоченным от китайской и русской буржуазии, был военный человек по имени Жен Фучен. Он поселился со своей семьей в доме моего отца по улице Рукуйской, ныне Володарского»⁵.

Тем не менее, не публиковавшиеся ранее документы Государственного архива Пермского края (ГАПК) позволяют сделать вывод, что до 1917 г. Жен Фучен отнюдь не был сторонником защиты прав китайцев. Наоборот, он был одним из самых жестоких подрядчиков, руководивших китайцами. Например, во время Алапаевского восстания, одного из крупнейших в царской России, Жен Фучен помогал своими советами русским стражникам, указывая на организаторов восстания. А началось оно с того, что Жен Фучен отправил в тюрьму «представителя рабочих» Ли Олиня. В отчете Верхотурского уездного исправника об этом бунте говорится: «Днем 26 мая толпа китайцев, вооруженная топорами и палками, встречала все поезда, прибывшие на 45 версту (здесь проходило восстание – М. К.) и справлялась у поездной бригады, не приехал ли с ними Жен Фучен, которого очевидно хотели побить, будучи на него озлоблены»⁶. Китайцам пообещали разобраться в конфликте и вернуть Ли Олиня. В результате они стали медленно расходиться, но когда пристав Иван Буров, прибывший для переговоров, направился к поезду, он заметил, что они вновь стали собираться. Жен Фучен, который в это время сидел в поезде и не показывался китайцам, посоветовал приставу арестовать главарей собрания, иначе толпа не ра-

зойдется. Он был прав, через несколько минут начались серьезные беспорядки, которые Буров с его охраной уже не могли остановить. Необходимо отметить в данном случае и положение Жен Фучена, которого в первую очередь и хотели схватить китайцы. Как следует из отчета Верхотурского уездного исправника, «захватив Бурова и Женина, толпа китайцев стала обыскивать оба паровоза, разыскивая Жен Фучена, причем угрожая поездной бригаде, требовала выдачи такового, а также и стражников, но Жен Фучен успел скрыться в лес и остался невредим, между тем все озлобление китайцев было исключительно против него за увольнение Ли Олиня»⁷. Позднее, 14 июня 1916 г., когда бунт был подавлен, а его зачинщики арестованы, прокурор екатеринбургского уездного суда писал, что на «необходимости применять к китайцам меры физического воздействия для прекращения их волнений и отказов от работы всегда настаивал доверенный подрядчика Хо Готюня, от которого китайцы работали, бывший офицер китайской службы Жен Фучен»⁸.

После революции Жен Фучен неожиданно становится большевиком и начинает собирать вокруг себя китайцев, желающих добровольно вступить в Красную Армию. Вот как описывает А. Селенгин процесс «назначения» Жен Фучена командующим: «Однажды уездный комитет партии созвал китайцев на митинг... На том митинге присутствовал Жен Фучен. Китайцы просили его быть их командиром, и он согласился»⁹. Здесь можно предположить, что для китайцев классовый подход во время Гражданской войны не играл первостепенной роли при определении врагов или союзников. «Подавляющее число китайцев не интересовались политикой, – пишет в своей монографии А. Г. Ларин, – и занято было заботой о хлебе насущном, а для рабочих, завезенных в Россию во время Первой мировой войны, заветной мечтой было вернуться домой. Такие люди шли в солдаты под давлением обстоятельств, просто чтобы не погибнуть от голода и холода в чужой стране»¹⁰.

Скорее, для китайцев на первом месте был принцип национальной принадлежности. Известен эпизод, когда китайцы, воевавшие на стороне белых, повстречавшись с численно превосходящими их соотечественниками, перешли на их сторону и продолжили воевать уже в Красной Армии¹¹. Поэтому они и выбрали себе в руководители не самого «красного», а самого уважаемого с позиции силы китайца.

В конце 1918 г. после боев под Верхотурьем алапаевский батальон Жен Фучена был соединен с знаменитым 1-м крестьянским коммунистическим полком «Красных орлов»¹². Немного позже туда же вошел Пермский батальон Ли Ханчина. Созданным в результате этого объединения 225-м китайским интернациональным полком командовал снова Жен Фучен¹³.

Обновленный китайский отряд сражался в течение всей осени 1918 г. в районе пунктов Нижний Тагил, Бараничи, Лая, Салды и Выя, где в кровопролитных боях потерял большую часть своего состава, в том числе и командира. Бой под станцией Выя – самая яркая страница участия китайских отрядов в Гражданской войне на Восточном фронте. Как известно, на исходе 1918 г. адмирал Колчак развернул крупное наступление на северном участке Восточного фронта, стремясь прорваться через Пермь и Вятку к Котласу на соединение с

шедшими с севера войсками интервентов. Главные удары наносились на станцию Выя и деревни Салды и Лая (совр. Свердловская область). Когда полки белогвардейцев начали ожесточенные бои на подступах к станции Выя, туда были отправлены и китайцы. Жен Фучен командовал левым боевым участком¹⁴. После ожесточенных боев белогвардейцам удалось окружить китайский, а также 17-й Петроградский и перешедший им на помощь 1-й Камышловский полки. В Китайском полку из боя вышли 62 человека. Погиб Жен Фучен¹⁵. По сведениям К. Морзо-Морозова до 300 китайцев попали в плен, многие из них были расстреляны, а часть белогвардейцы раздели и в товарном вагоне при 35 градусах мороза отправили в тюменскую тюрьму¹⁶. В дальнейшем под давлением белых красные войска на этом участке отошли на запад. Газета «Коммунар» в декабре 1918 г. вышла с некрологом на смерть Жен Фучена: «Как честный солдат мировой революции он своей жизнью запечатлел свою преданность великому делу»¹⁷.

Таким образом, мы видим, что китаец Жен Фучен был героем для своих соотечественников как до войны, так и после. Он подавлял китайские мятежи в годы Первой мировой войны и командовал подразделениями китайцев в годы Гражданской. Что удивительно, в обоих случаях китайцы доверили ему свою судьбу. Этот факт многое говорит как об участии интернациональных бригад китайцев в Гражданской войне, так, возможно, и о сущности самого интернационального движения.

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант 09-01-82104 а/у.

² Сын героя, внук героя // Неделя. 1988. № 44. С. 4.

³ Данилов В. А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972. С. 61.

⁴ Поляков В. Жен Фучен – командир китайского полка // Советская Россия. 13 апреля. С. 4.

⁵ Селенгин А. Дружба, скрепленная кровью // Урал. 1958. № 2. С. 111.

⁶ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159. Л. 10.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 26.

⁹ Селенгин А. Указ. соч. С. 113.

¹⁰ Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 82.

¹¹ Сообщение газеты «Коммунар» о переходе китайских солдат на сторону советских войск, № 59, 18 декабря 1918 г. // Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Ред. Г. В. Шумилов. М., 1957. С. 361.

¹² По сведениям красного командира Ф. И. Голикова, отряд Жен Фучена в этот период имел не более 50 человек, но к октябрю 1918 г. вырос до 250. См.: Голиков Ф. И. Красные Орлы (из дневников 1918–1920 гг.). М., 1959. С. 77.

¹³ Морзо-Морозов К. А. Интернациональные части Красной армии на Урале в 1918–1919 гг. // На фронте и в тылу. М., 1959. С. 55.

¹⁴ Из приказа 3-й стрелковой бригаде о назначении командира китайского полка Жен Фучена начальником левого боевого участка и переводе рот полка в резерв на станцию Выя-Павдинская // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию. (1918–1922). М., 1961. С. 165.

¹⁵ Попов Н. А. Китайские пролетарии в гражданской войне // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию. С. 24.

¹⁶ Морзо-Морозов К. А. Указ. соч. С. 50.

¹⁷ О гибели командира китайского полка Жен Фучена // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию. С. 166–167.

**«МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ»:
ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ
ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА**

До вступления в «фашистскую эру» итальянская внешняя политика базировалась на традициях европейской дипломатии и проводилась традиционными методами. Либеральная Италия преследовала цель ограниченной экспансии в рамках европейского баланса сил и в целом подчинялась его правилам. Муссолини же, в свою очередь, заменив традиционную итальянскую внешнюю политику «динамизмом» и культом войны, умышленно игнорировал рамки существующего международного положения и, более того, стремился к его пересмотру. К моменту прихода к власти Муссолини имел выработанную внешнеполитическую доктрину, которая существенно отличалась от принципов традиционной итальянской дипломатии.

Уже первые «фаши» – союзы, организованные Муссолини в 1915 г., создавались с целью добиться вступления Италии в Первую мировую войну¹ и, таким образом, включения ее в передел Европы и мира. Однако, по свидетельству самого Муссолини, в то время он «в мыслях не имел никакого конкретного доктринального плана». Существовал лишь «ряд положений, предвосхищений, намеков, которые впоследствии... должны были развиваться в ряд доктринальных установок»².

Толчок к развитию и более четкому оформлению идей фашизма (в том числе и относительно внешней политики) дало окончание Первой мировой войны. Война привела итальянское общество в состояние тяжелейшего экономического, социального и политического кризиса, тогда как компенсация за участие Италии в войне в виде некоторых территориальных приращений казалась ничтожной. На Парижской мирной конференции представители Италии полагали, что послевоенный территориальный передел будет происходить на основе Лондонского договора, заключенного в 1915 г. с Великобританией, Францией и Россией. Однако довольно большие территориальные притязания Италии, зафиксированные там, натолкнулись на противодействие Великобритании, Франции, США и Сербии, которая являлась одним из ведущих государств в составе только что образованного Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. Учитывая также относительно скромный вклад Италии в победу, на Парижской конференции с ней считались мало. И хотя страна получила значительные территориальные приращения, условия Лондонского договора были выполнены далеко не все.

Итальянское правительство после длительных колебаний и сильного сопротивления вынуждено было согласиться с этими условиями. В Италии возмущенно реагировали на такое решение союзников и на предполагаемую нестойкость итальянского правительства. Об Италии все чаще говорили как о

«побежденной в лагере победителей». В итальянском обществе укрепилось представление об «украденной победе», с которой итальянские националисты атаковали союзников и собственное правительство³. Получили распространение реваншистские настроения.

В этих условиях Муссолини основывает новую организацию, получившую название «Фашо ди комбаттименто» («Союз фашистских боевых отрядов»). Датой ее образования считается 23 марта 1919 г., когда в Милане на площади Сан-Сеполькро состоялся первый слет фашистских боевых отрядов («фаши»). Здесь же была провозглашена и программа нового политического движения, получившая название «Программа Сан-Сеполькро».

Основой идеологии фашистского движения в данной программе стал реваншизм. В «Первой декларации» программы говорилось о Первой мировой войне, ее итогах для Италии, героях и жертвах. Муссолини апеллировал прежде всего к бывшим фронтовикам, поддерживая их требования, но в то же время резко отмежевывался от фронтовых организаций различного типа. Становилось понятно, что собрание на площади Сан-Сеполькро положило начало принципиально новому политическому движению.

«Вторая декларация» была полностью посвящена внешнеполитической доктрине нового движения. «Встреча 23 марта, – говорилось в ней, – выступает против империализма других народов в ущерб Италии, а также против возможного империализма Италии в ущерб другим народам. Мы принимаем верховный постулат Лиги Наций, который предполагает интеграцию наций; интеграцию, которая в отношении Италии должна быть реализована в Альпах и на Адриатике путем требования и аннексии Фиуме и Далмации». Наряду с совершенно конкретными ближайшими внешнеполитическими целями в программе были заложены и общие основы внешнеполитической доктрины фашизма: «Империализм есть основа жизни для любого народа, который имеет тенденцию к расширению экономическому и духовному. <...> Мы хотим своего места под солнцем, поскольку имеем на это право». Содержалось в программе и указание на конкретную направленность будущей внешней политики фашизма: «В этом вопросе на повестке подтверждаю “постулат Лиги Наций”. В конце концов, он наш, но мы понимаем: если Лига Наций должна стать торжественным надувательством со стороны богатых наций в отношении пролетарских наций с целью закрепить и увековечить существующие условия мирового баланса сил, посмотрим друг другу в глаза. Я прекрасно понимаю, что нации, достигшие своей цели, могут стабилизировать существующие условия как гарантию своего изобилия и доминирующих позиций. Но это не идеализм; это выгода и интерес»⁴.

В программе Сан-Сеполькро уже содержались главные положения фашистской внешнеполитической доктрины: идеи империализма, территориальной экспансии и завоевания колоний. Как часть этой программы и ближайшая цель рассматривалась «законная» экспансия Италии в Альпах и на Адриатике. Цели и принципы фашистской внешней политики, таким образом, являются абсолютно отличными от традиционной роли Италии в системе международных отношений. В то же время уже в первой программе фашистов прослеживалась некая двойственность их внешней политики: с одной стороны – подтверждение

постулатов Лиги Наций и стремление действовать в согласии с этим международным институтом и, значит, с ведущими европейскими державами (прежде всего, с Великобританией и Францией); с другой стороны – уже здесь наблюдается противопоставление «богатых наций», то есть крупнейших европейских государств, определяющих тогдашнюю международную политику, и «пролетарских наций», которые являются «обделенными». При этом Италия негласно отнесена к последним. Впоследствии, уже при осуществлении фашистской внешней политики, эта двойственность будет выражена еще сильнее.

Из программы Сан-Сеполькро также видно, что внешней политике придавалось решающее значение. Приоритет внешней политики в программе фашистов подчеркивал, в частности, тот факт, что внешнеполитические требования в ней были помещены отдельной «Декларацией» перед экономическими и социальными требованиями.

Внешнеполитическая программа фашизма получила свое дальнейшее развитие и оформление в последующих документах фашистов. Так, в «Манифесте Союза фашистских боевых отрядов» (“Fasci italiani di combattimento”), опубликованном 6 июня 1919 г. в фашистской газете «Иль Пополо д’Италия», среди требований фашистов значилось: «Национальная внешняя политика, направленная на возвышение, в ходе мирного соперничества цивилизаций, итальянской нации в мире»⁵. Подобные требования фигурировали и в предвыборной программе фашистов осенью 1919 г.: «В настоящее время мы превозносим высочайшую Итальянскую Победу и священные права, отмеченные на нашем море от Фиуме до Спалато. <...> Мы хотим, чтобы посредством политических и экономических средств, соответствующих новым временам, Итальянский Народ... был творцом своего величия в мире»⁶.

В 1919 г. фашизм не представлял еще реальной политической силы. Однако в течение нескольких последующих лет фашистское движение значительно расширилось и укрепилось. Более четко обозначились и главные идеи фашистской доктрины, в первую очередь внешнеполитической. Так, в предвыборной программе 1921 г. в пунктах, касающихся внешней политики, вместо фраз самого общего характера о возвышении итальянской нации фигурировали вполне прагматические идеи. В значительной степени именно на их основе строились в дальнейшем отношения фашистской Италии с другими европейскими государствами в первые годы режима. Подтверждая все прежние постулаты, «Манифест» 1921 г. провозглашал мирную экспансию Италии в Средиземноморье и за его пределами. «[Наши] цели..., – говорилось в программе, – будут достигнуты посредством пересмотра некоторых мирных договоров и установления дружественных отношений со всеми государствами. Фашизм торжественно напоминает... что внешнеполитическая автономия невозможна, пока сохраняется экономическая зависимость Италии от стран, снабжающих нас важнейшим сырьем: отсюда первая необходимость – максимально возможно развивать производственные силы Нации»⁷. Таким образом, внешнеполитическая доктрина итальянского фашизма была полностью оформлена еще до прихода фашистов к власти (1922 г.). Основу ее составили идеи передела мира, колониальной экспансии Италии и образования империи. При реализации этих главных целей

допускалась вполне оппортунистская внешняя политика: на первое место выдвигалась ближайшая выгода государственного режима. Стремясь реально оценивать ситуацию, Муссолини видел первоочередные внешнеполитические задачи Италии в мирном сотрудничестве с другими европейскими государствами и пересмотре существующих договоров исключительно мирным путем. Это давало возможность укрепить экономику и вооруженные силы Италии (в том числе за счет импорта) и служило средством для реализации главных внешнеполитических целей итальянского фашизма.

¹ Комолова Н. М. Новейшая история Италии. М., 1970. С. 44.

² Муссолини Б. Доктрина фашизма. [<http://www.ruslib.com/POLITOLOG/MUSSOLINI/mussol.txt>]

³ Винперман В. Европейский фашизм в сравнении, 1922–1982. Новосибирск, 2000. С. 24.

⁴ Programma di San-Sepolcro // Il Popolo d'Italia. 24.III.1919.

⁵ Manifesto dei Fasci italiani di combattimento // Il Popolo d'Italia. 6.VI.1919.

⁶ Il manifesto fascista per le elezioni politiche del 1919. Цит. по: Rumi G. L'imperialismo fascista. Milano, 1974. P. 103.

⁷ Ibid. P. 103–104.

Кружалина Анастасия Алексеевна
Иркутский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ АЛЕКСАНДРА III

История – непрерывный процесс движения вперед; бурное сплетение событий, личностей, эпох. В исторической науке до сих пор ведутся споры о влиянии отдельных личностей на развитие конкретного государства. В лексиконе историков стали «крылатыми» такие фразы, как «серый кардинал», «тайный правитель», «вице-император» и т. п. применительно к характеристике личностей, оказавших существенное влияние на ход истории, но при этом не занимавших верховных постов в государстве. Российская история знает немало таких имен, споры о влиянии и величии которых продолжаются до сих пор: А. Д. Меншиков, Г. А. Потемкин, А. А. Аракчеев, К. П. Победоносцев, Г. Е. Распутин и т. п.

В контексте данного исследования важно изучить роль К. П. Победоносцева и его влияние на конкретные политические действия и решения Александра III. Главным подтверждением подлинности данного влияния будет уместным считать материалы переписки Победоносцева, а также воспоминания современников и прежде всего лиц из близкого окружения.

Внешний портрет и роль Константина Петровича в политике Империи ярко отображает в своих воспоминаниях один из руководителей «Охранки» П. П. Заварзин: «Ему было лет 60. Высокого роста, худой, с вытянутой шеей,

бритый, в больших круглых очках; по непринужденно уверенной манере держать себя... недурно было узнать обер-прокурора святейшего Синода, *всесильного тогда Победоносцева*»¹.

В дневнике Александра Половцова мы находим следующую характеристику К. П.: «По своему обыкновению Победоносцев хнычет и сетует обо всем»², «невыносимо ограничен во взглядах и фанатичен»³, «весьма гибкою, подчас ироническою, но в общем тоне согласительною речью настаивал...»⁴.

Однако как современники, так и потомки дают разную оценку личности К. П. Победоносцева. Так С. Л. Фирсов считает, что «трудно определить грань, отделяющую Победоносцева-консерватора от Победоносцева-реакционера; также, пожалуй, трудно, как и определить «истоки» этой «реакционности... Его “реакционность” – прямое следствие страха перед революцией, с призраком которой он всю жизнь боролся...»⁵.

Н. А. Бердяев утверждал, что «нигилистическая сторона официального христианства ярко сказалась в Победоносцеве... Он поклонник простоты, боится сложности, проповедует смиренное довольство малыми делами... он в своем роде позитивист и утилитарист, верит лишь в безличные учреждения»⁶.

Б. Б. Глинский ярко изображает портрет К. П.: «В его сухой, худой фигуре, в пергаменте выбритого лица, в глазах, бесстрастно глядевших на вас... было что-то удивительно напоминавшее немецкого ученого... Несравненна была его устная речь: мягкая, образная, приятно-насмешливая и добродушно-ворчливая. Он говорил тем хорошим, чисто-русским народным языком, каким теперь почти не умеют говорить...»⁷.

Неоспорим тот факт, что окружение влияет на формирование и развитие личности. В условиях царской России и с учетом особенностей и правил воспитания цесаревича это влияние ощущается особенно остро. Юношеская связь Александра Александровича с его наставником не утратила своей силы и после вступления воспитанника на престол. Однако теперь наставник получает возможность активного участия в политике императора и непосредственного контроля над ней, особенно по вопросам вероисповедания, образования и национальной политики. В подтверждение этого считаю возможным процитировать Н. Н. Фирсова, который считал, что Победоносцев «сразу взял довольно властный тон политического ментора, как бы поставив себя неизмеримо выше по пониманию того, к кому он обращал свои советы, и при этом, по-видимому, остался при убеждении, что ответом ему будет лишь царская признательность, ибо, де, он стоит на страже только царских интересов»⁸.

Характеризуя политику Александра III и ее идеологическую основу, не стоит забывать, что К. П. был консерватором, и это оказывало сильное влияние на взгляды нового императора. Однако это отнюдь не единственный фактор, оказавший влияние на Александра III. Убийство отца народовольцами, ряд негативных последствий либеральных реформ Александра II и т. п. способствовали формированию приоритета консервативных взглядов у Александра III. Так Н. Н. Фирсов считал, что «нельзя представлять себе Александра III только послушным теленком. Этот, довольно ограниченный и даже несколько туповатый человек был себе на уме и обладал довольно крепким здоровым смыслом – ра-

зумеется, в тесных пределах своего малоповоротливого, тяжелого ума, вполне гармонизировавшего со всею его физической и моральной личностью»⁹.

С первых дней царствования Александра Александровича К. П. Победоносцев стал его «правой рукой». На совещании министров у графа Лорис-Меликова был оглашен манифест 29 апреля 1881 г., в котором «четко заявлялось о незыблемости самодержавия и твердом правительственном курсе... Сконфуженный Победоносцев объявил, что это произведение его пера: что вчера государь призвал его в Гатчину и приказал сочинить манифест...»¹⁰. «В течение четверти века критика “конституции – великой лжи нашего времени” – занимала внимание К. П., стремившегося оставить без изменения не только политическую систему империи, но и неканоническую систему управления русской Церковью, существовавшую со времени Петра Первого»¹¹.

Победоносцев всеми силами стремился оказать влияние на решения и действия Александра в сфере политики. Однако это скорее было из-за глубоких внутренних убеждений, чем из-за корысти и властолюбия. Незыблемость самодержавия, православие, почитание традиций – были укоренены в его душе.

Разделял император и взгляды Победоносцева по вопросу дальнейшего развития журналистики в России. 21 апреля 1881 г. Александр писал Победоносцеву: «Странно слушать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма»¹². На это Победоносцев отвечал ему, что «главная причина – газеты и журналы наши, и не могу надивиться слепоте и равнодушию тех государственных людей, которые не хотят признать этого и не решаются на меры к ограничению печати. Я был всегда того мнения, что с этого следует начать, но никто не хочет согласиться со мной»¹³.

Огромное влияние Победоносцев оказывал и на решения Александра III в области просвещения и национальной политики. Р. С. Уортман считает, что «Победоносцев использовал свое положение наставника, чтобы развить в Александре ощущение себя как русского... побуждал Александра утверждать национальную “персону” в противовес его отцу... Под влиянием Победоносцева Александр Александрович начал рассматривать Москву как национальный центр, а своего отца считать оторванным от народных и духовных корней монархической власти»¹⁴.

Победоносцев искренне считал, что простой народ может найти для себя героев в житиях святых. Кроме того, он надеялся, что церковная иерархия будет активно распространять веру. Однако ему не удалось создать самоотверженную и энергичную церковную иерархию, которая вернула бы народ к старинному благочестию, хотя великие религиозные праздники воскрешали дух русского прошлого и не оставляли сомнений в значении православия для национального мифа. Еще раз следует заметить, что К. П. Победоносцев был консерватором в глубине души, и свойственные консервативной идеологии принципы нерушимости самодержавия и православия искренне выделялись им как нечто святое, неотъемлемое от истории России. Пессимизм и отсутствие ясно

представляемых перспектив заставляли К. П. с искренним недоверием относиться ко всему, что могло изменить привычное течение жизни.

О высоком уровне доверия императора Александра III к Победоносцеву свидетельствует активное участие последнего в политике Империи; кроме того, многие государственные законы и манифесты принадлежат перу К. П. Победоносцева. Уже при Николае II, даже уйдя в 1905 г. в отставку и покинув пост обер-прокурора Синода, К. П. сохранил за собой звание члена Государственного совета и по мере своих сил, до самой своей кончины продолжал служить государю и родине, зорко следя за всеми явлениями внутренней жизни Российской Империи.

Б. В. Никольский, автор некролога К. П. Победоносцеву, отмечал, что в лице покойного «угас самый видный из сподвижников царствования Императора Александра III, сошел с исторической сцены вдохновитель его начинаний, связанных с “твердым русским” направлением внутренней политики; умер савонник, влияние которого наложило свою печать на самые разнообразные стороны нашего государственного режима»¹⁵.

¹ «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений. М., 2004. Т. 2. С. 18.

² *Половцов А. А.* Дневник Государственного секретаря: в 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 38.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 146.

⁵ *Фирсов С. Л.* Человек во времени: штрихи к портрету Константина Петровича Победоносцева // К. П. Победоносцев: pro et contra. СПб, 1996. С. 13.

⁶ *Бердяев Н. А.* Нигилизм на религиозной почве // К. П. Победоносцев: pro et contra. С. 290–291.

⁷ *Глинский Б. Б.* Константин Петрович Победоносцев // К. П. Победоносцев: pro et contra. С. 13.

⁸ *Фирсов Н. Н.* Победоносцев: опыт характеристики по письмам // К. П. Победоносцев: pro et contra. С. 425.

⁹ Там же.

¹⁰ *Толмачев Е. П.* Александр III и его время. М., 2007. С. 231.

¹¹ *Фирсов С. Л.* Указ. соч. С. 15.

¹² *Кшесинская М.* Воспоминания. М., 1992. С. 80.

¹³ *Крылов А.* Воспоминания. М., 1963. Т. 1. С. 324.

¹⁴ *Уортман Р. С.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 251–253.

¹⁵ К. П. Победоносцев: pro et contra. С. 489.

Кузнецова Елена Александровна
Пермский государственный университет

РЕКЛАМНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ В «ПЕРМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»: МЕТОДЫ СОХРАНЕНИЯ И АНАЛИЗА

«Пермские губернские ведомости» – одна из основных газет Пермской губернии. Газета была создана в 1838 г. как орган официальной печати (анало-

гичные «Ведомости» выходили во многих губерниях Российской империи), но постепенно в ней начинают публиковать и информацию неофициального характера. С 1894 г. отдельно от официальной части публикуется неофициальная, где располагался блок объявлений.

Объявления являются особым типом источников, содержащим информацию об экономической, культурной и социальной жизни города. Ранее исследовались исключительно отдельные виды объявлений (например, связанные с досугом¹). В процессе данного исследования будет рассмотрен весь блок объявлений.

Традиционный анализ объявлений для исторического источника позволяет говорить о следующем.

Рекламные объявления чаще всего располагались на первой и последней странице «Ведомостей». На первой странице блок объявлений мог располагаться под заголовком на две трети или на всю страницу. На последней странице объявления занимали нижнюю половину или весь объем листа. Объявления могли располагаться и на 2–4 страницах, в этом случае они занимали крайнюю полосу (от корешка).

Объявления для «Пермских ведомостей» принимались в конторе редакции по улице Сибирской. Также объявления принимались в Москве, Петербурге и Варшаве (торговые дома Н. П. Гольдина, Л. и Э. Метцль и Ко, Л. Шаберт, Бруно, Валенчики, Международная контора объявлений).

Стоимость публикации:

Для объявлений из губерний (Пермской, Оренбургской, Вятской, Уфимской)

- На первой странице – 20 коп. за строку
- На последней – 10 коп. за строку

«Для лиц, ищущих занятий, с установленной за объявление платы делается большая скидка»².

Объявления от лиц, фирм и учреждений, живущих или имеющих свои главные конторы или правления в других губерниях или за границей

- Перед текстом – 30 коп. за строку
- В конце текста – 15 коп. за строку

В основном публиковались текстовые объявления – заголовок (то, что должно было привлечь внимание читателя) выделялся – изменялся размер и толщина букв, шрифт. Также встречаются объявления с иллюстрациями или в фигурных рамках (даже без приблизительного подсчета видно, что они занимают небольшую часть от общего количества) – подсчет их точного количества при анализе традиционным способом является трудоемкой задачей.

Также мы можем увидеть, что на первой странице в основном располагались объявления фирм/магазинов, практикующих врачей, информация о культурных мероприятиях. Объявления от частных лиц помещались на последней странице (редко на первой).

При более тщательном анализе мы можем разделить объявления на группы в зависимости от того, что предлагает объявление: медицина, культура, ин-

формационные сообщения, услуги, «Требуется», «Желаю получить место», продажа, сдается, утеряно, образование, другое.

Итак, объявления – массовый источник, поэтому вполне закономерно для их исследования использовать компьютерные технологии. Анализ объявлений традиционным методом затруднителен. Применение компьютеризированного анализа позволяет проводить количественный и качественный анализ источника.

Данное исследование проводится на основе информационной системы «Пермские губернские ведомости».

Для того чтобы ввести объявление в систему, были пройдены следующие этапы:

1. Оцифровывание изображения методом фотографирования или сканирования.

2. Разрезание блока объявлений на отдельные статьи (объявления). Этот этап может проводиться с помощью графического редактора или ABBYY FineReader.

3. Распознавание отдельных объявлений и сохранение в двух форматах. Данный этап реализуется также с помощью ABBYY FineReader 9.0. Благодаря тому, что объявления содержат множество разнообразных шрифтов, а высота букв может быть разной даже для одного объявления, мы создаем пользовательский эталон и обучаем его распознаванию всех используемых в блоке объявлений шрифтов. Распознавание имеет некоторые сложности, потому что часть газет имеет плохую сохранность, кроме этого блок объявлений располагался на первой и последней страницах, которые больше других подвергаются разрушению. После редактирования в ABBYY FineReader 9.0 объявление параллельно сохраняется в двух форматах: «PDF» – графический образ и Microsoft Word – текст.

Следующий шаг – размещение объявлений в информационной системе. В первую очередь необходимо привязать объявление к номеру соответствующей газеты и дате ее выпуска. Эта функция уже заложена в системе. Затем вводим описание статьи в соответствующие поля. В данный момент система содержит поля, предлагающие выбрать раздел и подраздел, к которому принадлежит статья (объявление), так как информационная система «Пермские губернские ведомости» будет содержать не только рекламу, но и статьи, содержащиеся в газете. Для размещения рекламной статьи выбираем раздел «реклама/объявления». Чтобы получить возможность анализа информации, будут введены подразделы (полученные при анализе блока объявлений традиционным путем): медицина, культура, информационные сообщения, услуги, «Требуется», «Желаю получить место», продажа, сдается, утеряно, образование, другое.

Также в системе присутствуют поле «Заголовок», для объявления это поле является кратким содержанием. Это происходит благодаря особой роли рекламной статьи – она должна заинтересовать покупателя, короткий заголовок должен передать суть объявления, привлечь внимание, заставить потенциальных клиентов прочитать основной текст.

Следующее поле – «Распознанный текст». Сюда мы помещаем текст, полученный в процессе распознавания.

Поле «Примечания» заполняется по мере необходимости.

Кроме этого, система позволяет загрузить изображение статьи. Так как исследование ориентировано на источник, стоит задача сохранить его информацию в максимальной степени.

Нужно отметить, что в данный момент система находится на стадии разработки. Это значит, что в процессе ее заполнения возможны некоторые изменения и дополнения в описании объявления (ввод новых подразделов, появление новых параметров в описании статей).

В итоге следует подчеркнуть, что исследование рекламы с помощью компьютерных технологий – закономерный процесс, так как исследуется массовый источник. На данном этапе проводится анализ, как традиционными методами, так и с помощью компьютерных технологий. Это делает исследование более глубоким и результативным, позволяет получать новую информацию на основе данных, содержащихся в объявлениях газеты «Пермские губернские ведомости».

¹ Столярова Е. Ю. Газета «Пермские губернские ведомости» как источник сведений о театральной жизни г. Перми в конце XIX – начале XX веков.

² Пермские губернские ведомости. 1909. № 28. 5 февраля. Информация о стоимости объявлений публиковалась в каждом номере.

Матвеев Сергей Рафисович

Пермский государственный педагогический университет

ОТ «РУССКОЙ ШКОЛЫ» ДО МАРКСИЗМА: К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ

Для гуманитарной науки характерно объединение историков, занимающихся одной проблемой и близких по взглядам, в историографические школы. Я бы предложил определение историографической школы как совокупности исследований в области истории, принадлежащих определенной группе авторов, имеющих общие взгляды, подходы в вопросе изучения конкретной темы.

Разработкой проблем первой французской революции занималось и занимается множество исторических школ в разных странах, но в данном исследовании меня интересует так называемая «Русская школа» и пришедшая ей на смену марксистская, которая многие годы была господствующей в отечественной историографии, но база для которой была заложена историками, принадлежащими к так называемой «L'école russe» и которые, проделав интересную эволюцию, сохранили многие традиции старой школы.

О «Русской школе» впервые заговорили ведущие французские ученые – Ж. Жорес, А. Олар, А. Матьез. К школе были отнесены В. Герье, Н. Кареев,

И. Лучицкий, Е. Тарле. Отцом-основателем этого направления, безусловно, является профессор Герье, воспитавший целую плеяду учеников.

Именно В. Герье заложил в отечественной историографии традицию изучения Великой французской революции. Он начал исследование проблем революции уже зрелым человеком, доктором наук. Не просто понять мотивы обращения к этой (в царской России) запретной теме. Биографы Герье считают, что решающим фактором явилось стремление ученого систематизировать преподавание всеобщей истории в Московском университете¹. Новый университетский устав 1863 г. сделал возможным включение в учебный курс проблем революции, и В. И. Герье осенью 1868 г. начал чтение лекций о Великой французской революции.

Лекции Герье стали перерастать в научные статьи, монографии. Особенностью работ историка является тот факт, что свои изыскания по вопросам французской революции он начал, опираясь не на источники, а на историографию. Внимание к историографии станет характерной чертой «Русской школы», которую наследуют историки-марксисты. Герье подходил к историографическому анализу с полемическими намерениями, что характерно для историков конца XIX – начала XX в.

В Германии В. Герье знакомится с консерваторм Зибелем, написавшим свою «Историю Французской революции»² вскоре после событий в Европе 1848–1849 гг. Позиция Зибеля, на мой взгляд, крайне необъективная, рассматривается Владимиром Ивановичем предпочтительнее либеральных рассуждений Тьера и Минье. Выше всех из историков Французской революции профессор Герье ставит И. Тэна и пишет о нем цикл статей. Отмечу, что Тэн работы свои писал после событий 1871 г. в Париже и под их влиянием, и его трудно назвать непредвзятым и объективным историком. Владимир Иванович в особую заслугу Тэну ставит то, что французский ученый не ограничился рассмотрением политической истории революции, а написал то, «что недоставало до него – то была внутренняя, социальная история Франции во время революции»³. Но и В. И. Герье упрекает Тэна в односторонности, предвзятости, считая, что, «указывая у изображаемых им деятелей и во всей их партии только низкие фанатические мотивы, он уменьшил предмет своего изображения...»⁴. П. Кропоткин по этому поводу высказывается точнее: «Тэн наполнил свою книгу самой невозможной руганью против народа...»⁵. Важно понять, что для работ Тэна характерен новый подход в рассмотрении роли социального движения в эпоху революции и крайний консерватизм, граничащий с реакционностью, при рассмотрении периода 1792–1793 гг. Именно этого французского историка В. И. Герье назвал своим учителем.

Занимаясь научной деятельностью, профессор Герье продолжал читать лекции в Московском университете, среди слушателей которых в начале 1870-х гг. появляется молодой Н. Кареев, который интересуется историей Европы конца XVIII – начала XIX в. По окончании университета в 1873 г. Н. Кареев хлопотами профессора Герье был оставлен в Московском университете для подготовки к профессорскому званию. Выдержав экзамены, Николай Иванович

получил заграничную командировку для написания магистерской диссертации, а в 1884 г. он уже защищает докторскую диссертацию.

На раннем этапе научной деятельности Николай Иванович увлекается проблемами польской истории, много времени проводит в Варшаве, и эта увлеченность формирует его либеральный подход к французской революции, разработку проблем которой он, как и В. Герье, начал уже в зрелом возрасте и в статусе доктора наук. Но в отличие от В. Герье, Н. Кареев первые шаги в исследовании французской революции делает, отталкиваясь от источников. Хотя профессор Кареев, как и его учитель, большое значение оставлял за историографией и первым подвел итоги изучения Великой французской революции в России⁶. В историографических работах Н. Кареева полемики значительно меньше, чем у В. Герье, но историк критикует позиции, занятые И. Тэном (человеком, оказавшим существенное, хотя и косвенное, воздействие на становление «Русской школы», к которой Н. Кареев принадлежал).

Н. Кареев признает В. Герье своим учителем, но взгляд на революцию, в том числе и Великую французскую, у него формируется совершенно иной. К примеру, русская революция 1905–1906 гг. повлияла на мировоззрение В. Герье так же, как в свое время Французская коммуна 1871 г. на мирозерцание И. Тэна. Н. Кареев же принимает русскую революцию, вступает в партию кадетов и избирается в Думу, тогда как В. Герье, подобно своему французскому учителю, уходит в грубую критику революционного процесса. Именно после 1905 г. взгляды Герье и Тэна становятся тождественны. Примерно в это время выходит работа Н. Кареева «Великая французская революция»⁷, которая стала, на мой взгляд, одной из лучших по данному предмету на момент написания.

Во время работы 3-й Думы, профессор Кареев завязывает тесные контакты с преподавателем Киевского университета И. В. Лучицким, специалистом по религиозным войнам во Франции XVI в., который был избран в Думу в 1907 г. Н. Кареев знакомит коллегу с профессором Герье, продолжающим находиться при Московском университете, тогда как сам Н. Кареев работает в Петербурге. Это знакомство оказало влияние на то, что уже в зрелом возрасте Лучицкий обращается к исследованию аграрного вопроса накануне и в период французской революции. Именно И. Лучицкий впервые в отечественной историографии, предвосхищая историков-марксистов, стал утверждать, что во второй половине XVIII в. феодальная эксплуатация крестьян усиливалась: увеличивались сеньориальные поборы, росла арендная плата за землю, что способствовало созданию революционных настроений в деревне⁸. По этому поводу И. Лучицкий вступил в длительную и интереснейшую полемику с М. Ковалевским, утверждавшим обратное. Для данного исследования детали этого научного спора не важны, а важен сам факт присоединения профессора Лучицкого к «Русской школе».

В Петербурге И. Лучицкий встречается со своим учеником, научным руководителем которого он был еще в Киеве. Это был Е. Тарле, окончивший историко-филологический факультет Киевского университета. В 1903 г. Евгений Викторович по приглашению профессора Кареева приезжает в Петербургский университет, где становится приват-доцентом. Е. Тарле, как и И. Лучицкий, в своих исследованиях затрагивает темы, не характерные для российских истори-

ков того периода. Тема докторской диссертации Е. Тарле звучала как «Рабочий класс во Франции в эпоху Революции». Своей диссертацией он заложил основы марксистского исследования данной проблематики в нашей стране. Если И. В. Лучицкий совершил своеобразный переворот в изучении аграрной истории французской революции, то Е. В. Тарле переворот совершил в исследовании рабочего движения в революционную эпоху.

Тем временем приближалась совсем другая революционная эпоха, которой было суждено встать на один уровень с Великой французской революцией. 1917 год В. Герье встречал в Москве, Н. Кареев и Е. Тарле в Петрограде, а И. Лучицкий в Киеве. Этот год, ставший последним для старой России, последним стал и для «Русской школы». Немецкое наступление на Украине, революционные события подорвали здоровье профессора Лучицкого, и он скончался летом 1918 г. Профессор Герье не принял революцию и не мог принять ее. Все свои преподавательские посты он оставил еще после 1905 г., а в 1917 г. окончательно ушел на пенсию и скончался через год после И. Лучицкого. Н. Кареев как член кадетской партии был арестован, но вскоре реабилитирован. Позже он станет почетным членом АН СССР, но после 1917 г. в печать не вышло ни одной его монографии, посвященной проблематике французской революции, а сама французская революция стала темой, важной для государства с идеологической точки зрения.

В дни «красного террора» Е. Тарле в 1918 г. публикует книгу «Революционный трибунал в эпоху Французской революции»⁹, которая заложила основы марксистского изучения революционных органов юстиции.

Е. Тарле, попадавший под потоки критики, не изменил научным принципам «Русской школы», в духе которых он вел подготовку своих учеников. Среди последних были франковед А. Манфред (возглавивший Московскую школу в изучении французской революции) и Л. Кертман (основатель пермской школы новистов).

Итак, основы марксистского изучения рабочего движения, аграрного строя, органов революционной юстиции были заложены историками «Русской школы», которые же основали традицию историографических исследований по проблематике Великой французской революции.

¹ См.: *Иванова Т. Н.* В. И. Герье как историк // Диалог со временем. М., 2008. С. 225.

² *Sybel H.* Geschichte der Revolutionszeit. Bonn, 1853.

³ *Герье В. И.* Тэн в истории якобинцев // Вестник Европы. 1884. № 10. С. 525–526.

⁴ Там же. С. 190.

⁵ *Кропоткин П. А.* Великая французская революция. М., 1979. С. 458.

⁶ См.: *Кареев Н. И.* Эпоха французской революции в трудах русских ученых. СПб., 1912.

⁷ *Кареев Н. И.* Великая французская революция. М., 1918.

⁸ См.: *Лучицкий И. В.* Состояние земледельческих классов во Франции. Киев, 1912. С. 65.

⁹ *Тарле Е. В.* Революционный трибунал в эпоху Французской революции. М., 1918.

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ОРНЕБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА В ОЦЕНКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Казачество современной России, пережив период восстановления, активно занимается поисками своего места в государственном механизме. При решении этого вопроса может и должен быть востребован опыт пореформенной России, который имеет явные аналогии с современностью в контексте активных процессов модернизации российской государственности и становления гражданского общества. Целью настоящей работы является анализ дореволюционной, советской и современной историографии системы управления Оренбургского казачьего войска (далее – ОКВ) пореформенного периода.

Первые специальные исследования об оренбургском казачестве появились в третьей четверти XIX в. Причиной этого послужили реформы 1860–70-х гг., в ходе которых ставился даже вопрос об упразднении казачества как военно-служилого сословия. На этой почве возникли споры. Одним из главных борцов за сохранение казачества стал полковник П. И. Авдеев, который написал первый серьезный обширный труд по истории ОКВ¹. Будучи советником Войскового хозяйственного правления, П. И. Авдеев первым обратил внимание на проблему становления системы войскового управления, начиная с создания войска и до 70-х гг. XIX в. Последний период, описанный в работе (1865–1872 гг.), посвящен созданию нового органа – Войскового хозяйственного правления, которое заведовало всеми без исключения предметами по хозяйству войска и по обращению с войсковым капиталом. Однако рассмотрение одного элемента из верхнего звена власти не позволило создать общей картины войскового управления в пореформенный период.

Отстаивал права казачества и Ф. М. Стариков². Но в отличие от полковника Авдеева, Федор Митрофанович четко выстроил «вертикаль власти» от верхнего звена к нижнему. Нужно отметить, что работа доведена до 1891 г. и не затрагивает изменений, которые произошли вследствие реформы 1893 г.

Таким образом, изучение такой темы, как система управления ОКВ, до революции была связана с вопросом о сохранении войска. Но говорить обо всей тяжести зависимости казачьих общин от военных и гражданских властей исследователи данного периода не могли, так как из-за цензурных запретов историю казачества трактовали исключительно с верноподданнических позиций.

Революция 1917 г. положила начало новой эпохе, кардинально изменив политическую и экономическую обстановку в России. В связи с этим проблема прошлого ОКВ получила одностороннюю оценку. Казаков стали рассматривать как реакционное сословие, резко критикуя традиционный характер ведения хозяйства и несения военной службы. В конце 20-х гг. ряд проблем, в том числе и

история казачества, был признан неперспективным, и работа в этом направлении оказалась свернута.

Интерес к оренбургскому казачеству возрождается с 1950-х гг., но вопрос по системе управления впервые стал подниматься лишь в 70-е гг. в работе М. Д. Машина³, одна из глав которой посвящена военно-административному устройству, управлению и структуре ОКВ, характеризуя которую, автор четко выделяет ступени управления в войске. Исследование М.Д. Машина, является единственной работой советского периода, которая затрагивает систему управления. Причем, показывая структуру подчинения, автор не рассматривает функции отдельных ступеней власти.

Таким образом, в советский период история системы управления ОКВ не получила специальной разработки. Единственная работа, которая затрагивает данный вопрос, ограничивается лишь описанием системы подчинения, а такие вопросы, как функции отдельных органов власти, штат и бюджет не рассматривались вовсе.

С таким научным «багажом» историческая наука вступила в 1990-е гг. на новый этап своего развития, характеризующийся методологическим плюрализмом.

Первая работа этого периода, «История казачества Азиатской России», затрагивающая управленческие вопросы, вышла в 1995 г. В ней авторы одного из разделов, А. Т. Топчий и Т. Н. Саврасов, анализируя проекты и реализацию реформ, связанных с системой управления, сделали акцент на экономическом положении казачества. Ими была реализована установка, согласно которой изменения в системе управления были вызваны именно экономическими причинами. Такой подход, характерный и для других исследователей, вполне правомерен, однако его результатом явилось отношение к функционированию войсковой системы управления как к второстепенному вопросу⁴.

Становлению и развитию структуры управления и воинской повинности Оренбургского казачества в XVIII – начале XX в. посвящена докторская диссертация В. С. Кобзова⁵. Автор делает вывод, что, будучи искусственно созданным и не зная традиционных институтов казачьей вольницы, ОКВ с самого начала являлось одним из элементов государственной структуры Российской империи и находилось под жестким контролем центральной власти. Характер происхождения войска, по мнению В. С. Кобзова, наложил неизгладимый отпечаток на формирование идеологии и институтов оренбургского казачества, наиболее ярко проявившись в его функционировании. Указанная диссертация стала первым и фактически единственным специальным исследованием управленческих аспектов функционирования ОКВ пореформенного периода. Однако важно отметить, что и в этой работе функционирование системы управления ОКВ было реконструировано не путем изучения отдельных органов управления войска (войскового хозяйственного правления, войскового атамана и его канцелярии и т. д.), а посредством общей характеристики изменений, произошедших в управлении войском под влиянием тех или иных новаций правительства.

Прочное место в историографии пореформенного ОКВ занимают статьи В. М. Шадрина, посвященные станичному административному управлению и

суду⁶. Автор сделал вывод, что деятельность станичных судов ОКВ была призвана поддерживать стабильность казачьей общины. Учреждение станичного суда в рамках общественного управления станиц казачьих войск создавало условие для формирования начал самоуправления. Однако станичный суд на формально-процессуальном уровне не ставил преград произволу войсковой администрации, так как был поставлен под жесткий пресс и контроль со стороны государства.

Л. И. Футорянский в своей журнальной статье дает оценку реформам, касающихся изменения в системе управления ОКВ⁷. Автор сделал вывод о том, что войсковое самоуправление в пореформенный период было значительно ограничено системой десятидворок, которая предусматривала лишение казаков права прямого и всеобщего голосования. А об элементах автономии ОКВ применительно к пореформенному периоду, по мнению Л. И. Футорянского, вообще нет оснований говорить.

Вкладом в изучение проблемы является работа В. Г. Семенова «Губернаторы Оренбургского края»⁸. Поскольку оренбургские гражданские губернаторы с 1881 г. по должности являлись одновременно и наказными атаманами ОКВ, постольку данное исследование положило начало персоналистскому подходу к изучению войсковой системы управления пореформенного периода.

В 2006 г. в Москве А. В. Ганин защитил кандидатскую диссертацию, посвященную ОКВ⁹. Исследователь считает, что к началу XX в. ОКВ являлось самобытным и отлаженным государственным институтом, а также изолированной от внешнего мира общиной со своими законами и особой системой управления. Также он полагает, что система общественного управления станиц и поселков или самоуправления в окончательном виде сложилась в начале 1890-х гг. и содержало целый ряд недостатков, прежде всего, в сфере разграничения полномочий на разных уровнях власти.

Таким образом, в постсоветский период изучение ОКВ значительно активизировалось. Однако такой важный элемент проблемы, как функционирование войсковой системы управления в пореформенный период, не получил специальной разработки. Система войскового управления анализировалась исследователями главным образом в контексте реализации различных реформ на казачьей территории. Кардинальная для любой управленческой системы проблема эффективности в литературе даже не была поставлена.

Вместе с тем, в настоящее время в науке происходит пересмотр подходов к управленческой проблематике. Сегодня актуальным является отношение к истории местного управления как комплексной научной проблеме. Изучение эффективности местного управления имперской России представляет собой сегодня перспективное научное направление со своим объектом, предметными границами, генеральными задачами, адекватными им методами, кругом источников. В его рамках предложена концептуальная схема комплексного исследования, позволяющая оценить функционирование конкретных органов власти и системы управления в целом¹⁰. Ее реализация применительно к ключевым органам управления ОКВ пореформенного периода является насущной задачей современной исторической науки.

¹ Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником Войскового хозяйственного правления полковником П. И. Авдеевым. Оренбург, 1904.

² *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков; со знаменами и картами. Оренбург, 1891.

³ *Машин М. Д.* Из истории родного края: Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976.

⁴ *Топчий А. П., Саврасов Т. Н.* Реформы 60–70-х гг. XIX в. // История казачества азиатской России: в 3 т. / Гл. ред. В. Д. Алексеев. Т. 2 / Отв. ред. В. Ф. Мамонов. Екатеринбург, 1995. С. 14–51.

⁵ *Кобзов В. С.* Становление и развитие структуры управления и воинской повинности оренбургского казачества (XVIII – начало XX вв.): автореф. ... д. и. н. Челябинск, 1996.

⁶ *Шадрин В. М.* Правовое положение и функции станичного звена управления Оренбургского казачьего войска // Оренбургское казачье войско: Поиски. Находки. Открытия: сб. науч. труд. / Под ред. А. П. Абрамовского. Челябинск, 1999. С. 132–154; *Шадрин В. М.* Станичные суды в системе управления Оренбургского казачьего войска // Оренбургское казачье войско: страницы истории XIX–XX вв.: сб. науч. труд. / Под ред. А. П. Абрамовского. Челябинск, 1999. С. 159–172.

⁷ *Футорянский Л. И.* Из истории казачьего самоуправления и «автономии» // 1743: историко-литературный альманах. Вып. 1. Оренбург, 2000. С. 82–86.

⁸ *Семенов В. Г., Семенова В. П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.

⁹ *Ганин А. В.* Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX вв. (1891–1917 гг.): автореф. ... к. и. н. М., 2006.

¹⁰ *Любичанковский С. В.* Изучение эффективности местного управления Российской империи как научное направление: основные задачи и перспективы реализации на Южно-Уральском материале // Южный Урал: история, историография, источники: межвуз. сб. ст. Уфа, 2008. С. 62–82.

Миняшев Виктор Сергеевич
Самарский государственный университет

ВОПРОС О РАСШИРЕНИИ ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В I И II СОЗЫВАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1906–1907)

Первый российский парламент был ограничен в своих финансовых полномочиях, о чем позаботились разработчики Основных законов, желая лишить его возможности влиять на политику правительства неутверждением расходов¹. Государственная дума наделялась правом утверждения бюджета, однако это право было существенным образом ограничено.

Все расходы государства делились на три группы. В первую входили расходы, вовсе не подлежащие рассмотрению Государственной думой. Сюда относились бюджеты уделов и Министерства императорского двора, которое ведало также Академией художеств и крупнейшими театрами, железнодорожные тарифы, цены на водку, таможенные тарифы, доходы от удельных и кабинетных имуществ, доходы ведомства императрицы Марии. Это же правило распро-

странялось на расходы на императорскую фамилию, на расходы собственной его императорского величества канцелярии и собственной его императорского величества канцелярии по принятию прошений. К этой же группе примыкали и расходы на содержание Государственного совета, который в свою очередь не рассматривал расходы на содержание Думы². Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов содержали также весьма расплывчатое понятие экстренных расходов, не предусмотренных сметами³.

Ко второй группе расходов относились платежи государственного долга и других обязательств государства, а также расходы, основанные на действующих законах. Полномочия Думы здесь сводились лишь к проверке того, основаны ли данные расходы на законах. К третьей группе относились все остальные расходы, которые могли изменяться законодательными палатами.

Кроме того, Совет министров мог выделить деньги на неотложные нужды с последующим утверждением законодательными палатами. В Правилах существовало также весьма скользкое понятие государственной тайны, которое никак не оговаривалась. Расходы, связанные с ней, можно было вообще утверждать в парламенте лишь после истечения срока тайны. Более того, если Дума не успевает одобрить бюджет к началу финансового года, то правительство должно было руководствоваться ранее принятым бюджетом⁴.

Такие ограниченные бюджетные полномочия не устраивали думскую оппозицию. Однако об этом не было упомянуто в ответном адресе на тронную речь, в чем упрекнул Государственную думу лидер партии демократических реформ М. М. Ковалевский⁵.

Лидер кадетской партии П. Н. Милюков писал по этому поводу: «Когда у нас конституционная жизнь войдет в правильное русло, и бюджетные права Думы будут расширены»⁶.

Однако первыми свой законопроект об изменении государственной росписи доходов и расходов во II Государственную думу 20 марта 1907 г. внесли не кадеты, а народно-социалистическая фракция. Как утверждает один из ведущих специалистов по народным социалистам Н. Д. Ерофеев, они хотели добиться от власти «свободного и властного народного представительства»⁷. Законопроект предоставлял Думе право исключать и изменять те доходы и расходы, которые существовали на основании уже изданных законов и штатов. Средства собственной е. и. в. канцелярии и собственной е. и. в. канцелярии по принятию прошений, средства на содержание Государственного совета также должны были подлежать утверждению Государственной думы. В то же время Государственный совет вовсе лишался финансово-бюджетных полномочий. Кроме того, законопроект лишал права исполнительную власть выделять средства на неотложные нужды и на расходы, связанные с государственной тайной, без предварительного согласия Государственной думы. Под контроль Думы должны были попасть и чрезвычайные военные расходы. Также законопроект давал парламенту право самому распределять расходы и доходы по параграфам⁸. Последнее положение крайне важно, так как это ограничивало возможность правительства перемещать средства в пределах одного параграфа⁹.

Энесы рассчитывали добиться очень многого пересмотром бюджетных правил. Член народно-социалистической фракции депутат Алашеев писал в «Общественном деле», что существовавшие правила – это броня, которой «защищены те главные двигатели бюрократического корабля, те главные подпоры полицейского строя, которые должны быть обезврежены или устранены прежде всего: полицейская власть, исключительные положения, исключительные суды»¹⁰.

Фактически законопроект был направлен на то, чтобы поставить под контроль Госдумы все расходы (кроме содержания царской фамилии и бюджета министерства двора) и средства на погашение государственного долга. Это ставило бы исполнительную власть в серьезную зависимость от законодательной. Получалось, что никаких нововведений в бюджет нельзя было внести без согласия Думы. Это безусловно повысило бы политический вес Госдумы. В то же время влияние Государственного совета резко ограничивалось полным лишением его бюджетных прав.

Интересно то, что в объяснительной записке к законопроекту энесы осуждали и то, что из ведения Думы выведены средства на содержание императорской фамилии, бюджет Министерства двора и средства на погашение государственных обязательств. Однако это не вошло в сам текст законопроекта, так как данные положения закреплялись Основными законами, и Государственная Дума не могла быть инициатором их изменения¹¹.

Законопроект был сдан в бюджетную комиссию и не получил дальнейшего движения.

2 апреля 1907 г. свой проект изменения правил о порядке рассмотрения государственной росписи внесла фракция «Народной свободы». В отличие от проекта народно-социалистической фракции, кадеты сохранили за Госсоветом все финансово-бюджетные полномочия. Однако их законопроект также предоставлял обеим палатам право изменять расходы и доходы, существующие на основании действующих законов и штатов. Отменялось ограничение срока рассмотрения росписи до 1 декабря, отменялось право правительства выделять самостоятельно деньги на военные нужды, а также на расходы, связанные с государственной тайной. Право правительства самостоятельно выделять средства на другие экстренные и неотложные нужды было также ограничено, но не отменено вовсе. Эти нужды могли покрываться без предварительного согласия парламента при помощи особого кредита. Законопроект также отменял статью 6, запрещающую парламенту изменять средства, заложенные на погашение государственных обязательств. Однако отмена этой статьи была лишь декларацией, так как данное правило было заложено в Основных законах. Возможно, включение этой бессмысленной с точки зрения права статьи в законопроект было вызвано предвыборными обещаниями кадетов: указать на незаконность заключения внешних и внутренних займов без согласия народного представительства¹². Разделение бюджета на параграфы по кадетскому законопроекту должно было оговариваться специальным законом, который должен был быть издан¹³. Д. В. Аронов усматривает в данном положении стремление кадетов к сотрудничеству с Советом министров в области разработки нового закона о бюджете¹⁴.

Большинство Государственной думы стремилось к расширению своих финансово-бюджетных полномочий. Однако пределы стремлений оказались различными. Народные социалисты предлагали кардинальную ломку существующего бюджетного механизма: Государственная дума по их законопроекту имела больше полномочий по составлению бюджета, чем правительство, полностью лишая финансовых прав Государственный совет. Кадетский законопроект реформировал бюджетную систему в рамках существующего строя: верхняя палата не только сохраняла свои полномочия, но и вместе с нижней увеличивала их. В этом пункте видно явное отступление конституционных демократов от своей перводумской программы, заложенной в ответном адресе Госдумы на тронную речь императора. Ведь там предполагалось полное уничтожение Государственного совета. Теперь кадеты лишь хотели существенно ограничить право правительства получать деньги без согласия Думы и Госсовета особым кредитом на экстренные нужды. Кроме того, их законопроект был призван законодательно упорядочить деление бюджета на параграфы.

¹ Власть и реформы. От самодержавной России к советской. М., 2006. С. 478.

² Демин В. А. Государственная дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 56.

³ Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов // Государственная дума в документах и материалах. М., 1957. С. 134.

⁴ Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь, 1995 // vivovoco.rsl.ru/vv/books/duma/intro.htm.

⁵ Государственная дума. Первый созыв. Полный стенографический отчет заседаний. СПб., 1906. С. 105.

⁶ Милюков П. Н. Вторая дума: публицистическая хроника. СПб., 1907. С. 108.

⁷ Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 159.

⁸ Проект изменения правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов (Заявление 34 членов Государственной думы – народно-социалистической фракции) // Государственная дума. Второй созыв. Законодательные заявления, внесенные на основании ст. 55 Учреждения Государственной Думы. СПб., 1907. С. 30.

⁹ Аронов Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2005. С. 404.

¹⁰ Цит. по: Ерофеев Н. Д. Указ. соч. С. 168–169.

¹¹ Проект изменения правил о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов (Заявление 34 членов Государственной думы – народно-социалистической фракции). С. 31–32, 35.

¹² Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. М., 1939. С. 351.

¹³ Проект изменения правил о порядке рассмотрения государственной росписи (Заявление 35 членов Государственной думы) // Государственная дума. Второй созыв. Законодательные заявления, внесенные на основании ст. 55 Учреждения Государственной Думы. СПб., 1907. С. 106.

¹⁴ Аронов Д. В. Указ. соч. С. 404.

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ РОССИИ В КОНЦЕ XIX В. (ПО ДНЕВНИКАМ В. Н. ЛАМЗДОРФА)

Последняя треть XIX в. – это период перегруппировки политических сил в Европе, связанных с завершением модернизации и глобальной экспансией. И в этом смысле уместны исторические параллели при анализе ситуации, сложившейся на современном геополитическом пространстве Европы и России. Поиск российским государством своего места в международных отношениях и, прежде всего, среди европейских держав делает актуальным обращение к опыту российской истории в выявлении важнейших факторов и движущих сил, обозначающих параметры российского присутствия в мировой системе.

Крах венской системы, гибельность союза трех императоров, несостоятельность крымской системы привели к перегруппировке сил и необходимости определения приоритетов. Для России это был сложный поиск национальной идентичности, формирования новой внешнеполитической доктрины, который можно проследить по материалам дневников первого советника Министерства иностранных дел В. Н. Ламздорфа. Источники личного происхождения – мемуары, дневники позволяют вырваться за рамки «сухой» документальности, взглянуть на те или иные явления и события глазами их непосредственных участников.

Император Александр III, получив Россию при стечении самых неблагоприятных политических конъюнктур, высоко поднял международный престиж России «без пролития капли русской крови»¹. В целом, политика Российской империи конца XIX в. основывалась на принципе «твердой руки в мягких перчатках»². Отношения России с европейскими державами в этот период развивались на основе выработанных принципов прагматичности и защиты национальных интересов. Значительную роль в этом сыграл В. Н. Ламздорф.

В основе дипломатической концепции В. Н. Ламздорфа лежало убеждение, что «прежде всего, необходимо избегать бесполезных и неуместных решений»³. Россия должна оставаться нейтральной во всех противоречиях между европейскими монархами, а затем сыграть роль арбитра и при этом разрешить все свои «исторические задачи». Основными целями внешней политики России он считал обеспечение стране мирной передышки. После тяжелой войны с Турцией Россия нуждалась в восстановлении финансового равновесия.

Внешнеполитическая доктрина России корректировалась под воздействием условий, которые появлялись в результате перегруппировки политических сил в Европе. На протяжении долгого времени Россия придерживалась прогерманской политики, обеспечивая тем самым безопасность своих западных границ. Вступление на германский престол в 1888 г. Вильгельма II – «молодого, жаждущего военной славы»⁴ монарха, было толчком к пересмотру основных направлений русской внешней политики. В. Н. Ламздорф понимал необходи-

мость сближения с Францией, которая сама добивалась союза с Россией как старой противницей Англии⁵, с одной стороны, с другой – Франция была единственной державой в Европе, которая искала сближения с Россией, полагая, что у них общий враг – Германия. Таким образом, Российская империя должна была обеспечить сохранение мира в Европе, чтобы дать Франции время оправиться и стать сильной державой, способной быть ей полезной в качестве союзника, и восстановить тем самым равновесие, нарушенное образованием Тройственного союза. Россия осторожно шла на расширение этих отношений: «Если на сегодняшний день мы пользуемся плодами здоровой и разумной политики, то не следует предаваться иллюзиям и давать тащить нас за собой»⁶. Правительство Александра III видело свою задачу в том, чтобы не позволить Германии ни изолировать Францию, ни допустить разгрома этой страны, которая в создавшейся обстановке «для нас не только полезна, но и необходима»⁷.

Вместе с тем, В. Н. Ламздорф понимал, что в интересах сохранения российско-германских отношений Россия не должна «компрометировать» себя связями с Францией и втягиваться во франко-германское противостояние, что может стать еще более опасным, чем подобное положение по отношению к двум соседним империям: «Дружба с Францией подобна мышьяку – в умеренной дозе она полезна, а при малейшем преувеличении становится ядом»⁸. Но при этом Франция – слишком важный фактор европейской политики, чтобы ей пренебрегать. Как только Германия безоговорочно встала на сторону Австрии, Франция и Россия на деле стали нуждаться друг в друге, какими бы различными не были их цели, ибо ни одна из этих стран не смогла бы выполнить стоявшие перед ними задачи стратегического характера, вначале не победив или хотя бы не ослабив Германию. Франции это требовалось, потому что Германия никогда бы не отдала Эльзас-Лотарингию без войны, а Россия знала, что ей ни за что не решить своих задач на Балканах, не победив Австрию, чему Германия будет, безусловно, сопротивляться.

В. Н. Ламздорф, анализируя сложившуюся ситуацию, указывал, что в это время Германия своей главной целью считала установление гегемонии в Европе, что делало ее опасным соседом для национальных интересов России и исключало возможность сохранения с ней «добрых отношений»⁹. В правительстве и обществе с 1887 г. идет процесс нарастания прямого германофобства, «выражающегося в желании царя воспользоваться первым случаем, чтобы разгромить Германию»¹⁰.

В. Н. Ламздорф считал, что удачным союзником для Германии оказалась Австрия, как и для самой Австрии – Германия, ввиду отсутствия у этих держав серьезных разногласий. Даже, наоборот, у них был общий «недоброжелатель» в лице России. Противоречия Австрии и России на Балканах делали бесперспективными всякие попытки прийти к согласию. Австрия не хотела пересматривать свои ориентиры и позиции на Балканском полуострове, поэтому ей было необходимо участие в Тройственном союзе, тем более что император Франц-Иосиф с давних пор относился весьма недоверчиво к России. В свою очередь это обстоятельство мешало «выправить насколько это возможно отношения с Германией»¹¹, так как договор между Россией и Германией через «голову» Ав-

стрии¹² становился практически невозможным. Объектом разногласий между Россией и Австрией стал вопрос о Болгарии¹³. В. Н. Ламздорф многократно осуждал русскую политику по отношению к Болгарии, которая привела к разрыву отношений с ней. Лишь после смерти Александра III царская дипломатия «помирилась» с Болгарией и с ее долго не признававшимся князем Фердинандом. Но эти отношения могли быть восстановлены в начале 90-х гг., и тогда Австрия не приобрела бы тех позиций в Болгарии, которые впоследствии так явно послужили ей на пользу.

В августе 1891 г. было заключено политическое соглашение между Францией и Россией, представляющее консультативный пакт. Правительства России и Франции договорились «об определении и утверждении сердечного согласия, которое будет способствовать поддержанию мира»¹⁴. Согласие между Россией и Францией представляет собой «условие необходимое не только ввиду их взаимных интересов, но также и для создания определенного противовеса влиянию лиги центральных держав»¹⁵. Такое согласие гарантировало, по мнению В. Н. Ламздорфа, сохранение мира, благоприятствуя в то же время постепенному и естественному развитию могущества и процветания союзных государств¹⁶. В этом случае Россия может полностью разрешить свои национальные интересы на востоке в обмен на полный нейтралитет, чрезвычайно ценный для обеих сторон: «Нейтралитет становится для нас весьма мощным оружием, и, пользуясь им осторожно и ловко, мы можем рассчитывать на многое в своей внешней политике»¹⁷. Таким образом, в результате определения национальных интересов в концерте европейских держав во внешнеполитической доктрине России произошла смена прогерманской ориентации на профранцузскую.

Наращение военной мощи Германии беспокоило и английское правительство, что вынудило его отказаться от политики «блестящей изоляции»¹⁸. Но у Англии противоречия были практически с каждой из европейских держав. Англия пыталась противостоять захватам России в Турции, особенно в проливах, а Франции противодействовать захватам в Северной Африке. В 1898 г. Франция и Великобритания были на грани войны из-за Египта. Враждебность в отношениях между Великобританией и Россией нарастала в результате соперничества на Среднем и Дальнем Востоке на протяжении XIX в. Великобритания искала союзников против России и даже пробовала привлечь на эту роль Германию, прежде чем остановилась на Японии. Как писал В. Н. Ламздорф, «никому тогда не пришло бы в голову, что Великобритания, Франция и Россия в итоге выступят на одной стороне»¹⁹. Охлаждение отношений между Англией и Германией из-за Южной Африки ослабило силу и активность антирусской политики Англии. Так сложилась основа российско-англо-французского союза, в котором Россия видела средство защиты своих интересов.

По мнению В. Н. Ламздорфа, несмотря на трудности в выборе приоритетов и, в связи с этим, союзников, внешнеполитическая доктрина России не только способствовала более эффективной защите национальных интересов, но и росту международного престижа России после поражения в Крымской войне.

¹ Ламздорф В. Н. Дневник, 1894–1896. М., 1991. С. 98.

- ² Дюлгерова Н. Восточный вопрос: русская парадигма // Родина. 2009. № 6. С. 42.
- ³ Ламздорф В. Н. Дневник, 1891–1892. М., 1934. С. 46.
- ⁴ Ламздорф В. Н. Дневник, 1894–1896. С. 239.
- ⁵ Ламздорф В. Н. Дневник, 1891–1892. С. 107.
- ⁶ Ламздорф В. Н. Дневник, 1894–1896. С. 265.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 266.
- ⁹ Геллер М. В. История Российской империи. М., 1996. С. 344.
- ¹⁰ Ламздорф В. Н. Дневник, 1891–1892. С. 197.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Ламздорф В. Н. Дневник, 1894–1896. С. 188.
- ¹³ Ламздорф В. Н. Дневник, 1891–1892. С. 215.
- ¹⁴ Ламздорф В. Н. Дневник, 1894–1896. С. 149.
- ¹⁵ Ламздорф В. Н. Дневник, 1891–1892. С. 328.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Ламздорф В. Н. Дневник, 1894–1896. С. 27.
- ¹⁸ Киссинджер Г. Н. Дипломатия. М., 1996. С. 185.
- ¹⁹ Ламздорф В. Н. Дневник, 1894–1896. С. 121.

Мухаметнурова Оксана Ураловна
Челябинский государственный университет

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА О СОБЫТИЯХ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Историческая память составляет одну из основ понимания человеком собственного «я» как на уровне микроистории, так и на фоне истории своего народа. Это рефлексия (как коллективная, так и индивидуальная), обращенная к определенным эпохам и событиям **своей** национальной истории. Попытаюсь проследить специфику коллективной рефлексии современного российского общества относительно событий октября 1917 г. По данным социологического опроса, проведенного Социологическим центром РАГС летом 2001 г. среди населения России, на вопрос «Что принесла Октябрьская революция 1917 г.?» россияне ответили так: **33,8 %** считают, что события революции укорили процесс развития страны, **6,7 %**, что они не имели значения, **29,9 %**, что они задержали развитие страны, и **29,6 %** респондентов затруднились ответить. Таким образом, видно, что одна треть положительно оценивает революцию. Но эти данные также говорят о большом разбросе мнений и неоднозначности критериев оценки данного события. Действительно, с 1990-х гг. и до настоящего времени вопрос об оценке и роли событий октября 1917 г. варьируется следующей шкалой мнений: от резко негативных до позитивных с некоторым количеством компромиссных точек зрения. Но обратимся не к данным опроса, а к **исторической памяти современного российского общества**. До сих пор, даже спустя более чем 90 лет, споры на вопрос, была ли революция благом, не утихают.

Историческая память народа о данном событии тесным образом связана с индивидуальной рефлексией, которая, в свою очередь, складывается из большого количества факторов: возраста каждого отдельного человека, его политических взглядов, уровня образования, мировоззрения, конфессиональной принадлежности и т. д. Влияние этих факторов, определяющих решение, различно. Так, одни отстаивают идею исторического значения революции не только для России, но и для всего мира в целом, подчеркивают ее созидательный характер, позволивший предоставить народу социальные льготы и возможности (бесплатное образование, здравоохранение, обеспечение старости и мира), добиться достижений в области науки, культуры, играть ведущую роль в мировом пространстве. Складывается мнение, что именно люди пожилого возраста поддерживают данную точку зрения. Ведь эта эпоха – время их счастливого детства, интересной учебы в школе и в вузе, юности, с ее бурной общественной деятельностью (стройотряды, фестивали, конкурсы и т. д.). К тому же, они склонны идеализировать само советское общество – и общественные, и личностные отношения. Это позволяет нам говорить о том, что в памяти более зрелого и даже пожилого населения Октябрьская революция остается довольно позитивным и даже светлым событием, которое помогло стране совершить модернизационный рывок в будущем. Мало кто из них вспоминает о негативных моментах советской эпохи: репрессии, исчезновение тысяч людей, искалеченные судьбы «врагов народа» и т. д. Это, скорее всего, связано с такой особенностью нашей человеческой памяти, как избирательность. С этих позиций тогда можно говорить, что в головах более молодого поколения это событие, наоборот, окрашено только в «темные» тона (на что, кстати, объективно повлияла и постсоветская историография 1990-х гг., которая без всякого чувства меры, как могла, критиковала советскую власть). Эти противники революции основывают свою концепцию на негативах эпохи – существование тоталитарного государства, полицейского режима, репрессиях, страхе и жертвах. На это «защитники» революции могут ответить тем, что любая историческая эпоха сопряжена с жертвами, и экстраполировать это на совсем недавние события и существующие явления (военные действия в Чечне, терроризм, алкоголизм, наркомания и т. д.).

Но далеко не все так очевидно, как может показаться на первый взгляд, так как более пожилое поколение также помнит репрессии и ужасы Великой Отечественной войны, 12-часовой труд на заводах ради «трудовых подвигов Пятилетки» и т. д. А у молодого поколения россиян, которое (в лучшем случае) знакомо с данными событиями через литературу, «просвещалось» через СМИ или рассказы старшего поколения, заостряет свое внимание именно на негативных моментах советской эпохи. Или (что парадоксально) критиками советского времени являются те, кто получил при социализме прекрасное образование, закончил престижный вуз (где сейчас учатся, в основном, платно), имел интересную работу, объездил весь мир. Многие из них, отрицавшие православие, стали верующими и в настоящее время с презрением относятся к атеизму, который они же в свое время так яростно пропагандировали. Другие же из апологетов коммунизма превратились в сторонников либерализма, основываясь на идеологии общечеловеческих ценностей, с презрением относясь ко всему, что связано

с понятиями «русский», «национальный» или «самобытный». Эти примеры иллюстрируют то, как различные факторы могут изменить восприятие события.

Особо следует выделить личные впечатления молодого поколения (рожденных в 1980–90-е гг.). Для них больше характерна рефлексия на события 1930-х гг. То есть советская эпоха характеризуется у них, в основном, с представлениями о репрессиях и их аналогиях с современным режимом¹. Более зрелое поколение (рожденные, в основном, в 1960-е гг.), естественно, таких репрессий не помнит и поэтому у них таких ассоциаций с советской эпохой не возникает. Но именно рожденные в 1960-е гг. стали представителями пограничного поколения, которые родились в советскую эпоху, прожили в ней часть сознательной жизни и... ощутив кризис социалистической системы и желание отойти от нее, сотворили «перестройку».

Весь этот набор данных оценок и ценностей вырисовывает довольно противоречивую конъюнктуру исторической памяти об Октябрьской революции 1917 г., а главное, о советском наследии, что дает повод для многочисленных споров и дискуссий².

Особо следует выделить и роль государства в этих процессах. Конечно, оставаться в стороне оно не может, и будет волей-неволей проводить свою политику. Сейчас наблюдается тенденция заимствования современной государственной политикой некоторых советских элементов: имперская направленность внешней политики и вырисовывающееся лидерство одной партии. Интересно, что историки (как часть общества) являются в некоей степени проводниками государственной политики (хотя бы тем, что они пишут школьные учебники, которые проходят через государственный контроль). На них тоже лежит определенный груз ответственности.

Из сказанного видно, что на становление исторической памяти влияет огромное количество факторов: это и государственная политика, «пропаганда» различных СМИ, рассказы старшего поколения о своем личном жизненном опыте. Я бы все эти факторы разделила на две группы: **внешние** (то есть те, которые влияют на представления человека извне – государственная политика и идеология, пропаганда СМИ, мнения и мысли окружающих) и **внутренние** (те, которые влияют на представления человека изнутри – личный опыт и личное мнение). Но эти факторы настолько переплелись друг с другом, что выделить степень влияния каждого сложно.

Можно предположить, что для старшего и среднего поколения внутренние факторы будут наиболее важны, так как данные люди – свидетели данной эпохи (например, человек, переживший «лихие» 1930-е гг., посмотрев документальный фильм, рассказывающий об успехах сталинской модернизации, не будет с этим полностью солидарен, так как он сам видел ошибки данной политики). Но, в то же время, советская пропаганда преподносила все свои успехи именно с достижениями Октябрьской революции, и советское общество верило в это. Таким образом, и внешний фактор будет для старшего поколения играть немаловажную роль. Для младшего же поколения, наоборот, пропаганда СМИ, государственная политика и рассказы старшего поколения покажутся более определяющими (ведь они имеют богатый жизненный опыт). Но внутренние убе-

ждения данного поколения могут связать Октябрьскую революцию как с позитивными сторонами (полет в космос, повышение уровня культуры и образования), так и с негативными сторонами жизни советской эпохи (репрессии, «холодная война» и проч.). То есть опять налицо отсутствие определенности во мнениях и у младшего поколения, что иллюстрирует и проведенный мной социологический опрос в моей группе на данную тему: так, 6 человек из 15 оценивают события октября 1917 г. отрицательно, 9 – положительно, а 5 – отметили закономерность революции.

Таким образом, историческая память современного российского общества о событиях Октябрьской революции еще не сформировалась. Это вызвано, главным образом, полярностью самого российского общества (хотя современное российское общество как социальное явление до конца еще не сформировалось). Степень влияния каждого из факторов просчитать трудно (как внешние, так и внутренние факторы могут влиять одинаково). Это показывают результаты опросов: разница между «защитниками» и «противниками» революции мала, что вызвано рядом факторов:

1. Расколом мнений внутри поколений: как среди «среднего» (одни представители ностальгируют по советским временам, а вторые – «творили» «перестройку»), так и младшего.

2. Сильной связью «внутренних» и «внешних» факторов, влияющих на национальную память.

Что же касается сферы государственной политики, то здесь важно проявлять осторожность и не пытаться ее навязывать. Ведь историческая память – **это все то, что запечатлевается и остается в умах и сердцах отдельного народа**. При этом ни одна государственная политика не заменит личного жизненного опыта каждого человека. И их столкновения никогда не приводили к положительному результату.

Но главное – современное российское общество и государство должны суметь извлечь из советского прошлого только позитивный опыт и практики. Тогда с уверенностью можно будет говорить, что оно прошло не зря и не бесследно.

¹ Сейчас, например, все чаще идут дискуссии о сопоставлениях путинского правления со сталинским.

² См., например, сборник: Уроки прошлого для России будущего. М., 2007.

Мухин Дмитрий Александрович
Архитектурно-этнографический музей Вологодской области

СЛУЖБА В ФОРМЕ ОКЛАДА В ВОЛОГОДСКОЙ ДЕРЕВНЕ В КОНЦЕ XIX В.

В конце XIX в. количество выборных должностных лиц было велико. В отдельных местностях представители примерно трети всех семей одновременно

должны были служить на каких-либо выборных должностях, причем часто либо бесплатно, либо за минимальную плату, не всегда покрывавшую расходы по этой должности. Так, избранный в 1893 г. сельским старостой Щеглинского общества Спасской волости Вологодского уезда Дмитрий Клавдиев Михайлов жаловался: «я есть единственный работник, должен обрабатывать все беспрекословно крестьянские работы, без нарушения крестьянского быта и также должен исправлять и должность сельского старосты, но при таком бедном обществе состоящем из 109 душ, мне приходится по несколько раз приходиться в каждую деревню для сбора казенных и других повинностей и равно также в г. Вологду для уплаты их, через каковой медленный сбор податей я утрачиваю много времени, и лишаясь возможности особенно во время лета оканчивать полевые работы наравне с прочими крестьянами нашими»¹.

Жалование получали далеко не все сельские выборные должностные лица. Но даже в случае, если жалование назначалось, его не всегда хватало на покрытие расходов по несению должности. Поэтому сельские общества могли создавать дополнительные экономические и неэкономические стимулы для должностных лиц.

С целью материальной поддержки избранных должностных лиц в разных частях Вологодской губернии существовал порядок выбора *в оклад*. Выбором в оклад можно считать выбор сельским обществом должностного лица и одновременно еще одного или нескольких лиц, в обязанность которых входила оплата работы первого. Важным отличием оклада от простого найма должностного лица было то, что и плательщик, и получатель оклада утверждались решением схода.

Так, например, в рапорте пристава 2-го стана Вологодского уезда уездному исправнику от 1 мая 1891 г. порядок выбора полицейских сотских в Хреновской волости описывается так: «первое всего по обществам делается выбор семей, не несших отбывания воинской повинности, коими составляется список и старосты эти списки представляют в волостное правление, а затем правление при участии выборных десятидворных и сельских старост из всех представленных старостами списков выбирают по волости двух сотских, на коих и составляется приговор, а семьи оставшиеся свободными, уже частично помогают служащему денежно за службу его и уже на это приговора не делается»². Причем выбор таких семей, в которых есть не менее двух неразделенных братьев, избежавших воинской повинности, был достаточно узок, поэтому такие выплаты могли носить очень регулярный характер: «Обязанность за исполнение полицейской службы я (Лукьян Максимов, крестьянин Хреновской волости. — Д. М.) с умершим братом Иваном платили 3 раза в оклад по 15 руб. и 3 раза по 10 руб., а брат мой Варсанофий 10 лет платил оклад по 2 руб. каждый год»³. Однако такая четко выстроенная система, по сообщению пристава 2 стана Вологодского уезда, «ведется единственно в Хреновской волости, коею [не удается] прекратить, несмотря на все разъяснения [волостного] старшины, и старшина отзывается тем, что общества малые, собрать трудно в одно общее и учинить выбор, а в установленном ранее порядке ему скорее сделать [выбор]»⁴.

Сама же система оклада была достаточно широко распространенной как географически, так и по охватываемым должностям. Однако сам термин «ок-

лад» присутствовал далеко не всегда. Так, в Новленской волости Вологодского уезда в 1896 г. «крестьяне Палкинского общества, отказав крестьянам Ивану и Петру Вершининым и Петру Санаеву в отправлении лично натуральной повинности, избрали из среды себя крестьянина Павла Ельфина в сельские старосты, а Вершининых и Санаева обложили денежным сбором по 5 руб. в год с каждого»⁵. В Чучковской волости Тотемского уезда сельский сход «уволит от должности (сборщика податей. – Д. М.) Василия Домашина и допустил к таковой Парфения Домашина по найму первого»⁶.

Несмотря на существование и активное применение оклада, четкого понимания того, чем он является, не было ни у крестьян, ни у вышестоящего начальства. В различных ситуациях уплата оклада понимается либо как особая форма службы, либо как денежная повинность, либо традиционные для данной местности выплаты, повинностью не являющиеся.

Вопрос о сути оклада имел большое значение для крестьян. Именно от того, как он понимался в данной конкретной ситуации, зависела возможность отказаться от выплат в случае несогласия с решением общества.

В соответствии с «Положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 1861 г., сельский сход не имел права налагать на крестьян каких-либо денежных повинностей, это являлось прерогативой более высоких уровней власти. Исходя из этой нормы закона, если выплаты в оклад понимались как денежная повинность, то наложение его является ничтожным, поскольку не входило в сферу компетенции сельского схода.

В соответствии со статьей 119 того же Положения, «избранный обществом в какую-либо должность не имеет права от нее отказаться, за исключением только следующих случаев: 1) если ему более шестидесяти лет; 2) если он уже прослужил, по выбору, полный срок, и 3) если он одержим сильными телесными недугами». В соответствии же со статьей 114, «в должности, замещаемые по выбору, не могут быть избираемы: 1) лица моложе двадцати пяти лет; 2) люди, телесно наказанные по суду или оставленные судом в подозрении, а также состоящие под судом и следствием и заведомо развратного поведения». То есть, если оклад понимался как своеобразная форма общественной службы, то плательщик фактически приравнивался к тому должностному лицу, которому выплачивал оклад. В таком случае, крестьяне, подпадавшие под действие вышеизложенных статей, либо не должны были допускаться, либо имели право отказаться от уплаты оклада. Именно в соответствии с таким пониманием оклада в отношении крестьянина Ярославцева из Таболинского сельского общества Вологодского уезда было принято решение, по которому «денежное взыскание взамен выбора Ярославцева в сельские старосты установлено быть не может и приговор подлежит отмене» поскольку ранее данный крестьянин был судим за кражу⁷, а, следовательно, не мог быть избран сельским старостой.

Если же оклад понимается как не относящийся ни к одной из перечисленных выше категорий, то оснований для отмены соответствующего приговора сельского схода не было. В таком случае оклад понимался как локальная традиция, имевшая право на существование именно вследствие своей традиционности в данном сельском обществе. Так, в ответ на прошение крестьянина

Егора Ильина из Сычевской волости Вологодского уезда земским начальником было принято постановление, по которому «Ильин избран в должность сотского не был, а лишь обложен окладом в 15 руб. на помощь брату своему и что повинность эту несут и ныне такие лица, которые также служили ранее в должностях сельского старосты, ввиду этого заявление крестьянина Ильина о неправильном его выборе в должность сотского, не имеет основания»⁸.

То есть, практически идентичные по своему составу дела могли рассматриваться земскими начальниками по-разному, и единого понимания сущности оклада не существовало.

Показательным в данном случае является судьба прошения четырех крестьян из Хреновской волости: Евстигней и Веденя Игнатьевых и Варсанофия и Лукьяна Лукьяновых. В 1893 г. они были избраны в оклад, однако платить его отказались и подали прошение земскому начальнику Можайскому. Основанием для отказа от оклада послужил преклонный возраст просителей (Евстегней – 52 года, Венедикт – 68 лет, Варсанофий – 72 года, Лукьян – 60 лет)⁹. Сама ссылка на возраст говорит о том, что крестьяне пытались представить оклад как вариант общественной службы и отказаться от выплат полицейскому сотскому на основании ст. 114 Положения о крестьянах.

Земский начальник Можайский решил отказаться от рассмотрения данного вопроса и переадресовал его уездному полицейскому управлению, которое, в свою очередь, вернуло это дело обратно Можайскому. Результатом переадресации дела стало его разделение, и далее прошения от Игнатьевых и Лукьяновых стали рассматриваться независимо друг от друга.

В результате по прошению от уплаты оклада по возрасту был освобожден только Венедикт Игнатьев (соответственно, Евстегней как не достигший 60 лет должен был платить)¹⁰. А Лукьяновым в удовлетворении прошения было отказано, поскольку земский начальник принял решение, что Варсанофий и Лукьян не служат, а только выплачивают деньги, поэтому и освобождать их от должности оснований нет¹¹. Таким образом, и в совершенно идентичных случаях в зависимости от человеческого фактора оклад мог пониматься по-разному.

Система оклада позволяла решить проблему материальной стимуляции должностных лиц, не используя при этом средства подавляющей части сельского общества. Однако статус оклада оставался неопределенным.

¹ Государственный архив Вологодской области. Ф. 76. Оп. 1. Д. 867. Л. 4об. Сохранена пунктуация оригинала.

² Там же. Д. 190. Л. 6–6об.

³ Там же. Д. 491. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 190. Л. 6об.

⁵ Там же. Ф. 245. Оп. 2. Д. 81. Л. 47.

⁶ Там же. Ф. 685. Оп. 1. Д. 410. Л. 7.

⁷ Там же. Ф. 245. Оп. 2. Д. 76. Л. 15.

⁸ Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 798. Л. 3об.–4.

⁹ Там же. Д. 450. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 440. Л. 8об.

¹¹ Там же. Д. 491. Л. 3.

НЕЛЕГКОЕ НАЧАЛО ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

К 23 сентября 1887 г. занятия Комиссии по разбору дел и устройству архива бывшей канцелярии Оренбургского генерал-губернатора были прекращены¹. Она рассмотрела 93854 дел архива бывшей канцелярии генерал-губернатора, из числа которых к хранению было определено 12265 дел (около 13 %). Вместе с тем описание архива не было завершено, а выделенные суммы были израсходованы. В архиве не было ни хронологических, ни алфавитных, ни систематических описей, а имелись отдельные карточки делам по каждому отделу, «не подобранные ни в какую систему и не пронумерованные», а также отдельные описи на группы дел². 9 декабря под председательством Оренбургского губернатора Н. А. Маслаковца была открыта Оренбургская ученая архивная комиссия, предметом деятельности которой стало окончательное устройство архива бывшей канцелярии Оренбургского генерал-губернатора и разбор дел других архивов губернии, «разыскания, описания и объяснения» всяких других памятников старины³. Новая комиссия, являясь общественным учреждением, объединяла энтузиастов изучения края, усилиями которых была продолжена работа по приведению в порядок генерал-губернаторского архива. Основными направлениями ее деятельности выступали рассмотрение описей, разбор архивных дел, археологические исследования, руководство работы музея и библиотеки, издание трудов.

Первое время ее существования было особенно трудным, впрочем, как и всякое начало «молодого» учреждения. До 1895 г. комиссия практически бездействовала. Объяснений этому можно найти массу.

Перешедший в ее ведение архив бывшего Оренбургского военного губернатора, заключающий свыше 100 000 дел, помещался на чердаке здания казенной палаты, где для членов Комиссии отвели полутемную каморку. В 1890 г. по требованию управляющего казенной палатой все дела были перевезены и свалены без всякого порядка в лавках Гостиного двора. Этот переезд был не последним (далее последует в сырые, холодные лавки Гостиного двора и на гауптвахту). Хаотичный беспорядок и спешная перевозка привели к потере описей и многих дел⁴.

Только в 1895 г., стараниями председателя комиссии, начальника штаба Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта П. П. Бирка (1889–1900) МВД приобрело у Оренбургского казачьего войска за 1,5 тыс. руб. впусе стоявший на берегу р. Урал небольшой двухэтажный каменный дом и при нем деревянный сарай для помещения архива⁵. В верхнем этаже здания размещался архив, в нижнем – канцелярия, сторожка, музей и комната секретного отделения архива. Кроме того, для документов на уничтожение до их окончательного разбора была отведена одна лавка внутри гостиного двора. Здесь же находилась

ценнейшая библиотека, положившая начало уникальному фонду научно-справочной библиотеки архива (на 1886 г. – около 25 тыс. томов редких научных и краеведческих изданий)⁶. Теснота затрудняла работу с делами на месте. Выдача дел отдельным лицам приводила к затруднению разработки одного какого-либо вопроса. В-третьих, продолжительная передержка дел одним лицом иногда вызывала остановку работы многих. Хотя здание ОУАК было небольшим, все же оно послужило стимулом для дальнейшей обработки архива.

В 1889 г. вышел первый мини-выпуск «Трудов ОУАК», тираж которого был строго ограничен. Второй выпуск увидел свет около 1897 г. Перерыв в семь лет еще не указывал на бездействие провинциальной интеллигенции. Как раз напротив, работа велась при остром недостатке материальных средств, на одном энтузиазме сотрудников и при поддержке (взносами и пожертвованиями) общественности, которая была заинтересована в работе подобной организации⁷.

Комиссия получала небольшой доход за счет членских взносов и сборов с посетителей музея. Финансировали ОУАК земские и городские управы, но непостоянно, а членские взносы и пожертвования частных лиц не могли в полной мере покрыть расходов Комиссии⁸. Основная часть расходов шла на содержание и ремонт дома, содержание сторожа и писцов, незначительная их них – на награды служащим. Однако деятельность не прекращалась, а, напротив, с каждым годом расширялась.

Насущной проблемой выступала необходимость публикации материалов. В докладе «о нуждах ОУАК, не удовлетворяемых за недостатком средств» рассматривается нехватка денег на издание обширного библиографического указателя по истории края. Расценки увеличивались с увеличением объема выпуска⁹.

К слабой материальной обеспеченности прибавлялось ограничение архивистов местными ведомствами в обработке текущих архивов, а старые бумаги «за ненадобностью» возами распродавали с торгов¹⁰.

Несмотря на возникавшие проблемы, благодаря увлеченности работой и энтузиазму членов Комиссии, содействию со стороны губернаторов и меценатов, именно она стала центром изучения местного прошлого. Комиссия положила начало архивоведческим, источниковедческим, археологическим исследованиям, способствовала возникновению музейного дела, охране памятников истории и культуры и образованию архивов. Систематизация дел архива ОУАК – это первый опыт в истории архивного дела в Оренбургском крае. Члены Комиссии, опираясь на практический опыт, разработали четкий алгоритм действий. Архивные дела внимательно рассматривались, классифицировались.

Таким был начальный период существования Оренбургской ученой архивной комиссии. Он, как и всякое начало, оказался преодолимо трудным.

¹ Назыров П. Ф., Набокина Т. Н. В. Калачов и комиссия по разбору дел и устройству архива канцелярии Оренбургского генерал-губернатора // Труды кафедры новейшей истории России ЧелГУ. Т. 2. Челябинск, 2008.

² ГАОО. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.

³ Там же.

⁴ Писарькова Л. Ф. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990; Самошен-

ко В. Н. Исторические архивы Москвы и Санкт-Петербурга XVIII–XX века. М., 1991. С. 171; он же. Из истории архивного строительства на Урале... С. 18–19.

⁵ Труды ОУАК. Т. 5. Оренбург, 1899.

⁶ Нугаева Ф. Г. Деятельность Оренбургской и Уфимской ученых архивных комиссий // www.archive.gov.tatarstan.ru.

⁷ Зобов Ю. С. Дела и люди Оренбургской Ученой Архивной Комиссии // Историки Южного Урала II половины XIX – начала XX вв. Оренбург, 1991. С. 93–96.

⁸ Долгова Т. П., Кичигина С. С. Из истории архивного строительства на Урале // Архивы Урала. 1995. № 1. С. 15–16; Писарькова Л. Ф. Указ. соч.

⁹ Отчет деятельности ОУАК от 20 апреля 1909 г. // Труды ОУАК. Т. 23. Оренбург, 1911.

¹⁰ Зобов Ю. С. Указ. соч. С. 13.

¹¹ Нугаева Ф. Г. Указ. соч.

Назаров Артур Маратович
Тольяттинский государственный университет

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В конце XIX – начале XX в. Российская империя встала на путь модернизации страны, преодоления становившегося все более опасным общего отставания от Запада. На этом пути Россия сразу же ощутила острую необходимость привлечения иностранного капитала в производство страны вследствие острой нехватки внутренних накоплений в стране.

Иностранные капиталы в рассматриваемый период проникали в российскую экономику в следующих формах: ссудный капитал посредством государственных и гарантированных правительством займов, а также зарубежный предпринимательский капитал. Наибольший прирост иностранных инвестиций, как в экономику Саратовской губернии, так и в целом в экономику страны, пришелся на периоды промышленных подъемов 1893–1900 и 1908–1913 гг.

Саратовская губерния была привлекательна для западных инвесторов. В конце XIX – начале XX в. произошли крупные вложения иностранного капитала в следующие отрасли хозяйства губернии: железнодорожное строительство, пищевую, металлургическую и металлообрабатывающую промышленность, а также в частное военно-промышленное производство. Такая активность иностранных инвесторов связана с несколькими факторами. Во-первых, Саратовская губерния среди всех поволжских губерний выделялась наиболее высоким уровнем развития промышленного производства, а также обладала мощной транспортной инфраструктурой. Саратовский и Царицынский транспортные узлы связывали губернию с Поволжьем, Уралом, московским и донецкими промышленными районами, а также с южными портами империи. Во-вторых, рынок промышленных регионов Российской империи уже был поделен и иностранные инвесторы искали новые провинциальные рынки, а здесь, благодаря своим преимуществам, их и привлекала Саратовская губерния. В-третьих, при

организации в губернии предприятий с иностранным участием были свои конкретные факторы, стимулирующие иностранных предпринимателей на крупные вложения.

Теперь рассмотрим конкретные сферы приложения иностранного капитала, и начнем мы с железнодорожного строительства. В конце XIX – начале XX в. в губернии развернули активное строительство железнодорожных линий следующие частные акционерные компании: Общество Рязано-Уральской железной дороги, Общество Владикавказской железной дороги, Общество Юго-Восточных железных дорог. С их деятельностью в экономику Саратовской губернии активно внедрялся и иностранный капитал, так как владельцами значительных пакетов акций и облигационных займов вышеперечисленных обществ являлись зарубежные банки.

В подтверждение этого можно привести много примеров; остановимся лишь на некоторых. Так, в 1898–1899 гг. был реализован в США 4 % облигационный заем Владикавказской и Юго-Восточных железных дорог на общую сумму 10 млн. долларов (19,4 млн. руб.)¹. С этой целью был создан синдикат Санкт-Петербургского Международного Коммерческого банка и банкирского дома «The New York Life Insurance Co». Кроме того, 22 июля 1903 г. синдикат Парижско-Нидерландского банка, Лионского кредита, банкирского дома Готтингер и парижского отделения Русско-Китайского банка организовал подписку на 190 тыс. облигаций Общества Рязано-Уральской железной дороги на сумму 95 млн. фр. (около 35,7 млн. руб.)².

Таким образом, можно отметить, что западные банковские структуры активно участвовали в финансировании деятельности железнодорожных обществ. Без капиталов от продажи облигаций и акций на иностранных рынках было невозможно строительство многих железнодорожных линий и ветвей в Саратовской губернии.

Часть зарубежных инвестиций была вложена и в пищевую промышленность губернии. Широкой известностью, как на губернском уровне, так и на всероссийском, пользовалась продукция маслобойного предприятия «Наследники И. К. Глич в Сарепте», владельцами которой являлись швейцарские и прусские граждане³. В Саратове с 1909 г. под маркой торгового дома работало итальянское предприятие «Первая Итальянская макаронная фабрика Федерико Пензо и Ко» с заявленным капиталом 20 тыс. руб.⁴ Иностранный капитал внедрялся и в пивоваренную промышленность. Так, в губернском центре действовал пивоваренный завод Русско-Баварского общества «Тиволи» и пивоваренный завод «Славия» с австрийским участием⁵.

В конце XIX в. наиболее крупные вложения иностранных инвесторов отмечаются в нетрадиционных для губернии и Поволжского региона отраслях промышленности – металлургии и металлообработке.

На 1898 г. пришелся целый бум учредительства предприятий с участием иностранного капитала в этих отраслях хозяйства. В этот год Урало-Волжским металлургическим обществом, главными акционерами которого являлись Парижский международный и Парижско-Нидерландский банки, был основан Царицынский металлургический завод «Урал–Волга»⁶. Также в 1898 г. в Саратове

были построены немецкими предпринимателями гвоздильно-проволочный завод фирмы Гантке и французскими инвесторами Волжский сталелитейный завод⁷.

Надо отметить, что судьба вышеназванных предприятий была различной. Так завод Гантке быстро развивался: если в 1899 г. сумма производства составляла 100 тыс. руб., то к 1904 г. она уже достигла 890 тыс. рублей. Не смог пережить экономический кризис 1900–1903 гг. Волжский сталелитейный завод: в 1905 г. он обанкротился. Причинами этого явились конкурентная борьба с Царицынским металлургическим заводом, но самое главное, ошибки, допущенные на стадии проектирования завода⁸. На грани разорения в 1900 г. стояло и Урало-Волжское металлургическое общество, которое владело заводом «Урал–Волга», но усилиями французских владельцев и Петербургского международного банка удалось избежать банкротства общества. К середине первого десятилетия Царицынский металлургический завод стал крупнейшим металлургическим предприятием всего Поволжья. На его долю приходилось более 70 % производства продукции отрасли в регионе⁹.

В предвоенные годы активно начинает развиваться частное военное промышленное производство. Это было вызвано, главным образом, тем, что в России в 1907–1913 гг. начал реализовываться ряд широкомасштабных военных правительственных программ модернизации вооруженных сил, которые давали частным специализированным предприятиям твердые гарантии на крупные и долгосрочные правительственные заказы.

В 1913 г. началось строительство частного специализированного артиллерийского завода в г. Царицыне Саратовской губернии¹⁰. Создание этого завода было плодом взаимодействия международного предпринимательского союза в области производства вооружений (в составе предпринимателей британской фирмы Виккерс и военно-промышленных групп Петербургского Международного и Учетно-ссудного банков)¹¹.

Постройка орудийного завода в Царицыне была невозможна без участия британского концерна Виккерс. Виккерс являлся держателем самого крупного пакета акций Русского акционерного общества артиллерийских заводов, учредители которого и строили орудийный завод (29,7 % акций)¹². Помимо этого, британская фирма стала техническим руководителем этого предприятия и должна была отвечать не только за строительство и оборудование, но и за обеспечение процесса производства¹³. Технологии и разработки Виккерс активно начали внедряться в производстве на заводе в Царицыне. Кроме того, эти разработки были переданы русскому правительству, что ускорило процессы модернизации всего производства артиллерии в стране.

Активно иностранный предпринимательский капитал внедрялся и в городское хозяйство. В Саратове британской фирмой был построен городской водопровод, а бельгийским обществом – электростанция и трамвайная сеть¹⁴. Кроме этого, в Саратове и Царицыне находились агенты иностранных фирм, заинтересованных в местном рынке сбыта. Здесь можно отметить такие две крупные американские компании, как «Зингер» и «Международная компания жатвенных машин».

Подводя итоги, можно отметить, что иностранный капитал активно внедрялся в хозяйственный организм Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в. Он участвовал в учреждении или финансировании предприятий практически во всех отраслях хозяйства. Но наиболее крупные вложения были сделаны в металлообработку, металлургию и военно-промышленное производство. Здесь были построены крупные современные заводы, которые играли значительную роль не только на губернском уровне, но и на всероссийском. География иностранных вложений невелика – только Саратов и Царицын. Операции иностранных финансистов и промышленников в Саратовской губернии способствовали развитию региональной буржуазии. Это отметилось в активном сотрудничестве с иностранными инвесторами, в организации совместных предприятий и приобщению к передовым формам и методам ведения торгово-промышленных операций.

¹ Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт в России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 184.

² Бовыкин В. И. Французские банки в России, конец XIX – начало XX века. М., 1994. С. 194–196.

³ Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). Пг., 1915. С. 31.

⁴ Фабрично заводские предприятия Российской империи. Изд. 2-е. Пг., 1914. № 7178.

⁵ Сборник сведений... С. 17.

⁶ Волгоградская правда. 1992. 16 июля. С. 10.

⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Т. 2. Ч. 2. Саратов, 1999. С. 51.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Водолагин М. А. Очерки истории Волгограда, 1589–1967. М., 1968. С. 101.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 264. Л. 15.

¹¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 597. Оп. 2. Д. 328. Л. 5.

¹² Там же.

¹³ Государственный архив Волгоградской области. Ф. 34. Оп. 1. Д. 4. Л. 65–68.

¹⁴ Клейн Н. Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX – начале XX века. Саратов, 1981. С. 181.

Попова Анна Николаевна
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Императорская Санкт-Петербургская Академия наук по праву может гордиться учеными историко-филологического отделения последней трети XIX – начала XX в.¹ В. О. Ключевский, В. Г. Васильевский, П. Г. Виноградов – это лишь небольшая часть той академической элиты, которая «обращала труды

свои непосредственно в пользу России»². Согласно уставу, Академия являлась «первенствующим ученым сословием страны», выполнявшим три главные задачи: научно-исследовательская работа, распространение просвещения, применение «полезных теорий» к практике³.

Под влиянием немецкой исторической науки в России утвердилась «идеальная» классическая модель университетов, которая легла в основу институционализации организационной структуры науки. Согласно «высочайшему» рескрипту Николая I 1841 г. в Академии наук были учреждены три отделения: физико-математические науки, русский язык и словесность, исторические науки и филология⁴. В состав III-го историко-филологического отделения (далее – ИФО) входили три разряда: историко-политический, греко-римских древностей и восточных наук. Свой расцвет ИФО переживает в эпоху либеральных реформ Александра II. К концу XIX в. число специальностей по ИФО увеличилось: статистика и политическая экономия, история и древности русские, классическая филология и археология, литература и история азиатских народов.

Вертикаль власти была выстроена достаточно жестко: ординарные академики, экстраординарные академики, адъюнкты. В штат действительных членов ИФО были включены 6 ординарных академиков, 2 экстраординарных академика и 4 адъюнкта⁵. Все они считались состоящими на государственной службе и получали от казны определенное содержание. По штату 1836 г. ординарному академику полагалось 5 000 руб., экстраординарному академику – 3 500 руб., адъюнкту – 2 500 руб. ассигнациями в год⁶.

Кроме действительных членов, в Академии были еще почетные члены и члены-корреспонденты. Ими могли стать как русские подданные, так и иностранцы. Они не получали за свое звание никакого содержания и не имели перед Академией никаких научных обязательств. Устав разрешал им, правда, принимать участие в отдельных академических заседаниях, но без права голоса. Сначала число их было, согласно уставу, неопределенным (исключение составляли только почетные члены – иностранцы, которых надлежало иметь не более 50) и пополнялось периодически самой Академией по предложению президента или действительных членов. В 1843 г. министр народного просвещения С. С. Уваров разрешил ограничить общее количество корреспондентских мест числом 146 и распределять их по отдельным наукам. Отныне члена-корреспондента можно было избрать только на освободившуюся вакансию по определенному разряду наук.

Основной формой академической научной деятельности являлось индивидуальное исследование и участие действительных членов в академических собраниях. Собрания были торжественные, экстраординарные и обыкновенные. Академия наук приглашала на торжественные собрания своих действительных и почетных членов, членов-корреспондентов и всех любителей наук. По заведенному обычаю ежегодно 29 декабря в день празднования основания Академии проходило торжественное собрание, на котором Академия отчитывалась о своих трудах за прошедший год, объявляла имена избранных в течение года почетных членов и членов-корреспондентов, а также имена ученых, получивших премии.

Широко развивалась издательская деятельность. До 1855 г. Академия наук информировала общественность страны о своей деятельности, помещая полностью, а не в изложении, годовые академические отчеты в «Журнале Министерства народного просвещения», издававшемся на русском языке⁷. Следует отметить наиболее значительное серийное издание «Memoires», выпускавшееся в четырех частях по основным разделам естественных и гуманитарных наук. С 1836 по 1894 гг. Академия выпускала «Bulletin scientifique» («Ученые известия»), где публиковались статьи по всем видам исследований. С 1839 г. на протяжении 60 лет выходил сборник «Beiträge», в котором публиковались материалы по истории Русского государства и сопредельных стран Азии⁸. Всего было издано 90 томов. С 1862 по 1895 гг. было выпущено 75 томов общеакадемического журнала «Записки Императорской Академии наук»⁹.

Академики ИФО являлись руководителями музеев и комиссий: Азиатский музей (1818 г.), Этнографический (в 1878 г. переименован в Музей антропологии и этнографии), Русский нумизматический кабинет (в 1874 г. переименован в Музей классической археологии, который в 1894 г. был передан Эрмитажу), Археографическая экспедиция (1829 г.), Императорская археографическая комиссия (1834 г.), Российская Императорская Археологическая комиссия (1859 г.)¹⁰. Создание научных музеев происходило в рамках структурных изменений Академии наук, вызванных требованиями нарастающей дифференциации научных знаний, которая не позволяла одному ученому руководить всеми отделами единого музея, коим изначально являлась Кунсткамера. Директора музеев отвечали за сохранность всех материальных ценностей, вверенных в их попечение, и были обязаны заботиться о пополнении хранящихся в музее коллекций. Но на это требовалось разрешение Общего собрания с последующим одобрением президента, поскольку руководители этих учреждений имели право производить единовременные расходы лишь в пределах 6 рублей. Все лица, возглавлявшие музеи, не получали, согласно уставу, за свои дополнительные обязанности никакого вознаграждения¹¹. Каждое из учреждений имело крайне немногочисленный обслуживающий персонал. Так, нужды двух музеев (Нумизматического и Египетского) удовлетворял один хранитель¹².

Большой вклад внесли ряд экспедиций: в 1914 г. экспедиция сотрудников Музея антропологии и этнографии супругов А. М. и Л. А. Мервардтов в Индию и на Цейлон; археолого-лингвистическая экспедиция С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан. Значительное воздействие на развитие науки оказывала деятельность научных обществ: общество истории и древностей российских (1804), Общество любителей древней письменности (1829–1929), Русское историческое общество (1866–1920), Русское антропологическое общество (1888), историческое общество при Санкт-Петербургском университете (1889) и др.¹³.

Таким образом, анализ структуры и организации научной деятельности ИФО позволяет рассмотреть механизм его институционализации как составляющего структурного элемента исторической науки. На протяжении второй половины XIX в. была расширена его научная деятельность, открыты новые академические музеи, организованы экспедиции, осуществлялась издательская деятельность. Наряду с действительными членами Академии наук, приглаша-

лись для работы ведущие отечественные и зарубежные ученые в качестве членов-корреспондентов и почетных членов Академии. Получили развитие международные связи. Но утвердившаяся «идеальная» классическая модель высшего образования отличалась в России своеобразием, обусловленным социокультурными и политическими условиями Российского государства. В период реформ и контрреформ ИФО, как и Академия наук в целом сохраняли консерватизм, проправительственную ориентацию, а фундаментальные академические исследования считались приоритетными.

¹ В данный период на историко-филологическом отделении трудились 17 академиков: В. Г. Васильевский, В. О. Ключевский, П. Г. Виноградов, И. И. Янжул, М. М. Ковалевский, В. Р. Розен, В. В. Радлов, С. Ф. Ольденбург и др. См.: Общий список членов Им. Академии наук со дня ее основания // Записки Академии наук. СПб., 1873. Т. XXII, кн. 2. С. 285–391; *Модзалевский Б. Л.* Список Имп. Академии наук. СПб., 1908; он же. Список действительных членов АН СССР, 1725–1925. Л., 1925; Академия наук СССР: персональный состав (1724–1974). Кн. 1. М., 1974; Персональный состав с 1724 года // Члены РАН (<http://www.ras.ru/members/personalstaff1724.aspx>).

² Устав Академии наук 1836 г. § I // Уставы Российской академии наук, 1724–1999. М., 1999.

³ Там же. § II.

⁴ *Соболева Е. В.* Борьба за реорганизацию Петербургской Академии наук в середине XIX века. Л., 1971. С. 46.

⁵ Устав Академии наук 1836 г. § 34.

⁶ Там же. § 108; *Соболева Е. В.* Указ. соч. С. 40.

⁷ Заседания Археографической комиссии // ЖМНП. 1852. № 11–12. С. 23–40.

⁸ *Weiträge*. Т. 1–90. СПб., 1839–1899.

⁹ Записки Императорской Академии наук. Т. 1–75. СПб., 1862–1895.

¹⁰ Музеи РАН / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М., 1998.

¹¹ Устав Академии наук 1836 г. § 100–107.

¹² Там же. § 104.

¹³ *Хартанович М. Ф.* Научные общества России // Вестник Российской Академии наук. Т. 66. 1996. № 12. С. 27–32.

Пьянков Степан Александрович
Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург)

ЗЕРНОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Земледелие в крестьянском хозяйстве Пермской губернии, несомненно, играло ведущую роль. Произведенная сельскохозяйственная продукция, исчисленная на одно хозяйство или на одну душу сельского населения в данном случае, значительна не только в своем натуральном выражении, а также как эквивалент вообще всех материальных благ, получаемых крестьянами от земли.

Несмотря на существующее ландшафтное разнообразие территории, хозяйственной организации крестьянских хозяйств Пермской губернии были при-

суши общие особенности. Резко континентальный климат, с преобладанием зимнего периода над летним, необходимость удобрять поля, сравнительно широкое потребление мясных и молочных продуктов, большие расстояния населенных центров друг от друга, громадный в различных направлениях гужевого извоз обусловили необходимость обширного скотоводства, а, следовательно, потребность в значительных запасах фуража. Краткость летнего периода полевых работ обуславливала резкое преобладание яровых посевов над озимыми. Удаленность же полей от усадебной оседлости вызвала необходимость делить полевые земли на ближайшие к жилью (удворные) и отдаленные (окольные)¹.

Удворными пашнями называли расположенные вблизи селений, обыкновенно они огораживались и эксплуатировались по трехпольной системе с удобрением парового поля. Полевыми или окольными землями называли пашни, удаленные от усадеб, на них господствовало «пестрополье», земля за удаленностью обыкновенно не удобрялась, плодородие восстанавливалось оставлением земли в залежь – «шутем»².

Система «пестрополья» характеризовалась тем, что отдельные поля хозяйства не были связаны севооборотом, и цикл посевов на них совершался вне связи с другими участками, иногда в виде беспорядочного посева хлеба по хлебу, иногда обладая некоторой периодичностью³.

Основные посевные площади Пермской губернии были заняты рожью, пшеницей, овсом и ячменем. Доля этих культур в посевах на крестьянских землях составляла 93,8 % в 1881 г. и 94,0 % в 1914 г. Наибольшую долю посевных площадей занимал овес – 38,1 % в 1881 г. и 34,0 % в 1914 г. Посевные площади основных продовольственных хлебов (рожь, пшеница, ячмень) составляли 55,7 % в 1881 г. и 60,0 % в 1914 г.⁴

На протяжении исследуемого периода основной тенденцией зернового производства был рост валовых сборов, который обуславливался увеличением посевных площадей. Сокращения площади посева в крестьянских хозяйствах всегда имели вынужденный характер, происходило это в результате длительного спада валовых сборов, а также в год, которому предшествовал сильный неурожай, когда неприкосновенный семенной фонд вынужденно шел на продовольственные нужды. Колебания урожаев вызывали и колебания в потреблении населения. Но между сборами и потреблением на душу населения существовал ряд промежуточных звеньев, которые видоизменяли влияние урожая на потребление. К сбору присоединялись запасы от прошлого года, и получалась хлебная наличность в хозяйстве, которая более непосредственно влияла на потребление, чем сбор. Часть этой хлебной наличности даже в самые неурожайные годы продавалась для выплат податей. Фонд потребления крестьянской семьи составляли продовольственные хлеба, оставшиеся после выплат податей и отложенного запаса посевного материала.

По данным правительственной комиссии, к 1901 г. в 50 губерниях европейской России в среднем на одного сельского жителя от надельной земли получалось по 16,6 пудов продовольственного хлеба (к нему причислен и картофель в пропорции 1:3). Однако, в литературе наиболее часто фигурировала

продовольственная норма в 20 пудов на человека в год, которая примерно обозначила действительную потребность сельского населения в продовольствии⁵.

В данном случае интерес представляют данные не только о нормах потребления пищевых продуктов, но и фактический уровень потребления пищевых продуктов, исходя из местных климатических условий. Данные о количестве и структуре потребляемых пищевых продуктов имеют отрывочный характер и содержатся в земских статистических трудах.

Опубликованные материалы подворной переписи 1890–1891 гг., охватившие 8 из 47 волостей Оханского уезда, показывают, что основу продовольственного бюджета крестьянского хозяйства составляли продукты полеводства. С учетом проданного и приобретенного хлеба, а также с учетом вычета на посев в среднем на одного человека потреблялось 16,48 пудов продовольственных хлебов, плюс 0,44 пуда приобреталось мукой, итого 16,94 пудов. Отметим, что данные, собранные подворной переписью, в этом случае, на наш взгляд, не являются полностью типичными и отражают количество потребляемых пищевых продуктов в условиях неурожая 1890–1891 гг.⁶

Объемы потребления находились в определенной зависимости от экономического состояния хозяйства, которая в свою очередь определялась количеством работников и ценностью капитала, которым обладало хозяйство, выражавшееся размером посевной площади и численностью рабочего скота.

Исследование экономического благосостояния крестьянских хозяйств Красноуфимского уезда заведующим оценочным бюро Пермского губернского земства Г. И. Баскиным, проведенное в 1903 г., указывает, что уровень потребления на одну душу был выше в больших крестьянских семьях, являвшихся экономически более состоятельными. Бюджетные описания крестьянских дворов позволяют констатировать, что расход производимого продовольствия на личное потребление играл во всех хозяйствах наиболее важную роль. Количество потребляемых хлебов находилось в рамках удовлетворения самых насущных потребностей крестьянской семьи. Во всех группах рожь являлась самым важным продовольственным хлебом, пшеница потреблялась в меньшем количестве, но относительное значение ее возрастало при увеличении площади посева на хозяйство. Потребление хлебов в крестьянской семье с посевом до 2 дес. в среднем составляло 14,5 пудов на едока, в том числе ржи – 11,4 пудов, и росло по мере увеличения трудовых ресурсов семьи. В посевной группе 20,1 – 25 дес. на одного едока приходилось 26,2 пудов хлеба. Недостаток в продовольственных хлебах пополнялся картофелем. Продовольственное обеспечение в крестьянских хозяйствах с малой площадью посева было ниже не только в количественном, но и в качественном отношении. Доля картофеля как продовольственного продукта возрастала с уменьшением размера хозяйства⁷.

Вопрос об определении продовольственной нормы в масштабах губернии возник перед земскими статистиками в связи с неурожаем 1901 г. Первоначально продовольственная норма определялась в 15 пудов на едока⁸.

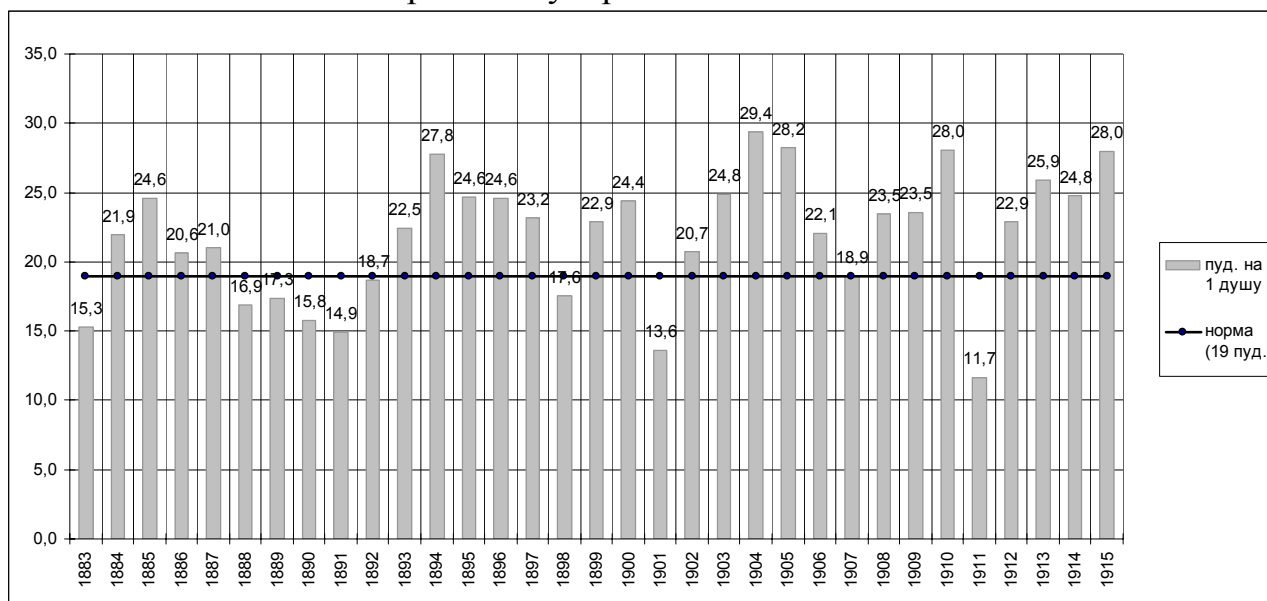
Однако, анкетное исследование земства, проведенное в августе 1903 г., показывало, что годовая потребность в продовольствии населения была значительно выше. По показаниям 802 корреспондентов в среднем годовая потреб-

ность взрослого человека определялась 24,2 пуда хлебов, для подростка возрастом до 15 лет – 17,8 пудов, ребенку от 5 до 10 лет требовалось около 12,8 пудов, а на ребенка до 5 лет – около 7,9 пудов⁹.

С 1904 г. продовольственная норма для расчета обеспеченностью продовольствием населения была повышена и определялась в 19 пудов на едока¹⁰.

Диаграмма 1

Производство продовольственных хлебов на душу сельского населения
Пермской губернии 1883–1915 гг.*

* Сост. по: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915. (Материалы ЦСК по урожаям на наделных землях). М., 1928. С. 125–128; *Зайцев В.* К вопросу о численности населения Европейской России // Влияние неурожая на народное хозяйство России. Ч. 2. М., 1927. С. 81.

Анализ данных о валовом сборе основных продовольственных культур на душу сельского населения, в число которых входили рожь озимая и яровая, пшеница, ячмень, полба, гречиха, горох, просо, указывают на фактически постоянный недостаток производимых хлебов (Диаграмма 1). Овес в данном случае не учтен, так как он относился к кормовым культурам и использовался населением в основном в качестве фуража. Валовой сбор на душу сельского населения, без вычета посевного материала, фиксирует уровень производства в 19 пудов на одного сельского жителя только 23 из 33 лет. Особо низкий уровень производства был в 1883, 1890–1891, 1901 и 1911 гг., отмеченных аномальными погодными катаклизмами.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что производство зерна в крестьянских хозяйствах Пермской губернии не покрывало продовольственные потребности населения. Крестьянское хозяйство испытывало высокую степень зависимости от окружающей природной среды, что было связано с сохранением традиционных экстенсивных способов ведения полевого хозяйства.

¹ *Егунов А.* Крестьянские хозяйства Пермской губернии // Сельское хозяйство и лесоводство. Т. 182. 1896. № 7. С. 573–574.

² Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении, лето и осень 1893 г. Вып. 2. Пермь, 1894. С. 1 прил.

³ См.: Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: избранные труды. М., 1989. С. 306–309.

⁴ Посевные площади, принимавшиеся центральным статистическим комитетом при разработке урожаев 1881, 1887 и 1893–1899 гг. по 50 губерниям европейской России. Временник ЦСК МВД. 1901. № 48. С. 33; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии, 1916 г. Пермь, 1916. Отд. 4. С. 5.

⁵ См.: Рыдзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 17.

⁶ Красноперов Е. И. Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890–1891 гг. Пермь, 1896. С. 207–208.

⁷ Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 32-й очередной сессии. Пермь, 1903. С. 909–911.

⁸ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1903 года. Пермь, 1904. С. 111.

⁹ Там же. С. 115.

¹⁰ Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1904 года. Пермь, 1905. С. 115.

Синельникова Елена Федоровна
Самарский государственный университет

Ф. Т. ЯКОВЛЕВ И ЕГО ВКЛАД В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ САМАРСКОГО КРАЯ

В начале XX в. в России происходило становление профессиональной археологии, но вместе с тем широко было распространено массовое увлечение изучением местной старины. Как в столице, так и в провинции появляются общественные организации и инициативные люди, которые стремятся всесторонне изучать свой край. Одним из таких деятелей в Самаре был Федор Тимофеевич Яковлев (1875–1933) – страстный коллекционер, археолог-любитель, человек увлеченный историей и стариной.

Федор Тимофеевич родился в Пскове в семье железнодорожного служащего, получил лишь начальное образование, и по стопам отца стал железнодорожным служащим. Из Пскова он перебрался на работу в Варшаву, а затем на маленькую польскую железнодорожную станцию Милостну. Потом, не позднее 1910 г., был назначен в Самару, где получил должность запасного агента I отдела службы движения Самаро-Златоустовской железной дороги, которую занимал до 1917 г.¹

На момент переезда в Самару Ф. Т. Яковлев, с раннего детства увлекавшийся историей и археологией и «занимающийся собиранием различного рода коллекций древностей»², уже состоял действительным членом Псковского археологического общества, сотрудником Общества археологии, истории и этно-

графии при Императорском Казанском университете и действительным членом Новгородского общества любителей древности³.

В начале 1910-х гг. в Самаре не существовало подобных общественно-научных организаций. Федор Тимофеевич использовал любую возможность для продолжения своих любительских изысканий. Каждое лето Ф. Т. Яковлев предпринимает «археологические экскурсии», знакомится с «местностями Самарского края»⁴. Уже в августе 1913 г. Ф. Т. Яковлев выступает в местной печати со статьями о Самаре и ее прошлом, пытается привлечь внимание общественности к проблеме охраны памятников старины и предметов древности⁵.

Федор Тимофеевич, хорошо знакомый с работой общественно-научных краеведческих организаций, решает создать в Самаре археологическое общество (далее САО) «для наилучшего охранения памятников старины, а также для систематической разработки древних предметов, их описания, сдачи в музей»⁶. Через газету «Волжское слово» ему удается найти близких по духу людей, «почитателей местной старины, любителей-коллекционеров»⁷, среди которых были весьма влиятельные и уважаемые в Самаре люди – присяжный поверенный А. Г. Елшин, преподаватель коммерческого училища А. П. Преображенский, народный советник Н. А. Гладыш, чиновник Самарского губернского правления Г. О. Досталь, управляющий заводом П. Н. Ефимов и др.

Ф. Т. Яковлев сам пишет Устав будущего Общества и, собрав все необходимые документы, обращается с ходатайством в Губернское по делам об обществах и союзах присутствие, заседание которого проходило 25 ноября 1913 г.⁸

В Присутствии, ознакомившись с проектом Уставом, постановили «в регистрации Самарского археологического общества... отказать»⁹. Несогласные с этим решением учредители Общества 13 декабря 1913 г. подали жалобу в первый департамент Сената¹⁰.

Вместо САО в Самаре по инициативе власти была создана Губернская ученая архивная комиссия, которая открылась 24 апреля 1914 г.¹¹ В уставе данной организации было записано, что «интересы науки в области археологии будут вполне обеспечены названной комиссией»¹².

Ф. Т. Яковлев в самом конце 1914 г. подает прошение о приеме в члены комиссии¹³. Летом 1914 г. Ф. Т. Яковлев, продолжая свои «археологические экскурсии», побывал близ села Кабаново и в Сарбае, где ему повстречались «находчики древних предметов»¹⁴ – крестьяне, которые при работе в полях находили разные древности и предметы старины и умышленно их уничтожали или отдавали кому-нибудь. В связи с этим Федор Тимофеевич обращается в Губернскую ученую архивную комиссию со следующими предложениями: напечатать воззвания к сельским священникам и учителям, чтобы все находки крестьян поступали в архивную комиссию¹⁵, провести археологические раскопки в известных ему местах (Ф. Т. Яковлевым было перечислено 10 местонахождений и памятников), чтобы Самарский музей был «достаточно пополнен предметами местного происхождения»¹⁶.

Наконец, 7 мая 1916 г. Устав САО был утвержден губернатором, а 25 мая в помещении городского музея состоялось первое общее собрание¹⁷. На этом собрании председателем был избран А. Г. Елшин, товарищем председателя –

П. А. Преображенский, членами правления – С. А. Хованский, В. Э. Бернер, К. П. Головкин, Ф. Т. Яковлев. В новой общественно-научной краеведческой организации, инициатором создания которой был Федор Тимофеевич, уделялось большое внимание археологическому изучению Самарского края.

Сразу же установив связь с Императорской Археологической комиссией, САО уже в октябре 1916 г. получило «Открытый лист» на проведение археологических работ на территории Самарской губернии летом 1917 г.¹⁸

Ф. Т. Яковлевым в 1916 г. в процессе написания работы «Сведения о городищах, курганах, случайных археологических находках и т. д. (материалы к составлению археологической картины Самарской губернии)» было начато составление археологической карты Самарской губернии «отдельно по уездам»¹⁹. Ф. Т. Яковлев приводит классификацию археологических памятников, известных в Самарской губернии, с подробным описанием типичных черт, характерных для каждого вида памятника. Он также дает описание предметов, обнаруженных при проведении раскопок²⁰. Федор Тимофеевич на общих собраниях САО сделал весьма важные доклады: «Об остатках древности и старины в Самарской губернии» и «Курганы в Самарской губернии»²¹, которые обобщали имеющиеся у САО данные об археологических памятниках Самарского края.

САО было обследовано языческое капище при разъезде Иванщеновка, совершены раскопки могильника у станции Тимашево, произведены одни из первых археологических работ на Барбашиной поляне, было начато составление археологической карты губернии, усиленно собирались и систематизировались сведения об археологических памятниках на территории Самарского края, проводились археологические разведки. Во всех делах Общества Ф. Т. Яковлев принимал самое активное участие, без него не обходились ни одни археологические работы Общества.

Именно деятельность САО заложила традицию проведения археологических исследований края силами общественно-научной организацией, располагавшейся в Самаре.

Сразу же после октябрьских событий 1917 г. Ф. Т. Яковлев был назначен на пост заведующего городским музеем, т. к. с 1915 г. Федор Тимофеевич избирался секретарем Комитета по заведыванию Александровским публичным музеем и много знал о музейной жизни. Ф. Т. Яковлев возглавлял музей два неполных года – с октября 1917 г. до середины лета 1919 г.²²

2 ноября 1919 г. при созданном в августе 1918 г. университете было организовано Самарское общество археологии, истории и этнографии (далее СОАИЭ), в которое вошло САО. Ф. Т. Яковлев активно сотрудничал и в этом Обществе, однако археологическими исследованиями стали занимались приезжие археологи-профессионалы (А. С. Башкиров, В. В. Гольмстен). Несмотря на это, Федор Тимофеевич не бросал давнего увлечения – все время существования СОАИЭ (до 1929 г.) он был членом археологической комиссии.

Интересные воспоминания об археологических занятиях Федора Тимофеевича оставил академик М. Н. Тихомиров, в то время живший в Самаре и работавший при СОАИЭ²³. Ф. Т. Яковлева он описывает так: «Худой человек небольшого роста, он одевался в какой-то странный сюртук, с развивающимися

фалдами. На голове его торчал старомодный котелок. <...> Считался он в свое время в Самарском отделе народного образования великим знатоком истории и археологии»²⁴.

В 1919 г. Ф. Т. Яковлев и М. Н. Тихомиров были направлены СОАИЭ в г. Пугачевск для обследования Иргизских старообрядческих монастырей. Сначала они прибыли в Спасо-Преображенский монастырь, где целью Ф. Т. Яковлева были раскопки, «которые он произвел в самом монастыре, выбрав для этой цели один небольшой курган»²⁵. Затем археологи отправились в село Криволучье, где «Федор Тимофеевич решил опять раскопать курганы. Это сопровождалось очень любопытным сборищем всей деревни»²⁶. Курганы оказались нанесенными сурками, но «Федор Тимофеевич не смущался своими археологическими неполадками даже прочел лекцию об археологии, которая, впрочем, заняла всего 10 минут... закончил лекцию словами: “призываю ко всеместной раскопке курганов”. Эти слова в дальнейшем вызывали страшнейшее возмущение археолога А. В. Арциховского»²⁷.

Как видно из воспоминаний М. Н. Тихомирова, Федор Тимофеевич обладал лишь начальными знаниями по археологии, но исследовательская энергия и любознательность этого человека никого не могли оставить равнодушным. Ф. Т. Яковлев являет собой примера человека, увлеченного идеей создания в Самаре общественно-научной организации краеведческого характера, и именно благодаря ему в Самаре появляется первое в своем роде – Самарское археологическое общество, которое, несмотря на вызовы времени, проводило археологические исследования Самарского края своими силами.

В последние годы жизни Федор Тимофеевич занимал должность управляющего делами Самарского Средне-Волжского краеведческого музея. В памяти потомков Федор Тимофеевич останется человеком, много сделавшим для археологического исследования края.

¹ См: *Алексушина Т. В.* Коллекционеры старой Самары. Самара, 2005. С. 291–294.

² ЦГАСО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

³ ЦГАСО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 8об.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ ЦГАСО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ ЦГАСО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 7. Л. 173.

⁸ ЦГАСО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

⁹ Там же. Л. 20.

¹⁰ Там же. Л. 21–23.

¹¹ Волжское слово. 1914. 28 октября.

¹² ЦГАСО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

¹³ ЦГАСО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 6.

¹⁷ ЦГАСО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

¹⁸ Там же. Д. 5. Л. 2.

¹⁹ Там же. Д. 3. Л. 25.

²⁰ Там же. Л. 22–26.

²¹ ЦГАСО. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 1–11.

²² *Алексушина Т. В.* Указ. соч. С. 305–307.

²³ См: Воспоминания М. Н. Тихомирова // Классика самарского краеведения: антология / Под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана. Самара, 2002; *Тихомиров М. Н.* Самара в моей жизни (1919–1923 гг.). Самара, 1994.

²⁴ Воспоминания М. Н. Тихомирова. С. 56.

²⁵ Там же. С. 58.

²⁶ Там же. С. 59.

²⁷ Там же С. 59–60.

Софьин Дмитрий Михайлович
Пермский государственный университет

ОЛЬГА КОНСТАНТИНОВНА – ГРЕЧЕСКАЯ КОРОЛЕВА ИЛИ РУССКАЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ?

16 ноября 1700 г. король Франции Людовик XIV, благословляя своего внука Филиппа, герцога Анжуйского, занять опустевший испанский престол, напутствовал его следующими словами: «Будьте хорошим испанцем, это в данный момент ваша благороднейшая обязанность...»¹.

Общепринятый в Европе XIX в. принцип династических браков предназначал дочерей монархов к тому, чтобы стать женой представителя иностранного царствующего Дома. Не была исключением и Россия. С одной стороны, девушки из Дома Романовых становились супругами иностранных владетельных особ. С другой стороны, женами Романовых-мужчин становились иностранные принцессы. Во всей монархической Европе само собой разумеющимся считалось, что принцесса обязана стать патриоткой страны своего мужа и полностью посвятить себя новой родине. Исключением из общего ряда была Ольга Константиновна.

Великая княжна Ольга родилась 22 августа 1851 г. в семье генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича, сына царствовавшего тогда императора Николая I и брата будущего императора Александра II. Спустя 11 лет, в 1862 г., в далекой Греции произошел государственный переворот: был свергнут с престола король Оттон I, представитель баварской династии Виттельсбахов. После вмешательства зарубежных стран в 1863 г. новым королем был избран представитель Датского Королевского Дома Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургов принц Христиан-Вильгельм-Фердинанд-Адольф-Георг, ставший основателем новой греческой династии и принявший имя короля эллинов Георга I. В 1867 г. его женой стала 16-летняя русская Великая княжна Ольга Константиновна. В Греции она получила титул королевы эллинов, а в России – Великой княгини.

Став королевой зарубежного государства, Ольга Константиновна, однако, продолжала считать себя прежде всего русской Великой княгиней. В одном из писем своему секретарю она написала: «Я не могу, не хочу представить себя не

русской и не православной – только этим и горжусь на земле»². Королева Ольга активно участвовала в жизни русской колонии в Греции и особенно русской Средиземноморской эскадры. Ее любовь к флоту словно бы передалась от отца, генерал-адмирала. Ольга всячески покровительствовала русским морякам и опекала их³. Летом на долгие недели и даже месяцы королева обычно уезжала в Россию. Она постоянно привозила в Россию своих детей, трое из которых заключили браки с представителями Дома Романовых.

В 1898 г. остров Крит, формально оставаясь в составе Османской Империи, получил статус автономии. Верховным комиссаром острова был назначен греческий принц Георг, сын Георга I и Ольги. На Крите находились миротворческие войска четырех держав – Франции, Италии, Великобритании и России. Ольга Константиновна неоднократно посещала на острове своего сына и каждый раз навещала русский экспедиционный отряд, который находился под ее постоянным покровительством⁴. В письме племяннику, российскому императору Николаю II, она говорила о «*наших* (здесь и далее выделено мной. – Д. С.) родных солдатах», о «*нашем чудесном войске*», которое она видит «так далеко от *родины*»⁵. Таким образом, Греция так и не стала настоящей родиной для королевы.

В течение всех десятилетий пребывания на греческом престоле королева Ольга никогда не переставала покровительствовать русским морякам. В 1902 г. специально для русских моряков она построила в Пирее Русский госпиталь. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. там лечились раненые портартурцы. Королева уделяла им очень много времени, могла часами просиживать возле постелей раненых и больных⁶.

В случае необходимости Ольга Константиновна выдавала матросам пособие из своих денег, проявляла большую энергию в деле строительства храма-памятника морякам, павшим во время русско-японской войны, называла своим домом не Татой (резиденцию греческой королевской семьи близ Афин), а петербургский Мраморный дворец, в который каждый год приезжала на длительное время⁷. Трогательную заботу королева проявила в отношении лейтенанта М. Ю. Гаршина, здоровье которого вследствие тяжелого ранения во время осады Порт-Артура не позволяло продолжать службу на флоте. Чтобы не оставить офицера без средств к существованию и дать ему возможность проживать в подходящих климатических условиях, Ольга Константиновна, невзирая на возражения мужа, добивается назначения его состоять при себе: «Возражения Короля были: что <Российское> Государство должно заботиться о своих калеченых воинах – на это я возразила, что, конечно, должно было, но так как оно этого не делает, то я не могу, сложа руки, смотреть, как человек погибает. Еще Король говорил, что назначение Русского произведет здесь дурное впечатление, а я возразила, что это никто и не заметит – место не официальное...»⁸. В итоге, М. Ю. Гаршин все-таки стал личным секретарем королевы. О том, что и спустя более чем 40 лет Греция оставалась для Ольги «чужбиной», красноречиво свидетельствуют такие строки: «...как бы мне хотелось быть в Мраморном, дышать *родным* воздухом среди *родных* людей»⁹; «...21го с Божьей помощью буду

дома, в милом Мраморном»¹⁰; «На днях два месяца, что я уехала [из России]; кажется вечностью, и я уже мечтаю, как опять к вам поеду...»¹¹.

Российский, а не греческий патриотизм Ольги Константиновны ярко иллюстрирует один весьма характерный эпизод. Когда яхта королевы шла мимо Константинополя, один из придворных при виде мечети Айя-София спросил свою государыню: «Когда же, наконец, греческий флаг будет развеваться над бывшим византийским собором?». В то время греки мечтали воплотить в жизнь «Μεγάλη Ιδέα» («Великую идею»), в соответствии с которой в состав греческого королевства должны были войти земли Османской Империи, населенные греками, вместе с исторической столицей греко-византийской цивилизации. Но Россия имела собственные виды на Константинополь и проливы. Поэтому на вопрос придворного королева ответила: «Ποτέ» («Никогда»)¹². Справедливость, однако, требует отметить, что в ряде случаев Ольга Константиновна все же обращалась к российскому императору в интересах Греции¹³. При этом Николая II греческая королева, которая формально имела равный с ним статус, называет «моим царем»¹⁴.

Существовавший во всех европейских монархиях императив, что жена должна быть патриотом родины своего мужа, сохранял свою силу и во время Первой мировой войны, расколовшей монархическую Европу. Яркой патриотической позицией императрицы Александры Федоровны не была поколеблена даже тем обстоятельством, что ее родной брат, которого она очень любила, великий герцог Гессенский Эрнст-Людвиг, находился теперь по другую сторону баррикад. Жены российских Великих князей, урожденные немецкие принцессы, проявили себя горячими патриотками России. С российскими женами немецких владетельных особ была зеркальная ситуация: так, сестра Александра III, вдовствующая герцогиня Саксен-Кобург-Готская Мария Александровна во время войны активно поддерживала немецкую армию и императора Вильгельма II.

Ольга Константиновна по-прежнему составляла исключение из правил. В марте 1913 г. ее муж, король Георг I, был убит. Этим порвалась наиболее крепкая нить, связывавшая Ольгу с Грецией. Во время мировой войны королева эллинов неотлучно находилась в России, открыла лазарет для раненых, после чего, выдержав экзамены на сестру милосердия, работала в этом качестве. Активная поддержка России Ольгой Константиновной особенно показательна, учитывая то обстоятельство, что Греция вплоть до 1917 г. оставалась нейтральной страной, а сын Ольги, король Константин I (XII), как и его сын и наследник герцог Георг Спартанский, считались сторонниками прогерманской ориентации¹⁵. Даже после большевистского переворота Ольга Константиновна не хотела покидать Россию и не переставала ухаживать за ранеными. Лишь тяжелая болезнь свергнутого к тому времени короля Константина заставила ее в мае 1918 г. покинуть страну, которую она всегда считала своей единственной родиной¹⁶.

В октябре 1920 г. король Константин, свергнутый в июне 1917 г., был восстановлен на престоле, и до его возвращения Ольга, прибывшая в Грецию ранее, в течение двух месяцев официально была регентшей страны. Спустя менее чем два года, в сентябре 1922 г., Константин вторично лишился престола и

отправился в изгнание на Сицилию, в Палермо, где через несколько месяцев умер. Королева Ольга пережила старшего сына на три с половиной года и скончалась в Риме 18 июня 1926 г.

¹ Мауэрер Э. Филипп V (1700–1724/1724–1746) // Испанские короли. Ростов-н/Д., 1998. С. 198.

² Цит. по: Федорченко В. И. Дом Романовых: энциклопедия биографий. Красноярск; М., 2003. С. 259.

³ См.: Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата, 1893–1922. М., 1959. С. 117; Кирилл Владимирович, вел. кн. Моя жизнь на службе России. М., 2006. С. 62–63; Соколовская О. В. Россия на Крите: из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006. С. 68, 89.

⁴ Соколовская О. В. Указ. соч. С. 68, 90.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ См.: РО ИРЛИ РАН. Ф. 137. Оп. 1. Д. 230. Письма королевы Ольги Константиновны Великому князю Николаю Николаевичу-младшему, 1909–1910 гг.

⁸ Там же. Письмо от 1 марта 1909 г. Л. 18–18об.

⁹ Там же. Письмо от 19–20 декабря 1909 г. Л. 33об.

¹⁰ Там же. Письмо от 1 августа 1910 г. Л. 39–39об.

¹¹ Там же. Письмо от 19 ноября 1910 г. Л. 44.

¹² См.: Соловьев Ю. Я. Указ. соч. С. 120.

¹³ См., например: Соколовская О. В. Указ. соч. С. 27, 58, 59, 83, 132.

¹⁴ Там же. С. 61.

¹⁵ См.: Шавельский Г., протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996. С. 61–62; Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 116; Федорченко В. И. Указ. соч. С. 269; Улуян А. А. Политическая история Греции XX века. М., 2004. С. 20–23; Ботсвейн Т., Николсон К. Греция: история страны. М; СПб., 2007. С. 306–313.

¹⁶ Гавриил Константинович, вел. кн. В Мраморном дворце: мемуары. М., 2001. С. 375; Федорченко В. И. Указ. соч. С. 259–261.

Ставский Константин Олегович
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОЗНАНИЕ ГЕРМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ НСДАП В ПЕРИОД ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАК «ПАРТИИ ВЛАСТИ»

*«Кому принадлежит молодежь –
тому принадлежит будущее»*
Й. Геббельс

В современном обществе механизмы манипулятивного воздействия не только проникают во все сферы социальной жизни, они становятся исключительно изолированными и трудно осознаваемыми. Одним из показательных примеров в истории манипуляции является система управления общественным сознанием, разработанная и успешно реализованная на практике Национал-

социалистической рабочей партией Германии в 1920-х гг., в период ее формирования как «партии власти».

На протяжении четверти века идеологи национал-социализма пытались претворять свои теории в жизнь. В первую очередь, это был Адольф Гитлер, одержимый идеей «улучшения расы», которая начала преследовать фюрера с восемнадцатилетнего возраста. В 1907 г. Гитлер был вынужден переехать к родственникам в Вену. К тому времени он был недалеким, забросившим две школы юношей. Вследствие необразованности и увлечения книгами по оккультизму и астрологии, на его мировосприятие сильно повлияли материалы антисемитского журнала «Остара»¹, который издавал один из проповедников расизма и антисемитизма в Австрии бывший монах Георг Ланц фон Либенфельс. В его брошюрах движущей силой истории объявлялась война между «белокурой расой господ» и неполноценными расами, аффлингами (*Affe с нем.* – обезьяна). Тем самым, Гитлер в своей «нацистской библии» «Майн кампф»² проповедовал как эти идеи, так и максимальное отчуждение молодежи от «лишней» информации.

«Зачем нужна парню, который хочет изучать музыку, геометрия, физика, химия? Что он будет помнить из этого потом? Ничего!» То есть, Гитлер считал, что в школах необходимо избегать «преувеличенного образования – “массажа мозга”». Государственная политика Третьего Рейха посредством воспитания, ориентированного на расовую теорию и идею элитарности немцев, была направлена на формирование у молодежи «новых народных ценностей». Вместе с тем национал-социалисты стремились к полной политизации молодежи, которая в будущем должна была позаботиться о развитии и сохранении германского государства и процветании национал-социалистических ценностей.

При создании и совершенствовании структур воздействия на молодежь, в нацистской Германии основным манипулятивным приемом являлось развитие мифологического сознания. На основе этого успешно внедрялся страх оказаться вне общности, т. е. при малейшем отходе от массовых принципов в сторону индивидуальности, у молодого германца подсознательно формировался комплекс собственной неполноценности. Мифологическое восприятие особенно результативно подпитывалось некими националистическими ритуалами, направленными на поддержание хрестоматийного представления о превосходстве нордической расы.

Постоянная подпитка, необходимая для закрепления абсолютных ценностей «нового великого строя» и принадлежности к нему, требовала в качестве манипулятивного приема ритуальных действий, проведение которых сопровождалось на эмоциональном, подсознательном уровне «промыванием мозгов». Ярким примером считаются знаменитые факельные шествия. Молодые немцы ночами маршировали с горящими факелами в руках по улицам и проспектам населенных пунктов Германии. Молодежь скандировала националистические лозунги, постепенно впадая в состояние измененного сознания, ажитации, эйфории от причастности к единственно правильному политическому режиму и великой миссии арийской расы.

Концепция нацистского воспитания, разработанная Гитлером в 1920-х гг., предлагала немецкой молодежи минимум жизненно необходимых знаний при

активнейшей националистическо-расистской «накачке». Фюрер считал обязательным контролировать среду духовных интересов молодежи. Наряду с этим, активная физическая подготовка и военная служба, по его мнению, должны были направить энергию «молодых масс» либо на подготовку, либо на непосредственное ведение военных действий.

Основным девизом такой воспитательной работы могли бы стать следующие слова: «...государство будет видеть главную свою задачу не в том, чтобы накачивать наших детей возможно большим количеством знаний, а прежде всего в том, чтобы вырастить вполне здоровых людей. Лишь во вторую очередь мы будем думать о развитии духовных способностей. Но и в этой области мы будем думать прежде всего о том, чтобы развить в нашей молодежи характер, волю, силу решимости, а в сочетании с этим мы будем систематически работать над тем, чтобы развить в ней чувство ответственности. Лишь в последнюю очередь мы будем думать о чисто школьном образовании»³.

Школа, согласно нацистской идеологии, должна выращивать солдат, готовых захватить мир, и более никого: грядущей национал-социалистической Германии требовались прежде всего солдаты. Школа и армия сливались в одно целое: оканчивая среднее учебное заведение, юноши должны были немедленно попадать в армию, где и продолжалось их физическое развитие.

Молодому человеку, прошедшему полный курс нацистской подготовки, выдавались два документа: во-первых, гражданский диплом, документ, разрешающий заниматься общественной деятельностью; во-вторых, свидетельство о состоянии физического здоровья, дающее право вступать в брак. Люди же, не прошедшие нравственно-физическую подготовку, лишались всех гражданских прав и становились изгоями.

Кроме того, с начала 1920-х гг. при НСДАП действует молодежная организация Гитлерюгенд⁴, которая уже к 1939 г. взяла под свой контроль ни много ни мало 8 700 000 молодых немцев, при общей численности германской молодежи к началу 1939 г. – 8 870 000 человек. Эта организация служила средством привлечения в национал-социалистическое движение молодого поколения. С установлением в Германии партийной диктатуры, Гитлерюгенд, наращивая свои силы и расширяясь, поглотил все остальные германские молодежные объединения. 1 декабря 1936 г. нацистами был издан «Закон о Гитлерюгенд», провозглашающий всегерманский характер этого подразделения правящей партии. Было объявлено, что «вся немецкая молодежь объединяется в Гитлерюгенд», чтобы получить «физическое, духовное и нравственное воспитание в духе национал-социализма для службы народу и национальному единству». Примером направленной идеологизации молодежи также являлось распространение пропаганды и на игровое пространство. Это началось незадолго до прихода Гитлера к власти. В начале 30-х гг. XX в. наиболее популярными германскими игрушками были миниатюрные копии военной техники (танков, бомбардировщиков, линкоров и т. д.), боевого вооружения, которое немцам запрещалось иметь по условиям Версальского мира. На упаковке милитаристских моделей изображались поучительные надписи вроде: «Бомбовоз высшего качества. Версаль-

ский договор лишает Германию возможности защищать свои границы. Но придет день, когда Германия порвет свои цепи. Помни об этом!».

В течение восьми лет Национал-социалистическая рабочая партия Германии эффективно использовала различные методы манипулятивного воздействия на электорат. Идеологической базой этих PR-технологий явились положения «фундаментального» труда фюрера «Майн кампф» и его предвыборной программы: идеи расовой чистоты и антисемитизма, принцип национальной автаркии, не исключавший захват Европы и постепенного распространения «жизненного пространства» на Восток; идеи социальной справедливости и независимости германской экономики от иностранного капитала, неформальное стимулирование молодого поколения немецких граждан к ведению здорового образа жизни (спортивные молодежные объединения Германии в те годы объединяли более 2 000 000 человек).

Книга «Майн кампф» распространялась огромными тиражами – более 5 млн. экземпляров в год. Вместе с ней активно пропагандировались идеи фюрера. Молодые умы, как никто иной, оказались подвержены нацистским манипуляциям.

Кроме того, неискушенным историческими познаниями молодым людям было приятно осознавать себя наследниками великой арийской расы: стоит только поддержать фюрера, и жизнь в стране сразу улучшится (так они и поступили в дальнейшем), работать на благо фюрера – долг всех немцев.

Итогом четырнадцатилетней интенсивной манипулятивной кампании, направленной на все слои германского общества, явилась закономерная победа «партии власти» – которая сама себя провозгласила таковой.

Если 31 июля 1932 г. на выборах в рейхстаг национал-социалисты получили 13 418 000 (37 %) голосов, то уже 5 марта 1933 г. они набрали 17 277 180 голосов (44 %). Причем их противники – социал-демократы получили 7 181 629 голосов, а коммунисты – 4 848 058. Фюрер стал рейхсканцлером Германии, а позже и ее Президентом. Но это уже следующая, не менее интересная страница в мировой истории манипуляций.

¹ Подобные реакционные журналы выпускались в Вене до 1914 г.; именно из них Гитлер частично усвоил программу по уничтожению неарийских рас.

² «Mein Kampf» – фундаментальная книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма. Первый том книги («Eine Abrechnung») был опубликован 18 июля 1925 г. Вторым том, «Национал-социалистическое движение» («Die nationalsozialistische Bewegung») – в 1926 г. Первоначально книга называлась «4,5 года борьбы против лжи, глупости и коварства». Издатель Макс Аманн, сочтя название слишком длинным, сократил его до «Моей борьбы».

³ Гитлер А. Mein Kampf.

⁴ Гитлерюгенд – организация гитлеровской молодежи, возникшая в 20-х гг. После прихода нацистов к власти в Германии все молодежные союзы были запрещены, а их имущество передано Гитлерюгенду. С 1936 г. принадлежность к данной организации стала обязательной. По достижении 18 лет молодежь проходила годичную рабочую повинность, а затем призывалась в армию.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕКАТЕРИНБУРГА (СВЕРДЛОВСКА) В 1897–1926 ГГ.

В период от первой всероссийской переписи 1897 г. до всесоюзной переписи 1926 г. произошли большие социальные, экономические и политические трансформации в нашей стране. Данные процессы не могли не повлиять на изменения в социальном и демографическом развитии населения: его численности, естественном движении населения.

Различные аспекты демографической истории Екатеринбурга (Свердловска) в анализируемый период были рассмотрены в трудах А. И. Кузьмина, А. Г. Оруджиевой, И. П. Мокерова, Д. Г. Суслопарова и др.¹

Таблица 1

Динамика численности населения Екатеринбурга (Свердловска) в 1897–1926 гг.²

год	мужского пола		женского пола		обоего пола	
	численность	%	численность	%	численность	в % к 1897 г.
1897	20193	46	23046	54	43239	100
1908	–	–	–	–	63403	146,6
1910	32690	46	37310	54	70000	162
1913	–	–	–	–	85918	198,7
1917	30487	42	41033	58	71487	165,3
1920 ³	42863	46	48894	54	91757	212,2
1923	46305	47	51454	53	97759	226
1926	62082	45	71339	55	136421	315

В предреволюционный период численность городского населения Российской империи росло невиданными до этого темпами. Например, в сообщении отдела городского хозяйства Главного управления по делам местного хозяйства в 1913 г. отмечалось: «За последнее десятилетие в условиях городской жизни произошли значительные изменения: наблюдается усиленный рост многих городов, вследствие передвижения населения из уезда...»⁴. Не стал исключением и Екатеринбург. При анализе таблицы 1 видно, что численность населения города в предреволюционный период увеличилась практически в два раза, если сравнивать 1897 г. и 1913 г. В качестве основных причин стоит указать на то, что Екатеринбург оставался одним из крупных торговых, административных и транспортных центров Пермской губернии. До революции 1917 г. в Екатеринбурге располагалась Уральское горное правление, в 1909 г. была построена железнодорожная ветка Пермь – Кунгур – Екатеринбург⁵. В советский период численность населения также увеличивалась. Среди основных факторов, ко-

торые способствовали этому, стоит указать на сохранение городом статуса важного административного центра: с 1919 г. Екатеринбург становится губернским городом, а с ноября 1923 г. центром огромной Уральской области⁶.

По данным переписи 1897 г. имело место преобладание числа женского населения над мужским населением. Перепись, проведенная в январе 1917 г., зафиксировала увеличение удельного веса женского населения, что можно объяснить последствиями Первой мировой войны. Данная диспропорция также фиксируется и в последующих переписях.

По данным первой всероссийской переписи населения доля детей и подростков от рождения до 16 лет составляла 31 %, тогда как доля людей старше 60 лет составила 7,3 %. Перепись 1920 г. зафиксировала увеличение доли детей и подростков в население города до 43,2 %, доля людей старше 60 лет также увеличилась до 8,1 %, что связано с уменьшением числа людей в трудоспособном возрасте в результате гражданской войны⁷. По переписи 1926 г. доля детей и подростков уменьшилась до 32 %, людей старше 60 лет до 4,7 %. Из данного анализа можно сделать вывод, что население города в первой четверти XX в. находилось на этапе демографической молодости согласно шкале демографического старения Ж. Божье-Гранье – Э. Россета.

Таблица 2

Этнический состав населения Екатеринбурга (Свердловска) в 1897–1926 гг.⁸

национальность	1897 г.		1926 г.	
	чел.	%	чел.	%
русские	41610	96	126526	92,7
татары	586	1,5	2972	2,1
поляки	272	0,6	638	0,4
евреи	212	0,5	3988	3
немцы	336	0,7	297	0,2
украинцы	20	0,04	493	0,4
белорусы	2	0,002	176	0,1
башкиры	68	0,1	40	0,03
чехи и словаки	–	–	638	0,4
латыши	15	0,03	169	0,1
литовцы			76	0,05
китайцы	–	–	97	0,7
эсты	–	–	97	0,7
прочие	118	0,3	241	0,2

При анализе таблицы 2 видно, что преобладающим этносом среди населения города были русские. Однако, сравнивая 1897 г. и 1926 г. можно заметить, что в советский период удельный вес русских уменьшается. В то же время увеличивается удельный вес татар, евреев, украинцев, белорусов. Удельный вес поляков, немцев уменьшился, что объясняется последствиями катаклизмов второй половины 1910-х гг. В то же время в переписи 1926 г. есть данные о национальностях, которые по переписи 1897 г. не были отмечены: чехи и словаки,

китайцы, эсты. Появление чехов и словаков связано с созданием чехословацкого корпуса, принявшего активное участие в гражданской войне⁹, а китайцев с привлечением их в качестве дополнительной рабочей силы на уральские заводы во время Первой мировой войны¹⁰.

Таблица 3

Воспроизводства населения Екатеринбурга (Свердловска)
в 1897–1926 гг., ‰¹¹

<i>год</i>	<i>рождаемость</i>	<i>смертность</i>	<i>естественный прирост</i>	<i>год</i>	<i>рождаемость</i>	<i>смертность</i>	<i>естественный прирост</i>
1897	39,2	33	6,2	1912	41,5	33,6	7,9
1898	41,7	36	5,7	1913	38,2	31,5	6,7
1899	40,5	35,5	5	1914	45,1	35,4	9,7
1900	42,7	34,8	7,9	1915	37,5	31,8	5,7
1901	42,3	37	5,3	1916	-	-	-
1902	40,5	40,2	0,3	1917	-	-	-
1903	36,4	36,1	0,3	1918	-	-	-
1904	35,2	36,2	-1	1919	-	-	-
1905	36,3	31,5	4,8	1920	35,8	61	-25,2
1906	33	27,3	5,7	1921	55,6	81,2	-25,6
1907	47,7	40	7,7	1922	26,7	107,2	-80,5
1908	47,6	38	9,6	1923	45,2	25	20,2
1909	42	41	1	1924	44	34,2	9,8
1910	45,6	31,8	13,8	1925	41,5	25,8	15,7
1911	41,7	36,1	5,2	1926	38	22,8	15,2

Рождаемость в течение всего периода оставалась на высоком или очень высоком уровне (см. таблицу 3), то же самое можно сказать о смертности. Синхронность в росте рождаемости и смертности указывает на то, что младенческая смертность была одной из главных причин в росте смертности. С 1902 по 1904 гг. естественный прирост был гораздо ниже, чем в другие годы. В 1901 г. в Пермской губернии был недород хлебов и овощей, что привело к проблемам с продовольствием¹², что и стало причиной роста смертности в 1902 г. В 1904 г. в городе фиксируется естественная убыль населения. К сожалению, невозможно восстановить данные о естественном движении населения с 1916 по 1919 гг. Однако, можно сказать, что именно в этот период в городе разразился первый демографический кризис¹³, который перерос в начале 1920-х гг. в демографическую катастрофу¹⁴, когда смертность резко превышала рождаемость. Наиболее высокий показатель коэффициента общей смертности относится к 1922 г. В качестве основной причины стоит указать на голод 1921–1922 гг. Кроме этого,

стоит указать на недостатки в развитии инфраструктуры города на тот период, которые были усилены дезорганизацией общественной жизни вследствие гражданской войны: антисанитария, отсутствие водопровода и канализации. В 1923 г. рекордный показатель естественного прироста связан с компенсаторной рождаемостью после демографической катастрофы предыдущих лет. С 1924 г. рождаемость и смертность возвращаются к дореволюционным показателям. Несмотря на отрицательный естественный прирост, в 1920–1922 гг., численность населения города, тем не менее, с 1920 по 1923 гг. увеличилась, что можно объяснить миграцией в город¹⁵.

Таким образом, в течение первой четверти XX в. численность города увеличилась более чем в три раза. Особенностью демографической структуры населения города стало то, что население Екатеринбурга по преимуществу оставалось молодым. Исходя из анализа воспроизводства населения, можно сделать вывод, что оно носило прогрессивный характер, что в целом характерно для традиционного общества. События гражданской войны и голода 1921–1922 гг. привели к демографической катастрофе в городе в начале 1920-х гг.

¹ Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Первые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1997; Мокиров И. П., Суслопаров Д. Г. Демографические процессы в Екатеринбурге (прошлое, настоящее, будущее). Екатеринбург, 1996.

² Составлено по: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1288. Оп. 25. Д. 47. Л. 17об.; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 353. Л. 112; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. СПб., 1904. Т. 38. С. 1; Города России в 1910 г. СПб., 1914. С. 145; К населению Екатеринбурга // Зауральский край. 1917. 19 января. № 5. С. 3; Итоги всесоюзной городской переписи 1923 г. // Труды ЦСУ. М., 1924. Т. 20. Ч. 1. С. 7; Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. / Под ред. В. С. Немчикова, П. Ф. Неволина. Свердловск, 1925. С. 48; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1928. Т. 4. С. 101.

³ С 1920 г. численность города дается вместе с пригородами: Верх-Исетский завод, с. Уктус, с. Шарташ.

⁴ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 281. Л. 1.

⁵ Екатеринбург: листая страницы столетий (1723–2008). Екатеринбург, 2008. С. 53–58.

⁶ Там же. С. 83.

⁷ Статистический ежегодник 1918–1920 гг. // Труды ЦСУ. М., 1921. Т. 8. Вып. 1. С. 55, 59.

⁸ РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 47. Л. 45об.

⁹ Дмитриев Н. И. Чехословацкий корпус // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 606.

¹⁰ Каменских М. С. Тайные организации китайцев на Урале в годы Первой мировой войны // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы IX Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 204–208.

¹¹ Составлено по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 30. Д. 9. Л. 2; ГАСО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 18, 31; Ф. Р-2793. Оп. 1. Д. 109–112, 133–141; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1899–1908, 1910–1915 гг. Пермь, 1899–1908, 1910–1915; Санитарный обзор Пермской губернии за 1907, 1914 гг.; Обзор Пермской губернии за 1915 г. Пермь, 1916. С. 52–53; Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 г. Екатеринбург, 1923. С. 35; Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1926. С. 18–19; Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск. 1927. С. 28–31.

¹² РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 552. Л. 5.

¹³ Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Население // Екатеринбург: энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 382–384.

¹⁴ Определение понятия «демографическая катастрофа» см.: Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в первой половине XX в. Новосибирск, 2000. С. 9–10.

¹⁵ Смирнов В. Н. Екатеринбург в настоящем (статистический очерк) // Екатеринбург за 200 лет (1723–1923 гг.). Екатеринбург, 1923. С. 268–283.

Шарапов Игорь Родионович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ОПТИМИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ, КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.

Характеристика основных моделей и концепций оптимизации территориально-политического пространства России усложняется прерывистостью политической истории Российского государства. Все оптимизационные проекты, предлагавшиеся на протяжении исторического развития России, укладываются в три больших периода: период Российской империи, период Советского Союза, период Российской Федерации. Каждый такой этап характеризуется не только собственной сеткой административно-территориального деления государства, но и специфическим набором терминов для его характеристики. Вместе с тем не стоит забывать и о соответствующей подготовке исследователей, которая от этапа к этапу возрастала. Все это существенно затрудняет классификацию предлагаемых для анализа подходов.

Однако, несмотря на разность терминологического аппарата и конкретно исторических условий возникновения и развития, можно выделить ряд общих проблем, которые практически идентичны в различных теориях. Таким образом, данные концепции приобретают вид некой эволюционной последовательности, отдельные звенья которой содержат конкретный набор проблем, развивающийся в сторону их минимизации или максимализации, и методов их решения, количество которых может не меняться или, напротив, обогащаться все новыми средствами и технологиями.

Кроме того, необходимо учитывать, что традиционно все дискуссии, так или иначе касавшиеся оптимизации территориально-политической структуры Российского государства (особенно это касается периода конца XIX – начала XX в.), проходили в рамках дилеммы «федерализм – унитаризм».

В целом, в большинстве предлагавшихся на протяжении XIX столетия реформаторских проектах господствовал принцип децентрализации. Квинтэссенцией данного принципа стал федералистский проект оптимизации территориально-государственной структуры Российской империи, предложенный председателем Совета министров П. А. Столыпиным.

Согласно ему, предполагалось разделить территорию России на 11 крупных областей – Польшу, Прибалтийскую, Северо-Западную, Правобережную и Левобережную Украину, Московскую, Верхнее и Нижнее Поволжье, Северо-Запад, Северную Россию, Степную область (Западная Сибирь). Критерием для их выделения должна была стать однородность этнического состава населения, производственного комплекса, географические связи. Для каждой из областей предполагалось создание собственной системы органов управления, встроеной в самодержавную властную вертикаль. Данные области получали достаточно широкие полномочия: вопросы, не являвшиеся для государства стратегически важными, планировалось передать в компетенцию местных областных администраций. При этом создавалась Государственная Дума, однако она являлась представительным органом без права законодательной инициативы. Новаторством Столыпина явилось то, что не все территориальные образования в составе Империи превращались в унифицированные области. Часть регионов сохраняла право достаточно широкой автономии (казачьи области, Туркестан, Восточная Сибирь, Крым и Кавказ)¹. Этим решалась проблема налаживания взаимоотношений с национальными окраинами государства, которые в условиях чрезмерной централизации управления представляли собой потенциально конфликтные территории.

Наиболее активным противником федерализации России в указанный период был В. П. Семенов-Тянь-Шанский². Он был одним из первых, кто попытался концептуализировать понятийный аппарат региональных исследований, введя понятия «штат» и «территория». Однако необходимо учитывать, что под штатом он подразумевал не протогосударственное образование, обладающее равными с федеральным центром правами, как в США, а часть государства, на которой проживает определенное количество населения, необходимое для нормального развития его производственно-экономического комплекса и социальной сферы, а также способное к ограниченному местному самоуправлению. Штаты (Тянь-Шанский называет их также земствами) представляют собой пространственно компактные территории, однако это не значит, что они национально однородны. Национальный вопрос в концепции Тянь-Шанского решается косвенно, за счет комплекса мер по развитию социально-экономической базы штатов и создания общей для всей страны инфраструктуры, которая, по мысли исследователя, должна служить объединяющим фактором. Территории, в отличие от штатов, являются наиболее обширными, устойчивыми в пространственном отношении и наименее густонаселенными частями государства. Они находятся на полном попечении центрального правительства, однако с течением времени могут трансформироваться в штаты путем увеличения количества жителей и создания соответствующей материальной базы для развития.

На всем протяжении XIX в. в рамках Российской империи господствовала идеология крайнего унитаризма, пытавшегося нивелировать фактор национальной разнородности страны, используя достаточно жесткие методы управления. Это отразилось и на большинстве концепций оптимизации территориально-политического устройства России в тот период, в который этническая разнородность политического пространства империи либо вообще не учитыва-

лась, либо учитывалась косвенно. Даже те проекты, которые предлагали решение этой проблемы (как, например, проект М. Н. Каткова³) реализованы в должной мере не были. Растущий национализм окраин в итоге стал одним из факторов, приведших к распаду империи. Поэтому политические силы, пришедшие на смену самодержавию, были поставлены в такие условия, при которых неучет национального фактора оказывался губительным для дальнейшего существования государства. Поэтому оптимизационные проекты, предлагавшиеся в конце 10-х гг. XX в. действующей властью, базировались на решении именно национального вопроса. Одной из таких концепций, которая была реализована в проекте нового государства, явилась теория федеративной государственности, предложенная партией большевиков.

Большевики, как и их оппоненты, кадеты, первоначально не видели необходимости в создании не только национальной государственности народов России, но и, тем более, превращения ее в федеративное государство. В общих чертах они пытались сохранить доставшееся от самодержавия политическое пространство с заменой некоторых принципиальных идеологических моментов. Право народов на самоопределение, являющееся базовым постулатом их концепции, они трактовали сугубо экономически. Однако уже после Октябрьской революции в принятой в ноябре 1917 г. «Декларации прав народов России» они признали реальное право народов бывшей Российской империи на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного национального государства.

Тем не менее, дискуссии о характере российской государственности продолжали вестись. Иногда они принимали достаточно острый характер. В частности, речь идет о подготовке Конституции РСФСР в 1918 г. Основными конкурентами стали проекты М. А. Рейснера и И. В. Сталина. Рейснер предложил провести субъектообразование в рамках нового государства без учета национального фактора. Кроме того, он не предполагал строгой централизации советских органов. Базовыми единицами советской федерации должны были стать коммуны, фактически представлявшие собой социально-экономические союзы. Российская Федерация должна была стать «федерацией областей»⁴.

В рамках сталинской концепции Россия виделась федерацией советских национальных республик. Субъектами федерации становились территории, отличавшиеся особым бытом и национальным составом населения. «Географический федерализм» категорически отвергался⁵. В июле 1918 г. все это получило закрепление в Конституции РСФСР. Новое государство стало «федерацией народов», с провозгласившими независимость республиками устанавливались договорные отношения. Однако уже через четыре года наметились серьезные разногласия между формально-договорным принципом построения отношений с республиками и реальными требованиями политической ситуации, которые часто требовали более широких полномочий центральной власти, чем те, которые были указаны в договорах. Все это привело в итоге к образованию СССР, в рамках которого принцип формальной независимости республик как государственных образований был заменен на достаточно широкую автономию в составе нового государства. Однако такое положение вещей не могло сохраняться

долго и в итоге в СССР возобладали тенденции к унитаризации, когда автономии приобрели во многом формальный характер.

Подводя итог, следует отметить, что большинство оптимизационных проектов, так или иначе возникавших на протяжении исторического развития России, реализовано не было. Рассматриваемый период – не исключение. Действующая власть обратилась к комплексному учету факторов развития государства только после 1917 г., и то в чрезвычайных условиях сохранения государственности как таковой. Тем не менее, даже будучи предельно теоретичными и спекулятивными, многие из этих проектов впервые обратили внимание на такие важные для Российского государства проблемы, как национальный вопрос и проблема сохранения политического статуса национальных общностей в составе Российского государства, разграничение полномочий между Центром и регионами, самостоятельность региональных органов власти, наличие автономных образований в составе государства, эффективное развитие труднодоступных регионов России, проблема ресурсообеспеченности отдельных территорий, необходимость создания единого политического пространства и др. Нетрудно заметить, что многие из них продолжают играть важную роль до сих пор, определяя современное состояние и перспективы развития территориально-политической системы Российского государства.

¹ См.: Из наследия П. А. Столыпина // Петр Столыпин: сборник / Сост. Г. И. Лысцов. М., 1997.

² Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4.

³ Катков М. Н. Имперское слово. М., 2002.

⁴ Рейснер М. А. Революция и федерация. Пг., 1917.

⁵ Сталин И. В. Организация Российской Федеративной Республики // Сталин И. В. Сочинения. Т. 4. М., 1947.

Юровецкая Анастасия Владимировна
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Бринцева Анастасия Андреевна
*НИИ Теории и истории изобразительного искусства
при Российской Академии художеств (г. Москва)*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ П. П. КОНЧАЛОВСКОГО С ЖИВОПИСНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПРОХОДИВШИХ РЕСТАВРАЦИЮ В ГосНИИРе

Рубеж XIX и XX столетий стал эпохой перемен для мирового художественного сообщества. Академизм уступает место сначала импрессионизму, а затем и постимпрессионизму с его новым живописным мировоззрением. Отойдя

от складывавшихся веками традиций, молодое поколение начинает экспериментировать с манерой живописи, с применяемыми материалами. Классическая живописная техника перестает отвечать тем требованиям, которые предъявляют ей прогрессивные художники, и они выходят на путь поисков новых, нестандартных технологий. Это относится ко всем элементам картины: основе, грунту, краскам, защитным лаковым покрытиям. Многочисленные эксперименты приводят к тому, что техника становится не просто инструментом создания живописного произведения, но и выразительным средством, влияющим на художественное восприятие.

Безусловно, подобные искания и изменения происходили не только в европейской живописи, но и в отечественном искусстве.

Одной из наиболее значимых фигур русской живописи первой половины XX в. был Петр Петрович Кончаловский (1876–1956), основатель художественной группировки «Бубновый валет»¹, член объединения «Мир искусства»². Ученик В. Е. Савинского (1859–1937) и П. О. Ковалевского (1843–1903), он получил классическое живописное образование в Петербургской Академии художеств, однако сразу после окончания обучения обращается к импрессионизму, а вскоре и к постимпрессионизму. «Я и в те годы инстинктивно почувал, что без каких-то новых методов нет спасенья, нельзя найти дорогу к настоящему искусству»³, – писал художник в этот период. В его живописи на протяжении всей жизни явно прослеживается влияние Поля Сезанна и кубистов.

Являясь ярким представителем художественного сообщества своего времени, П. П. Кончаловский также проводит эксперименты с живописной техникой, о чем мы хотели бы рассказать на примере произведений художника, проходивших реставрацию в Отделе станковой масляной живописи в Государственном Научно-исследовательском институте реставрации.

В течение последних нескольких лет в Отдел поступило четыре произведения П. Кончаловского: «Дом в Абрамцево»⁴ (1914, дата уточнена во время реставрации, ранее считалась работой 1919 г.), «Портрет Вишневого»⁵ (1921) из собрания Государственного историко-художественного и литературного музея-заповедника «Абрамцево» и «Натюрморт с сиренью»⁶ (1927) и «Натюрморт. Скрипка и череп»⁷ (1916) из Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки. Две из этих картин – «Дом в Абрамцево» и «Натюрморт. Скрипка и череп» – можно с полной уверенностью отнести к работам, на которых Кончаловский проводит свои технологические опыты.

При написании пейзажа «Дом в Абрамцево» художник экспериментирует с грунтом – вместо традиционного гладкого и белого, он использует состав собственного приготовления. По данным, полученным в Лаборатории физико-химических исследований ГосНИИРа, он состоит из мела, гипса, пигмента, клея и масла. Эту рыхлую массу цвета слоновой кости художник нанес неравномерным слоем, местами с утолщениями, а местами тонким слоем «в протирку» на поверхность крупнозернистого джутового холста желтоватого цвета. Полученная поверхность, напоминающая по своей текстуре венецианскую штукатурку, не только стала основой картины, но и вошла в произведение как его непосредственная часть. Композиция полотна предельно проста: представ-

лено фронтальное изображение дома с четырьмя окнами и мезонином, пересеченное стволами пяти деревьев. Пастозная красочная масса положена крупными локальными пятнами, при этом краска перекрывает авторский грунт не полностью, и он вместе с участками просвечивающего холста влияет на формирование законченного произведения. Благодаря тому, что грунт и холст имеют разные оттенки цвета, художник преодолевает ощущение эскизности и создает минимальными художественными средствами сложную вибрирующую живопись, которая передает ощущение пасмурного зимнего дня, создает спокойную поэтичную картину подмосковной зимы. Полотно формально относится к жанру пейзажа, но скорее представляет собой «портрет» дома.

Технологические эксперименты отразились на состоянии сохранности произведения: пастозный красочный слой потерял связь с грунтом и осыпался, в результате чего определение границы утраты красочного слоя и намеренного авторского пропуска стало практически невозможным, что и составило основную сложность при реставрации.

Особенностью картины «Натюрморт. Скрипка и череп» является, в первую очередь, специфическая методика, используемая автором для создания выразительной живописной фактуры. Исследование органических материалов в ЛФХИ ГосНИИРа показало, что красочный слой произведения, кроме традиционного масляного связующего, содержит воск, включенный художником в краску в различных пропорциях на разных участках полотна.

Применяя воск на пастозных фрагментах картины, Кончаловский буквально вылепливает форму предметов благодаря объемным выразительным мазкам. Живопись кажется легкой, быстрой, но при этом абсолютно реалистичной: изображенный череп и кувшин с кистями почти осязаемы, драпировка струится, увлекая взгляд зрителя. Однако когда после 80 лет бытования ослабла связь между эмульсионным грунтом и красочным слоем, потребовав провести укрепление, это изменение в технике поставило перед реставраторами чрезвычайно сложную проблему выбора методики. Традиционный способ укрепления красочного слоя предполагает нанесение профилактической заклейки из папирной бумаги. С целью укрепления красочного слоя и устранения деформаций холста заклеенная поверхность проглаживается утюгом (60°C) через фильтровальную бумагу. Учитывая наличие воска в качестве связующего, применение этой методики становилось абсолютно невозможным, так как нагрев поверхности красочного слоя непременно привел бы к деформации авторской живописной фактуры. После длительных исследований и пробных укреплений реставраторами отдела станковой масляной живописи был подобран специальный синтетический состав, который наиболее бережно и эффективно устранил расслоения красочного слоя и отставание от грунта.

После завершения реставрационных работ обе картины были переданы в музей и заняли достойное место в экспозициях наряду с другими произведениями Кончаловского.

Творческие и технические поиски русских художников начала XX в. привели к созданию множества памятников, ставших, несомненно, жемчужинами нашего культурного наследия. Однако подобные эксперименты зачастую при-

водили к трудностям с хранением картин, к преждевременному разрушению полотен. Задача современных химиков-технологов и реставраторов – проводить комплексные исследования произведений, определять особенности их создания для того, чтобы при необходимости восстанавливать их целостность и создавать условия для их дальнейшего существования.

¹ «Бубновый валет» – первоначально название выставки художников (декабрь 1910 г. – январь 1911 г.), впоследствии вошедших в одноименное творческое объединение, с 1911 г. – Общество художников «Бубновый валет». Художники «Бубнового валета» отрицали традиции как академизма, так и реализма XIX в. Для их творчества характерны живописно-пластические решения в стиле П. Сезанна (постимпрессионизм), фовизма и кубизма, а также возврат к приемам русского лубка и народной игрушки. Существовало до декабря 1917 г.

² «Мир искусства» – художественное объединение, сформировавшееся в России в конце 1890-х гг. Под тем же названием выходил журнал, издававшийся с 1898 г. членами группы. Основателями «Мира искусства» стали художник А. Н. Бенуа и театральная деятельница С. П. Дягилев. Ядро объединения составили выпускники гимназии К. И. Мая в Петербурге. Художественная ориентация «Мира искусства» была связана с модерном и символизмом. В противовес идеям передвижников художники «Мира искусства» провозгласили приоритет эстетического начала в искусстве. Члены «Мира искусства» утверждали, что искусство – прежде всего выражение личности художника.

³ Цит. по: *Никольский В. А.* Петр Петрович Кончаловский. М., 1936. С. 38.

⁴ П. П. Кончаловский. Дом в Абрамцево. 1914. Холст, масло. 52,5 x 62,5 см. Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево». Инв. № Ж-368.

⁵ П. П. Кончаловский. Портрет Вишневого. 1921. Холст, масло. 148 x 180 см. Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник «Абрамцево». Инв. № Ж-415.

⁶ П. П. Кончаловский. Натюрморт с сиренью. 1927. Холст, масло. 65 x 50 см. Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, фонд № 468, филиал – музей-квартира Н. С. Голованова. Инв. № 11.

⁷ П. П. Кончаловский. Натюрморт. Скрипка и череп. 1916. Холст, масло. 86 x 109 см. Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, фонд № 468, филиал – музей-квартира Н. С. Голованова. Инв. № 6.

Сведения об авторах

АЛИПОВ Павел Андреевич, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва), факультет истории, политологии и права, преподаватель.

АНАНЬЕВА Елена Сергеевна, Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет, соискатель.

АНТИПИН Николай Александрович, Челябинский государственный университет, исторический факультет, студент V курса.

БАЖЕНОВА Кристина Евгеньевна, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, социально-гуманитарный институт, аспирантка 3-го года обучения.

БАЗАРЬЕВА Лилия Петровна, Пермский государственный педагогический университет, исторический факультет, студентка IV курса.

БАЙКАЛОВА Ольга Сергеевна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет, аспирантка 1-го года обучения.

БАРАНОВА Алиса Ростиславовна, Пермский государственный университет, историко-политологический факультет, соискатель.

БРИНЦЕВА Анастасия Андреевна, Научно-исследовательский институт Теории и истории изобразительного искусства при Российской Академии художеств, аспирантка 3-го года обучения.

ВЕРШИНИНА Дарья Борисовна, Пермский государственный университет, историко-политологический факультет, кандидат исторических наук, старший преподаватель.

ВЛАСОВА Ольга Викторовна, Пермский государственный университет, историко-политологический факультет, студентка IV курса.

ГАБУШИН Константин Николаевич, Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург), кафедра общей и экономической истории, аспирант 3-го года обучения.

ГАВРИКОВ Алексей Александрович, Иркутский государственный педагогический университет, гуманитарный факультет, соискатель.

ГОРИНА Ольга Сергеевна, Пермский государственный университет, историко-политологический факультет, аспирантка 3-го года обучения.

ГРИГОРЬЕВА Светлана Евгеньевна, Тольяттинский государственный университет, исторический факультет, соискатель.

ДЕГТЯРЕВ Данил Сергеевич, Алтайский государственный университет (г. Барнаул), исторический факультет, студент V курса.

ДЕРЮШЕВА Марина Александровна, Пермский педагогический колледж № 1, преподаватель.

ДМИТРИЕВА Мария Викторовна, Пермский государственный университет, историко-политологический факультет, студентка IV курса.

ДОЛГОВА Анжела Валерьевна, Пермский государственный университет, историко-политологический факультет, соискатель, ассистент.

ДОМОВИТОВА Полина Ярославна, Пермский государственный университет, историко-политологический факультет, аспирантка 1-го года обучения.

ЕРМОЛАЕВ Михаил Сергеевич, Новосибирский государственный педагогический университет, институт истории, гуманитарного и социального образования, аспирант 2-го года обучения.

ЗАЙЦЕВ Виталий Александрович, Национальный музей Республики Татарстан (г. Казань), отдел истории и культуры Татарстана, старший научный сотрудник.

ЗАМОЗДРА Галина Николаевна, Челябинский государственный университет, исторический факультет, соискатель.

ЗУЛЬКАРНАЕВА Елена Зульфаровна, Уфимский государственный нефтяной технический университет, кандидат исторических наук, доцент.

ИПАТОВ Алексей Михайлович, Воронежский государственный педагогический университет, исторический факультет, аспирант 2-го года обучения.

КАМЕНСКИХ Михаил Сергеевич, Пермский филиал Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук, аспирант 3-го года обучения.

КРАВЧЕНКО Анастасия Александровна, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, факультет истории и международных отношений, соискатель.

КРУЖАЛИНА Анастасия Алексеевна, Иркутский государственный университет, исторический факультет, студентка IV курса.

КУЗНЕЦОВА Елена Александровна, Пермский государственный университет, историко-политологический факультет, студентка III курса.

МАТВЕЕВ Сергей Рафисович, Пермский государственный педагогический университет, исторический факультет, студент IV курса.

МЕЩЕРЯКОВ Александр Валерьевич, Оренбургский государственный педагогический университет, исторический факультет, студент III курса.

МИНЯШЕВ Виктор Сергеевич, Самарский государственный университет, исторический факультет, студент IV курса.

МИХАЙЛОВ Дмитрий Сергеевич, Оренбургский государственный педагогический университет, исторический факультет, студент III курса.

МУХАМЕТНУРОВА Оксана Ураловна, Челябинский государственный университет, исторический факультет, студентка IV курса.

МУХИН Дмитрий Александрович, Архитектурно-этнографический музей Вологодской области, старший научный сотрудник.

НАБОКИНА Татьяна Александровна, Челябинский государственный университет, исторический факультет, студентка V курса.

НАЗАРОВ Артур Маратович, Тольяттинский государственный университет, кафедра истории, аспирант 3-го года обучения.

ПОПОВА Анна Николаевна, Уральский государственный университет (г. Екатеринбург), исторический факультет, студентка I курса магистратуры.

ПЬЯНКОВ Степан Александрович, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург), исторический факультет, аспирант 3-го года обучения.

СИНЕЛЬНИКОВА Елена Федоровна, Самарский государственный университет, исторический факультет, студентка V курса.

СОФЬИН Дмитрий Михайлович, Пермский государственный университет, историко-политологический факультет, ассистент.

СТАВСКИЙ Константин Олегович, Уральский государственный университет (г. Екатеринбург), факультет «Связи с общественностью и реклама», студент IV курса.

ЧАЩИН Алексей Владимирович, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук (г. Екатеринбург), аспирант 3-го года обучения.

ШАРАПОВ Игорь Родионович, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, факультет политологии, аспирант 1-го года обучения.

ЮРОВЕЦКАЯ Анастасия Владимировна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, студентка III курса.

Научное издание

Россия и мир в конце XIX – начале XX века

III

Материалы Третьей всероссийской научной конференции
молодых ученых, аспирантов и студентов
(Пермь, Пермский государственный университет,
4 – 8 февраля 2010 г.)

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка *Д. М. Софьина*

Подписано в печать 26.01.2010. Формат 60 x 84/16.
Усл. печ. л. 8,84. Тираж 100 экз. Заказ № 32

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15